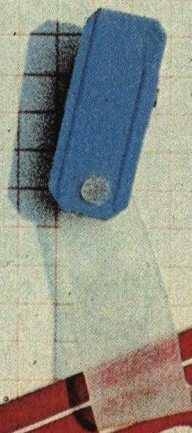

Парус

10/1988

**АККРЕДИТОВАНЫ
ЧИТАТЕЛЕМ!**

История комсомола — это история
страны. Давайте писать ее вместе.

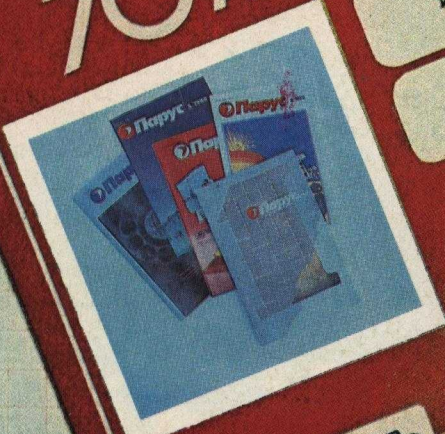
70 лет ВЛКСМ

ИМЯ " ПАРУС "

СТРАНА СССР

ПРЕССА

№ 70795

МИНСК, 88г.

фотоконкурс
«Субъектив»

Настроение.

Фото Елены АДАМЧИК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Польмя»

Издается с июля 1972 г.

В номере

Рост

Владимир БУЛЬЧЕВ. Нетипичный секретарь 2 2

Код 2001

Алексей ЛЕОНИДОВ, Александр РОСИН. Электронная сказка 9 9

С мира по ногке 14 14

Пальцем в небо

Владимир БОРОДИН. Вам пакет 16 16

Работа над ошибками

Светлана САВРАСОВА. «...В связи с уходом из ВЛКСМ» 18 18

Открытый урок

Перемен, мы ждем перемен! 22 22

Машина времени

Борис ЗЕЛЕНСКИЙ. Весь мир в амбаре. Фантастический детектив 24 24

Болеем за наших

Валерий АДЖИЕВ. Профессионал 40 40

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. Жизнь вне спорта 44 44

Трубка мира

Андрей МАКСИМОВ. Безвыходная ситуация? 48 48

Закулисная жизнь

Светлана ШИДЛОВСКАЯ. Не забудьте включить телевизор! 50 50

Ученическая тетрадь

Елена МУЧИНСКАЯ. Полет. Рассказ 56 56

Ищу друга 59 59

В переплет!

Эдуард ДУБРОВСКИЙ. Три правильных аккорда 61 61

Макет номера подготовили Валерий РУЛЬКОВ и Валентина ЖГУНЦОВА.
1-ю страницу обложки оформили Валерий РУЛЬКОВ и Елена АДАМЧИК.

10/1988

10/1988

НЕТИПИЧНЫЙ

Краткий словарь местного фольклора и жаргонизмов, составленный вторым секретарем райкома комсомола Николаем Панасенко в помощь приезжему журналисту:

БИЧЕГОРСК. Старый микрорайон Комсомольска-на-Амуре, застроенный бараками.

В НАТУРЕ. 1. Вводное словосочетание: вправду, в самом деле. 2. Утверждение.

ГНАТЬ. 1. Говорить заведомую ложь. 2. Прикидываться дурачком, паясничать.

ДАВАТЬ ОТМАШКУ. Обороняться, давать сдачу в драке.

ЗАБЫЧИТЬ. (Производное от «бык»). Вывести из своего круга, третировать, объявить войну.

ОТКИНУТЬСЯ. Освободиться из мест лишения свободы.

СТРАНА ДУРАКОВ. Общежитский городок.

ФАЗАНКА. Профтехучилище.

ФАЗАН. Учащийся СПТУ.

— Теперь ты кое-что посмотрел, — сказал секретарь.

Мы вернулись из рейда, который проводил в «Бичегорске» комсомольский оперативный отряд Центрального района Комсомольска-на-Амуре. Вспоминаю трех «фазанов», снятых нами с чердака одного из барачков («Что отмечали?» — «Просто так...») И в глазах — ни испу-

СЕКРЕТАРЬ

га оттого, что «засекли», ни вызова. Ничего в глазах, кроме скуки и незаработанной усталости).

— Знакомо, — сказал я секретарю. — Притоны везде похожи. И люди опускаются везде одинаково.

— Нет, — качнул головой Панасенко. — Приезжие замечают, что здесь, у нас, все как-то грубее, что ли. Где-то, наверное, общая культура эту дрянь поглощает, поддерживает какой-то уровень. А здесь, у нас... Очень народ озлоблен. Многие боятся детей одних выпускать на улицу. У меня жена, когда идет домой с детьми, первыми их в подъезд никогда не пустит. Конечно, можно обо всем этом написать. Как сейчас водится. Но ты только имей в виду, что кому-то здесь — ссылка, кому-то — стройплощадка или ша-

башка, а кому-то — родина. И ты этих людей пощади.

— А давай попробуем так. Я как бы взгляну на город твоими глазами. Встречусь с людьми, которых назовешь ты. Получится как бы взгляд изнутри, а не просто бесстрастные впечатления заезжего человека.

— Моими глазами... Ну, вот, скажем, смотрю я своими глазами на эту стенку и думаю: я сделал не то, что предполагал.

О чем это секретарь? А вот о чем. Задумывал Панасенко создать в районе комсомольский оперативный отряд. И создал (тот самый, с которым мы только что были в «Бичегорске»). Список его дел обычен: дежурства на дискотеках, рейды, задержания и приводы. Милиции, конечно, подспорье. И в райотделе, да и вообще в городе отряд на хорошем счету. Полагаю, не без оснований. И все же...

На стене в помещении штаба отряда — надписи: «С преступ-

никами — по-преступному, с хулиганами — по-хулигански!» Другие лозунги, призывы или обращения к своему брату-оперативнику по сути схожи и, начертанные разными людьми, исполнены одинакового карательного пафоса.

— Плюмбумы? — спрашиваю.

— Всякие попадаютс ребята. Да, есть и экстремисты. Если ты как-то серьезно пострадал от хулиганья, если, хуже того, обидели твоих близких, девушку... Если в школе тебе твердили: энтузиазм, героизм, комсомольский задор, город-символ, а ты смотришь вокруг... В общем, их тоже можно понять. Я о другом. О том, что их озлобленность — она тоже от отчаяния. Вот мы вытаскиваем из притонов бичей, проституток. А там — все снова. Мы воюем со следствиями, а не с причинами. И милиция тоже воюет со следствиями. Получается так: преступность принимается как данность. Вот у меня в районе за первый квартал в три раза больше, чем за прошлогодний, задержано пацанов в нетрезвом виде! В три раза!

— Но как быть? Как бороться с причинами?

— О, тут всего много. С какого конца ни начни, столько тут всего. Ну, вот начну с милиции. Знаешь, как ребята падут! Они проверяют материалов раза в три-четыре больше, чем среднестатистический советский опер. Ну, и какая тут профилактика? Для того, чтобы профилактикой заняться, оперов должно быть у нас не три, а, может, все тридцать. Есть вещи, на которых не экономят. Сегодня чуток сэкономишь, а завтра вообще разоришься... Или вот еще о причинах. Пришел в райотдел Володя Мательский — молодой парень, после вуза. Избрали секретарем комсомольской организации. Однажды на представительном собрании выступил. Как раз о причинах, о корне зла. Дескать, почему, с какой стати наш Комсомольск должен быть выгребной ямой?

— Это о «химиках»?

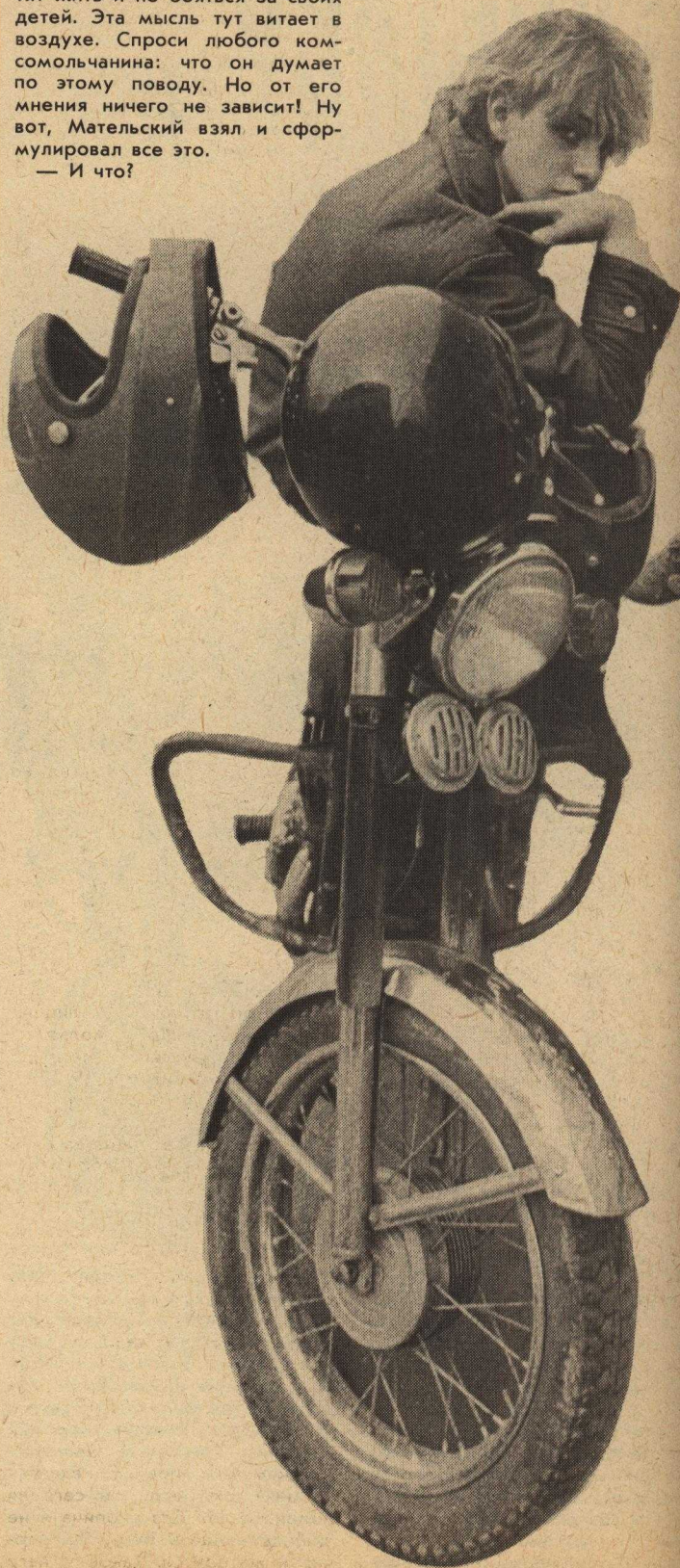
— Ну да.

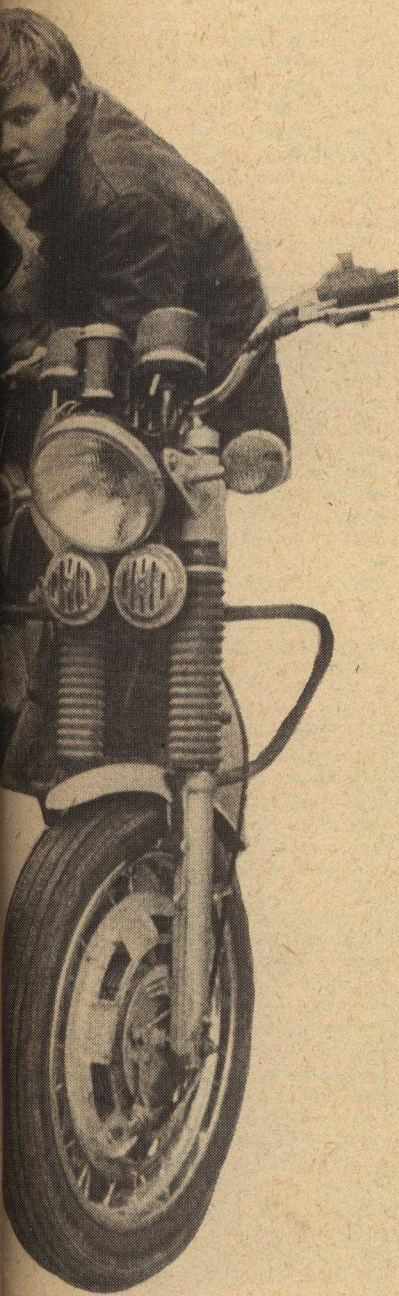
— Так прямо и сказал?

— Ну, может, сказал: помойкой... Мол, какая же тут социальная справедливость, если одни города очищаются за счет других? Сколько лет Комсомольску, столько лет сюда идут этапы. Здесь и колонии, и спецкомендатуры. О какой профилактике правонарушений среди несовершеннолетних можно го-

ворить, если в городе такая среда? Понимаешь, люди что в Москве, что в Магадане хотят жить и не бояться за своих детей. Эта мысль тут витает в воздухе. Спроси любого комсомольчанина: что он думает по этому поводу. Но от его мнения ничего не зависит! Ну вот, Мательский взял и сформулировал все это.

— И что?

мужает, образумится и оставит со временем мальчишеские выходы...

— Не знаю, не знаю... А что касается грядущих перемен, говорят, число спецкомендатур будут увеличивать. Так что придется, так сказать, искоренять и давать отпор.

И секретарь кивнул на стенку с карательными призывами.
— Пойдем отсюда.

Ночь. Ветренно и промозгло. В этот город поздно приходит лето и рано — осень. Но тут уж точно ничего не попишешь: природа.

Высотные дома и широкие проспекты. Город, пожалуй, красив. Однако той современной типовой, безликой «красотой», которая окружает многих из нас с детства, потакает неприятельным нашим вкусам и не дает по-настоящему понять, какими же могут быть наши города.

Уговор есть уговор: я смотрю вокруг глазами Николая. И говорю: «Красивый город». Я знаю, что Панасенко уезжал из Комсомольска, потосковав, вернулся и больше расставаться с ним не хочет.

Наш разговор снова то и дело поворачивает к криминальным сюжетам. Право же: секретарь мне попался с милицейским уклоном. Пошутил на этот счет. А он: «Собираюсь в юридический». — «В следователи?» — «Скорее, в адвокаты».

Вот здесь (очередной поворот) в прошлом году летом толпа подростков — человек двести — шла «брать» райотдел милиции. На танцах затеяли драку с ребятами из Казахстана. Крепко их побили. Зачинщиков доставили в милицию. Они — туда. «Комсомольск — только для русских!» Чем нерусские провинились? Да тем, что отличимы! В эту уродливую форму вылилось царящее в городе настроенное, а то и попросту враждебное отношение к приезжим. И к «органборовцам», то есть к тем, кто попадает сюда через бюро по трудоустройству, и к посланцам комсомола. Чем приезжие провинились? Вот ситуация глазами коренного комсомольчанина. Он стоит пятнадцать лет в очереди на квартиру, а приезжим, а посланцам дают сразу какое-никакое жилье. Его (допустим, строителя) не убедишь никакими экономическими выкладками по поводу нехватки рабочих рук, если он сегодня полдня сидел без кирпича и не знал, куда деть руки. Он ворчит и матерится. Такой у него

самовыражение, и такой у него бунт. А его сын был в той толпе. Бей приезжих! А чтобы не ошибиться — тех, кто отличим от «своих». И такой — его бунт.

От «понять» до «оправдать» путь недолог, но не всегда должен и может быть пройден. Нескольких подростков после тех событий осудили за злостное хулиганство. Справедливо осудили.

Но я смотрю на ситуацию глазами коренного комсомольчанина Николая Панасенко. Как и договорились. Да и вдобавок мне тоже ближе адвокатские подходы, хотя обращаться к причинам сложнее, чем карать. Как, двигаясь вспять от события к событию, дойти до самых истоков явления? Как не поддаться соблазну оборвать цепочку на каком-нибудь податливом звене?

Этапы с условно осужденными. Миграции (а за последние шесть лет население Комсомольска обновилось примерно на треть). Только ли это осложняет обстановку в городе?

Панасенко словно подслушивает меня. Говорит:

— А давай посмотрим, как формируется Всесоюзный ударный комсомольский отряд. Думаешь, случайно у нас преступность скакнула с 1981 года — как раз со времени, когда город объявили ударной стройкой?

Смотрим мы на Всесоюзный отряд с помощью секретаря комитета ВЛКСМ СПТУ № 27 Олега Химичева, «посланца латвийского комсомола». Перед встречей Панасенко меня подготовил: «Это, заметь, редкий случай: парень ехал действительно из убеждений. Откликнулся на призыв комсомола. Помыкался на стройке. Но не сломался. Я его в оперотряде заметил, рекомендовал секретарем училища. Хороший парень. Честный, горячий».

Я горячности особой не заметил. Наверное, была, да вся вышла, хотя Олегу всего двадцать один год.

«Наши почти все разъехались, — спокойно, без эмоций говорил он. — Почему так вышло? Во-первых, мы думали, что нас здесь ждут. Чуть ли не оркестр представляли в аэропорту. Подъем был, гордость какая-то, надежда.

Встретил нас маленький автобус. Туда поместились только наши вещи. Секретарь шестого треста приезжал в аэропорт. Но больше его никто не видел — ни на стройке, ни в общепитии. Бог с ним, с оркест-

— Был большой шум. Его хотели как-нибудь из комсомольских лидеров сместить. Не вышло, ребята не отдали. А по работе претензий к нему нет, хороший следователь. Поддержались и оставили парня в покое.

— И все как прежде.

— А ты думал?!

— А Володя повзрослеет, воз-

ром, конечно. Это наивно. И это не нужно. Я к тому, что для нас — событие, а для всех тут — очень будничное дело. Сначала было обидно: все-таки город объявлен комсомольской ударной стройкой. Потом стало не до того.

Занимались в учебном комбинате. По специальности часов мало, все больше политекономию. Так толком ничему и не научились. По выходным — на овощебазу. Транспорт не давали, и мы обычно топали пешком. В рейсовые автобусы стыдно как-то в грязной робе. Как раз зарядили дожди. Веселого мало.

Тут стало выясняться, кто есть кто. Сначала скрывались, не откровенничали. В нашем отряде, оказалось, есть судимые. В других — вообще всякий сброд. Началось пьянство, драки, кражи. Лопали одеколон. С водкой здесь туго, да и денег-то... Мы, например, в первый месяц заработали по сорок рублей. Ну вот, напьются и чудят. Один рубаху на груди рвет: в Америку хочу! Другой: я месяц как откинулся, мне одна дорога — в зону, я на вас на всех чихал. Вот такие «комсомольцы». Я слышал про это, но, честно говоря, не верил. Здесь уже порассказывали, как набирают в отряды в некоторых городах. Заматают на вокзале проституток, бичей и говорят: решай, или в тюрьму тебе путевку, или в отряд.

В учебном комбинате мы не доучились неделю. Отправили в срочном порядке строить овощехранилище. Там я впервые столкнулся с «химиками». Работали с ними в одних бригадах: здесь это принято. Один начал меня гонять. Вроде как молодого. Сам в карты режется, а я за него — вкальвай. На третий день он получил в лоб. Жалею только, что не в первый. Сразу не сориентировался. Но здесь иначе нельзя. Кто кого. Когда я понял это, то пошел в оперотряд. Я понял, что надо или бороться, или сдаваться. Были ребята, которые сдались, запили. Меня, можно сказать, отряд спас. Появилось дело. Причем серьезное, на износ. Иногда мы вечером шли с работы в штаб и оттуда утром — на работу.

После общаги и тех «концертов» я уже ничему не удивлялся. Но долго не мог привыкнуть: очень много подростков, почти детей. Их часто доставляли в опорный пункт, пьяных или одуревших от наркотиков. Некоторые по-русски, кажется,

не понимают. Как там у них? — «Ты че, фазан, в натуре, гонишь...» Овладел...

Сейчас с подростками столкнулся ближе. Сам работаю в училище. Конечно, их надо спасать. Надо... Не знаю только, смогу ли я это сделать. Пытаюсь что-то... Но, во-первых, я из Комсомольска уеду. Я приехал не за тем, что здесь встретил. Думал, жизнь здесь лучше. Не в смысле денег, конечно, благ. Жище, что ли. Думал, что у комсомола авторитет. В Риге я был секретарем в заводском цехе. Ну, и не хватало все время самостоятельности. Силы хватает, но развернуться не получается.

А во-вторых... Я иногда вообще не уверен, что я им нужен. Пришел в общежитие: давайте поговорим, что вам надо, ребята. Да пошел ты, говорят. Ничего, говорят, не надо.

Жалко их... Когда в школе учился, мы придумали интересную штуку для «Комсомольского прожектора». Выдирали последние странички из тетрадок. По-честному, конечно, с согласия ребят. Кто чем занят на уроках? Один рисует девчончий профиль. Другой — инопланетян. Третий — зверюшек каких-то. Очень много можно понять о человеке по этим рисункам. Шутки всякие писали, эпиграммы. Хотел то же повторить в училище. Попросил тетрадки. Там — череп и кости, свастики, ножи, пистолеты. В лучшем случае — какой-нибудь мускулистый торс. Культ насилия.

Могу ли я что-то поменять? Я лично могу ли что-то изменить во всем этом?

Ну, например, чтоб четвертый разряд — так четвертый разряд у наших выпускников, а не липа. Чтоб ударный отряд — так ударный отряд, комсомольский — так комсомольский. И то, что хорошо, — это хорошо. А то, что плохо, вся эта блатная романтика, например, — это плохо... Могу ли?... Может ли?

Я вспомнил слова Николая. Кому-то здесь — ссылка или стройплощадка. Для кого-то, как для Олега, — город, куда позвали мечты и фантазии, разбившиеся в итоге о реальность. Скорее всего, ни те, ни другие, ни третьи не спасут город. А те, кому здесь — родина?..

Как-то оно выпренно получается... Приземлить бы и уйти от патетики. Скажем, так: что может второй секретарь райкома комсомола Николай Пана-

сенко изменить в своем городе? Что же от него, от него лично, зависит?

Думаю, что комсомольскому работнику в этом городе труднее, чем где бы то ни было. Это только со стороны, издали кажется, что ситуация выигрышна: мол, история города коротка и обозрима, многие первостроители остались в Комсомольске, и дети их, и внуки живут здесь же — вот они, преемственность поколений, продолжение традиций и воспитание на живом примере. Так кажется. А на самом деле...

Каждый год 10 мая на берегу Амура, в том самом месте, где в 1932 году высадились первостроители, проходит митинг — в память о тех, кого уже нет среди живых, в благодарность оставшимся. Был я на этом митинге. Три десятка освобожденных комсомольских работников, пять журналистов да несколько случайных прохожих — вот и вся «явка». Спрашивал потом на улице молодых людей, подростков, что за праздник сегодня, что за событие. Молчат. Вот и вся память...

С одним пареньком, шустрым, разбитным «фазаном» (так представился он сам) разговаривал поподробнее. Узнал, из какого училища. Вспомнил, что городской прокурор Леонид Поликарпович Скрыпкин называл именно это училище как самое «криминальное». Первое мая: два тяжких — изнасилование и убийство. Это для иных ПТУ пятилетняя «норма». О кражах и хулиганствах и говорить не приходится. Такая картина. Спросил своего юного собеседника об этой картине. Мол, училище у вас сильно хулиганское, так ли это и отчего. «Нормально», — отмахнулся парнишка. Хотел поговорить с ним о комсомоле. В духе школьных диспутов: мол, что такое для тебя комсомол, веришь ли ты в него, и так далее. Но почему-то язык не повернулся спросить о комсомоле. «Слова у нас до важного самого...» Не хотелось усугублять процесс ветшания... Мы стояли в центре Комсомольска на проспекте Первостроителей, праздник которых отмечал сегодня город...

Что же ты можешь, секретарь? Что ты можешь в городе, в котором, как ни где, производные от комсомола слова и понятия затаскались и обесценились? И второе. Если ты борешься лишь со следствиями, то плодотворно ли это и перспективно ли?

Это наша пятая, кажется,

ночная прогулка. Днем Панасенко не до того. В кабинете его не застать. Я, конечно, против кабинетных комсомольских работников, но, мне кажется, можно бы мобилизовать аппарат, актив, чтобы самому день-деньской не носиться по городу. Или: не только самому носиться. Впрочем, это ведь вопрос как опыта (Панасенко в райкоме работает меньше года), так и темперамента. Одним словом, крутится. Воеет со следствиями.

— Хорошо, а ты сам что понимаешь под причинами? — спрашивает. — Давай теперь твоими глазами.

Ну, что ж, давай моими.

Не так давно у нас был в ходу термин «трудовые ресурсы». Это о людях. Как о каменном угле или железной руде. Если мы имеем дело не с личностью, а с «ресурсом», то это снимает с нас множество перед ним обязательств. Например, можно использовать его труд в нечеловеческих условиях. Надо только назвать это не нашей несостоятельностью, а его героизмом и самоотверженностью. На смену землянкам придут балки, или коммуналки, или малосемейки — усеченные варианты житейских благ.

продуктов и элементарных товаров — обывательским нитьем, экономической неграмотностью и политической близорукостью.

Если мы имеем дело не с личностью, а с «ресурсом», то совсем не важно, по комсомольской путевке или по приговору суда он будет строить новые заводские корпуса. Надо только в первом случае назвать это почетным поручением или даже миссией, а во втором — шансом испкупить вину перед обществом.

Вот стояла я на митинге в честь первостроителей, слушал стертые, из года в год, как видно, повторяющиеся слова и думал: а вдруг, вопреки сценариям и ожиданиям, кто-то скажет выстраданное и страстное слово — слово в защиту родного города. Выйдет пожилой человек и скажет: обидно за город. Строил я его и мечтал видеть не таким. Мне давали награды, и городу давали награды: два ордена он честно заработал, один — у меня. Мой город дает почти половину промышленной продукции края. Значит, и жить должен по труду! А в нем не хватает ни жилья, ни школ, ни детских садов, ни

хороший и мудрый термин в ходу: человеческий фактор. Но когда я слышу, как с выражением открытия на лице с трибуны или перед телекамерой какой-нибудь хозяйственник говорит о своем руководящем принципе, о «человеческом факторе» то есть, невольно думаю: нет, брат, лукавишь. Потому что, будь на твоём заводе «человеческий фактор», как и должно ему, нормой, то и говорить о нем не стоило б. Не декларируем же мы, в конце концов, что отныне дышим воздухом и ходим по земле. А чем еще дышать? А какой еще, простите, фактор? Нет, брат, у тебя тоже «трудовой ресурс». А «человеческий фактор» — что-то вроде гипноза для него. Психотерапия ожидания грядущих благ.

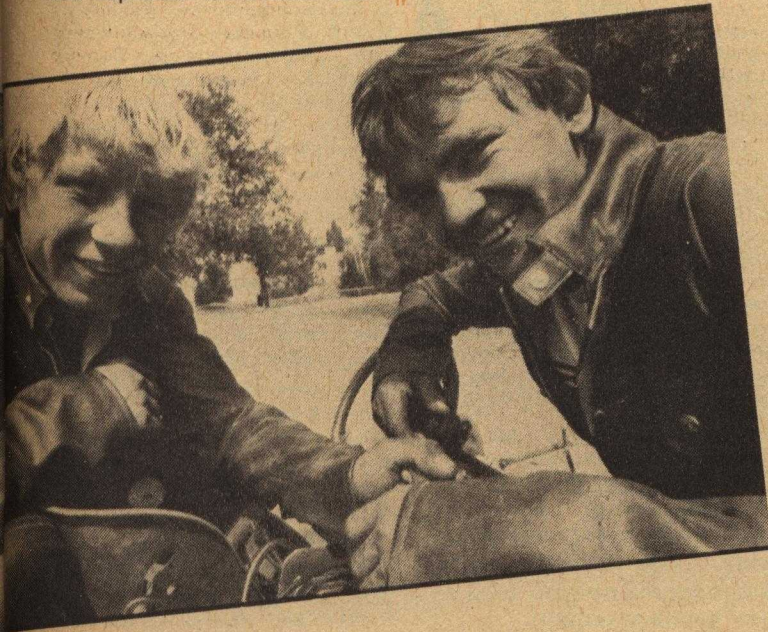
И это — из области причин.

— Это все так, — сказал секретарь. — Но, видишь ли, если ждать устранения всех причин... Надо их понимать. Тогда к тем же пацанам, например, не будет злобы. Тогда пацанов, запутавшихся и виноватых, захочется защитить, а не пересажать. Но понимания мало. Не знаю, может, вам и достаточно: понял — изложил. И взбудоражил общественное мнение. А нам мало. Надо все-таки что-то делать...

На другой день мы с Панасенко были на «Орбите». Это к вопросу о делах. Я сказал: согласен, хватит о причинах. И спросил секретаря, какое же дело ему по-настоящему дорого. Детище, что ли. Предмет, так сказать, особой заботы.

«Орбита» — это круглая бетонная коробка в центре города, на пустыре. Раньше в ней размещались радиотрансляционные локаторы, а с постройкой телевышки здание заброшили за ненадобностью. Глаз на него то и дело кляли самые разные организации. Но, поразмыслив, идею приспособить его для своих нужд оставляли: дел здесь невпроворот — груды мусора и никаких коммуникаций.

В стороне и независимо от этой бетонной коробки развивались другие сюжеты. В городе появились рокеры, и ряды их множилось. Ну, рокеры не рокеры (это все же движение, там своя программа и даже философия) — попросту пацаны на колесах, в большинстве без водительских удостоверений. С «гаишниками», конечно, — войн. Боевики с погонями. Инспекторов понять можно. Было: выстраивались клином мотоциклисты на трассе и вынуждали

Но надо отсылать воображение к землянкам — не как к трагической странице прошлого, а как к торжеству человеческого духа. Чтобы все притязания на нормальные условия и блага можно было при случае объявить завышенными и бездумными. Жалобы на отсутствие

поликлиник, ни кинотеатров. Да вы сами все это знаете без меня и скажите тогда: чего же в достатке в моем городе? И скажите тогда: чего же мы стоим вот здесь и умиляемся?..

Но не прозвучало слово. И это тоже — из области причин.

Времена меняются. Нынче термин «трудовые ресурсы» предан забвению. Больше того,

встречный автомобиль сворачивать в кювет. Один раз такое вот мотохулиганство привело к человеческой жертве...

Но никакие карательные меры действия не возымели.

Однажды под покровом темноты (но не таинственности ради. Ночь — время встреч рокеров: по ночам, рассекая фары темень, гоняя на «тачках» увлекательней) на улицы Комсомольска с фонариками вышли двое. Панасенко и Виктор Чабан, педагог, мастер спорта по мотокроссу. Первая прогулка результата не дала. И вторая не дала. А на третий раз состоялась встреча с рокерами и дипломатические переговоры.

Хотя какие там дипломаты и какие там манеры. На следующий день пацаны, подрулив к райкому, «тачки» поставили на газон. Просто так, для понта.

Идея с «Орбитой» им понравилась. Поехали на место, оглядели делово. По замыслу, в «Орбите» откроется подростковый мотоклуб и кооперативная мастерская по ремонту мототехники. Это и местным жителям помощь, и клубу деньги. На них можно будет приобрести технику, построить мотодром или оборудовать трассу.

То, что дел невпроворот, пацанов не испугало вовсе. Убрали потихоньку мусор, сварили решетки на окнах, вырыли траншеи, навозили трубы — движется работа.

То, что официально, решением горисполкома, здание клуба пока не передано, их тоже не пугает. Да и, пожалуй, не их это забота. Это уже задача для Панасенко.

Кое-что секретарь уже выбежал. Например, вместе с ребятами из горкома комсомола «пробил» решение городского совета директоров о перечислении клубу 20 тысяч рублей. Договорился о мотопробегах Комсомольск-на-Амуре — Влади-

восток, к полному восторгу «орбитовцев» («Владик — это класс. Какие там «тачки» у народа! Япония!»).

Есть у клуба уже свой устав. Строгий устав, особо для размагнитных и поповывающих на все порядки. Но принимали его общим собранием, и деваться теперь некуда. По уставу, пить нельзя (и не только за рулем), собираться на «тачках» без ведома клуба — нельзя, а о всяком ЧП следует незамедлительно докладывать Чабану — тренеру и руководителю.

— Ну вот, пожалуй, как ты говоришь, детище, — подытожил Панасенко. — Тут отдача есть. Пацаны, конечно, народ грубоватый. Но мне зачем признания и нежности? И так все видно. Вот завалят толпой в райком — грязные, руки в масле. Опять, мол, привязался «гаишник». Почему два стопаря... ну, то есть стопсигнала. Крыло почему задрано? А потом, мол, заорал: все равно не дам вам жизни! Ты ему, Коля, скажи, что опасно игравать... У них там война продолжается. Ну, а я — буфер. Пошумят, уйдут. А я погляжу на свой стол, заваленный бумагами... Грустно становится. Там — дело, а тут...

Я подначиваю:

— Конечно, все тридцать (или сколько их там у тебя?) направлений требуют неустанного внимания. Ты же секретарь, а не шеф-наставник трудовых подростков.

Отмолчался. После паузы:

— Да, кстати, помнишь трех «фазанов» — мы их тогда в рейде поймали? Я обещал их свести с хорошим тренером, который двоечников не гонит из секции. Ты еще все спорил: не придут, они подкакивают, чтоб мы их не забрали. Пришли сегодня как миленькие! Им же, пойми, действительно некуда себя деть... Вот это и есть отдача.

Опять о своем...

Я знаю, что Панасенко из педагогов. Преподавал в политехникуме. Там избрал секретарем комитета ВЛКСМ. Пошел на это неохотно: никогда о подобном не помышлял. Начинать комсомольскую карьеру в двадцать семь поздновато. А все, кто ее делает, к этим годам уже сделали. Я не против: пусть себе, карьера — хорошее дело. Но жаль, что часто ей сопутствуют осторожность и умение, взвешивая слова и мысли, усекать их порою до состояния невесомости. Хотя встречал много хороших ребят, профессионалов и умниц, при комсомольских должностях, и все-таки... Все-таки — осторожность. Несмотря ни на какую перестройку. У них множество преимуществ перед Панасенко. Например, они могут «тащить» все направления. У него много перед ними минусов. Ну, например, он не умеет дискутировать о комсомоле и заражать всех верой в возрождение его славы. «Орбитовцев» он за комсомол не агитирует. Хотя, наверное, мог бы: в конце концов, кого и что он представляет?

В общем, нетипичный несколько секретарь. А все эти жаргонные словечки, пускай и закавыченные?..

Но, с другой стороны, Комсомольску нужен такой секретарь (или: и такой секретарь) — с милицейско-педагогическим уклоном. Который бы боролся со следствиями, но и мучительно думал о причинах. Потому что устранение их — то самое главное направление, которое обязательно надо «вытащить».

Владимир БУЛЫЧЕВ
Хабаровский край

Фото Елены АДАМЧИК
и Игоря ЯКОВЛЕВА

шпаргалка на всю жизнь

«Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в бессловесной покорности, есть просто раб; раб, осознающий свое рабство и примирившийся с ним, восторгающийся своей жизнью и своим добрым господином, есть хо-

лоп, хам; но раб, осознавший свое положение и восставший против него, — это революционер».

Владимир Ильич Ленин

«Как можно познать себя? Только путем действия, но никогда — путем созерцания. Попытайся

выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть».

Иоганн Вольфганг Гёте

«Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя...»

Михаил Пришвин

код 2001

ЭЛЕКТРОННАЯ СКАЗКА

Примерно году так в 1272-м Раймунду Луллию, придворному поэту арагонского короля, было видение.

Ничего удивительного — в прошлом это случалось со многими. Святые тогда от работы не отлынивали, периодически кому-нибудь являлись, давали советы и ценные указания, не гнушались и пророчествами побаловаться и таким образом удовлетворяли свою страсть к общественной деятельности.

Но Луллиево видение оказалось нестандартным. Ничего святого в нем не было, а было, наоборот, черт знает что: какие-то вращающиеся диски с непонятными символами на них.

но это легко объяснить: ни пиво, ни мед автора сказки не интересуют.

Так как имя автора — компьютер.

Как по-вашему: сочинительство сказок — это творческая задача или нет? Не спешите с ответом: сказав «да», вы тем самым признаете, что машина может не только мыслить, но и творить. Поэтому подумайте, а мы пока расскажем еще одну историю, тоже похожую на сказку.

«**Ж**ил-был царь, имел дочь. Налетел змей, унес царскую дочь...

Отправился Иванушка искать царскую дочь. Идет Иванушка, видит пещеру... Спрятался Иванушка. Прилетел змей. Убил Иванушка змея... Забрал Иванушка царскую дочь и вернулся назад.

Получил Иванушка царскую дочь в жены. Сыграли свадьбу, стали жить-поживать, добра наживать».

Чем не сказка? Ну, не шедевр, не Андерсен, не братья Гримм, но все атрибуты сказочной истории налицо: и царь, и принцесса, и дерзкий похититель-змей, и герой-освободитель — Иванушка... Единственное, чего нет — «Я там был, мед-пиво пил»,

Луллий однако не зря считался при королевском дворе человеком ученым. Незадолго до видения он даже умудрился добыть «аква вита» — основную, по его мнению, часть эликсира бессмертия. [Кстати, не исключено, что между этими событиями прямая связь — «аква вита» оказалась... обычным спиртом, уже, впрочем, открытым к тому времени арабами]. Пораскинув мозгами, поэт понял, что ему являлась «логическая машина», с помощью которой можно «понять» поведение всех вещей посредством вычислений.

И, представьте, Луллий такую машину построил. И эта кустарная прабабушка ЭВМ могла «выдавать» около 18 квадриллионов (!) буквенных и цветных истин.

Ну, скажем, нужно выяснить, как стать могущественным. Луллий, вращая диски своего нехитрого механизма, «вычислял», какие небесные и земные силы нужно использовать для достижения поставленной цели.

Не станем сейчас выяснять, насколько истинными были машинные истины: за прошедшие семьсот лет это неоднократно делали без нас. На книгу Луллия «Великое искусство», в которой он описал свое изобретение, ссылались Джордано Бруно и Джироламо Кардано, ее ругал Фрэнсис Бэкон, высмеивал Джонатан Свифт, опровергал Рене Декарт. Она оказала серьезное влия-

ние на Блеза Паскаля... И, видимо, не будет большой натяжкой, если мы включим в число ученых, всерьез отнесшихся к идее Луллия научить машину мыслить, отцов кибернетики Джона фон Неймана, Норберта Винера, Клода Шеннона...

Но первым, пожалуй, подхватил ее — эту идею — великий немецкий математик XVII века Готфрид Лейбниц, который всю жизнь возвращался к попыткам найти «язык мысли». За что, кстати, удостоился внимания Георга Гегеля, заметившего, что идеи «Луллия номер два» не уступают в бессмысленности идеям Луллия-первого. Однако спустя столетия Норберт Винер не согласился с философом, заявив: «Если бы мне пришлось выбирать в анналах истории наук святого, покровителя кибернетики, то я выбрал

бы Лейбница...» А известный американский математик и педагог Дж. Пойа отмечал, что хотя проект Лейбница о «вычислении истин и казался абсурдным многим здравомыслящим людям, современные вычислительные машины реализуют часть этого фантастического проекта».

Но и до эпохи ЭВМ, до рождения в 1946 году гиганта ЭНИАКа, было немало

ленная область» как раз и есть область творчества.

Выходит, творцом компьютера быть не может! А как же Иванушка, отправившийся по воле ЭВМ спасать принцессу от злого змея!

Дело в том, что почти все сказочные персонажи имеют стандартные характеристики. У Змея Горыныча число голов всегда кратно трем. У Бабы Яги — костяная нога, а нос в потолок врос. Герой совершает подвиги, злодей — пакости... ЭВМ лишь повторила стандарты, растеряв при этом самое главное — детали — и оставив голый скелет.

То же самое и с машинными стихами и музыкой: другое дело, что их не всегда удается отличить от человеческих, но, к сожалению, это «заслуга» не ЭВМ...

Споткнувшись на попытках смоделировать творчество, ученые приуныли, но ненадолго. «Раз человек не может научить машину творить, пусть она научится этому... сама», — решили они. Как! Так же, как люди. Сначала они получают уже известные знания, а потом, переработав их в мозгу, «выдают» новые. (Впрочем, оговоримся, что это лишь одно из мнений специалистов, работающих над созданием искусственного интеллекта. Во многих лабораториях ученые продолжают искать алгоритм творчества).

Вот так идея Луллия совершила новый скачок. Стало ясно, что нужно складывать в машину не информацию, а знания.

[Схематично это можно представить так. Нам нужно узнать, скажем, площадь прямоугольника. Мы имеем информацию о его длине и высоте. Но, не зная зависимости площади от длины и высоты, просто не догадаемся их перемножить].

Осталось «только» найти людей, способных поделиться с компьютером тем, что знают сами: выловить в этих знаниях рациональное зерно и перевести на понятный машине язык. А уж дальше искусственный интеллект все

возьмет на себя: математически точно сформулирует задачу, выберет и составит алгоритм и программу ее решения... Причем речь идет о задачах, не имеющих описанных формальных методов решения, то есть о самом настоящем творчестве.

К середине 70-х новое направление в работах по созданию искусственного интеллекта окончательно сформировалось. Назвали его — «экспертные системы». Эксперт как раз и есть тот, кто должен делиться с ЭВМ знаниями: А «выкачивать» их у экспертов и переводить на машинный язык — обязанность инженера по знаниям.

Теперь, когда вы все знаете — и про Луллия, и про стандартного Иванушку, и про логические машины, — самое время поближе познакомиться со специалистами, которые через семь столетий после Раймунда Луллия поставили перед собой ту же задачу: научить машину мыслить. И не лишь бы как, а творчески.

И так, мы с вами в лаборатории искусственного интеллекта при Минском радиотехническом институте.

Мы были готовы встретить кого угодно: разумных киберов, мудрых очкастых мужиков, разговаривающих между собой на смеси марсианского и эсперанто, но если и пришлось удивляться, то разве что собственной наивности. Пустые, практически без мебели, комнаты, гулкие холодные коридоры...

Мигом остудив воображение, мы задумались не столько о могуществе искусственного интеллекта, сколько о парадоксах естественного. Но заведующий лабораторией Валерий Михайлович Цуриков нас не подержал.

— Все нормально, — усмехнулся он. — Если учесть, что многие серьезные работы начинались в подвалах, под лестницами, то мы выглядим достаточно при-

попыток воплотить в жизнь «бессмысленные идеи» Луллия и Лейбница. Еще в 1870 году английский философ и экономист Вильям Джевоис построил «логическое пианино», которое делало на основе алгебраически записанных посылок допустимые выводы. Что-то похожее сконструировали в начале XX века и русские ученые П. Д. Хрущев и А. Н. Щукарев. Причем это были именно логические машины, а не «идиоты, наделенные феноменальной способностью к счету», как называли скептики первые вычислительные устройства.

Ну, а появление ЭВМ, естественно, вдохновило ученых на самые смелые предположения. К 70-м годам нашего столетия появились предсказания, что «по прошествии трех — пятнадцати лет будет создана машина, общий интеллект которой достигнет уровня среднего человека, а еще через несколько месяцев он окажется на уровне гения...»

Увы, прошло пять, десять, пятнадцать лет, а электронный гений так и не появился. Почему!

Потому что как только машине предлагали решить задачу «с неопределенной областью поиска», она поднимала свои электронные руки вверх. А эта «неопреде-

влекательно: как-никак восьмой этаж...

И со свойственной настоящим ученым последовательностью продолжил:

— А что касается естественного интеллекта, здесь я с вами согласен: человеческий интеллект, тем более, разум, изучен мало.

— Вы эти понятия разделяете?

— Конечно. Разум — понятие гораздо более широкое, чем интеллект, оно включает в себя и такие присущие только человеку категории, как совесть, стыд, любовь, чувства долга и юмора, готовность ради важной идеи страдать, отказываться от благ...

Машина нужна не для замены разума, а усиления его, чтобы человек не тратил годы и годы на решение задач — научных, технических, — которые машина сможет «щелкать» как орешки.

Уже сегодня в мире создано около пятидесяти сложных систем искусственного интеллекта — отлаженных и отработанных. Ну вот, например, вам нездоровится: закладываете в машину данные своего анализа крови, сведения о давлении, частоте пульса и прочие показатели вашего организма. И через полсекунды машина, логически выбрав одну из 500 известных ей болезней, ставит точный диагноз. Ни один врач не в состоянии держать в голове такое количество информации. Но для этого в память ЭВМ нужно ввести не только информацию о вашем состоянии, но и массу медицинских знаний.

— И делает это инженер по знаниям? Вот о нем и хотелось бы поговорить.

— Что ж, давайте. Со стороны эта работа выглядит довольно просто: взял опыт людей, передал машине. На самом деле все гораздо сложнее.

Вот пример. Как-то одного академика попросили отыскать неисправность в очень дорогой машине. Ученый просмотрел записи, ко-

торые вели инженеры, не спеша оглядел машину, взял молоток и стукнул в определенном месте по ее корпусу. Поразительно, но машина заработала. Когда академика спросили, сколько стоит «ремонт», он ответил: «Тысячу долларов. Один доллар — за удар молотком и 999 — за то, что знал, где стукнуть». Мы в своих работах отвергаем интуицию, поскольку считаем, что всегда можно найти источник знаний. Выходит, и в данном случае инженер по знаниям должен добиться у академика, каким образом пришел он к этому решению. Даже когда сам академик не может четко сформулировать ответ.

Если инженер по знаниям берет информацию у академика, значит, тот будет экспертом. А вообще экспертом, предоставляющим инженеру свой опыт, может быть любой высококвалифицированный специалист. Ну, скажем, если нам требуется создать систему, способную писать публицистические очерки и статьи, мы можем обратиться к вам.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Итак, продолжим. Знания нужно закодировать. Поэтому инженер по знаниям должен хорошо знать информатику, разбираться в новейших ЭВМ, владеть несколькими языками, в том числе одним-двумя языками искусственного интеллекта, скажем, ЛИСП, ПРОЛОГ, РЕФАЛ. Я назвал только основные, самые популярные. Мы работаем на языке ПРОЛОГ, а параллельно наша группа под руководством профессора Мартынова создает новый, в основу которого впервые положен не иностранный язык, а русский.

— Выходит, если Мартынову и его группе удастся его создать, проблем с кодированием практически не будет!

— Собственно, он уже создан. Нужна машина, которая бы «понимала» его. Над проектом такой машины в нашей лаборатории

работает группа Владимира Голенкова.

Как видите, инженер по знаниям должен сам уметь создавать системы искусственного интеллекта.

— А как обстоит дело с самообучающимися системами? Ведь настоящий интеллект всегда стремится углубить знания.

— Все верно. О самообучающихся системах говорил еще основоположник кибернетики Норберт Винер. Он прекрасно понимал, что без этого искусственный интеллект довольно слаб. Сейчас во всем мире ведутся работы в этой области. Занимаемся созданием самообучающихся систем и мы. Проблема эта очень сложная и интересная. Я думаю, решим мы ее не раньше девяностых годов.

— А вы не думаете, что машины, развиваясь и улучшаясь, со временем могут вытеснить человека?

— Честно говоря, я не вижу пока оснований опасаться. Чтобы роботы могли объединиться во враждебную человеку силу, искусственный интеллект должен стать разумом. А создание искусственного разума — дело далекого будущего. Но то, что уже сейчас мы начали строить искусственную цивилизацию, — бесспорно.

— А если пофантазировать?

— Если пофантазировать... Что ж, нужно будет учиться ужиться с новой цивилизацией. Конечно, это сложно. Ведь мы еще пока не очень можем договориться друг с другом. И все-таки я убежден, что развитие искусственной цивилизации ускорит развитие нашей. Причем лучших ее черт. Может быть, мы наконец избавимся от агрессивности, лени...

И роль инженера по знаниям тут трудно переоценить. Ведь он сумеет со временем закладывать в интеллектуальные системы знания не только живущих, но и ушедших от нас гениев, извлекая их из книг, писем, воспоминаний... По сути, это будет второй, после создания книгопечатания, культурной революцией. Кроме того, произойдет колоссальная демократизация творчества. Практически любой человек сможет подключиться к знаниям Бора и Шостаковича, использовать интеллект Эйнштейна, Достоевского, Булгакова, Моцарта. Ушедшие от нас носители высокой культуры смогут влиять на нас, помогать нам в твор-

ческих и нравственных поисках. За одну достаточно короткую человеческую жизнь прожить несколько творчески насыщенных — что может быть прекрасней!

— Осталось выяснить, как стать инженером по знаниям.

— Поскольку в этой профессии сочетается несколько очень разных — радиопизик, психолог, лингвист, биолог, — необходимо создать специальные факультеты, на которых вчерашние школьники с первого курса стали бы готовить себя к этой, на сегодняшний день самой необычной сфере деятельности.

Собственно, в Лондонском университете в 85-м году уже создан такой факультет. Я недавно был там. Подготовка ведется очень основательная и интенсивная. Есть надежда, что такие же факультеты скоро появятся и у нас. Но мы решили не ждать и создали лабораторию интеллектуальных систем студенческую, сокращенно ЛИСС, если помните, так называется один из городов, придуманных Александром Грином. В этом городе случилось немало романтических чудес. Так что сокращение, как видите, не случайное...

— Вы перечислили уже немало качеств, необходимых инженеру знаний. Ну, а главное, на ваш взгляд?

— Страсть к науке. У нас в лаборатории большинство — молодежь. Когда я вижу, что парень может четырнадцать часов просидеть у экрана машины, то не сомневаюсь, что из него будет толк.

И еще. Стратегически важное качество (и этому учит созданная в нашей стране теория решения изобретательских задач — ТРИЗ, активными приверженцами и пропагандистами которой мы являемся) — относиться равнодушно к общепринятым жизненным благам. Ученый, который собирается делать работу мирового уровня, должен отказаться от мирских соблазнов. Большая цель требует полной самоотдачи.

Алексей ЛЕОНИДОВ,
Александр РОСИН

Оформление
Валерия РУЛКОВА

ИГОРЮ ВОЛКОВУ ИЗ ГРОЗНОГО: спасибо за доброжелательное письмо; в публикации о «Пинк Флойд» [№ 1 с. г.] действительно вкралась неточность: альбом «Последний отрезок» вышел в 1983 году.

АЛЕКСЕЮ КОЧИНУ ИЗ ОМСКА: адрес фан-клуба «Эксперт»: с/о Breeze Music, Hauptstr. 33, 5024 Pulheim 3, BRD.

ИВАНУ СЕРГИЕНЕ ИЗ СМОЛЕНСКА: приятный, с легкой хрипотцой, голос Криса Нормана в свое время, когда в моде был популярен романтически-сладкий стиль, принес певцу и его группе «Смоки» популярность. Мода прошла, группа не распалась, но надолго ушла в тень. В конце 86-го, на общей волне «ретро», когда о воссоединении объявили многие группы 60-х и 70-х, «Смоки» попробовали вернуть свои позиции, но первые же гастролы показали, что это не так просто. Норман после гастролей объявил, что будет пробиваться в одиночку. Вероятно, к такому решению его подтолкнуло сотрудничество с Дитером Боленом. Болен [как оказалось, давний поклонник «Смоки»] специально для Нормана написал цикл композиций, которые вышли на пластинке «Некоторые сердца — бриллианты». Через год, в 87-м, Норман выпустил еще одну сольную пластинку, «Разные тени», более разнообразную и коммерчески удачную. Судя по всему, в планах и предложениях у него нет недостатка. Последняя работа Нормана в грамзаписи — дуэт с Шари Белафонте, дочерью известного певца Гарри Белафонте.

АЛЛЕ И АЛИСЕ ИЗ НИЖНЕГО ТАГИЛА: Марина Капуро — одна из немногих певиц, которые поют и народные, и эстрадные песни, и трудно сказать, что же получается лучше: «Летела гагара» или шлягеры «Битлз». Неожиданное звучание ее голоса не раз сбивало с толку различные жюри и судьи. На мой взгляд, Марина — пока несостоявшаяся «звезда». Она может занять на музыкальном олимпе более высокое место.

В. БОНДАРЮ ИЗ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: «Воскресенье» — одна из легенд советского рока. В первом составе [1978 г.] играли Алексей Макаревич и Алексей Романов — гитара, Евгений Маргулис — бас-гитара, Сергей Кавказ — ударные. А вот и последний состав [лето 1983 г.]: Роман и Вадим Голуванин — гитара, Петр Подгородский — клавишные, Игорь Кленов — бас-гитара, Александр Воронов — барабаны. Художественным руководителем все время оставался Ованес Мелик-Пашаев [теперь московский режиссер и продюсер]. Исключительно мощный состав «Воскресенья» имел свой изъян: музыканты откликались на соблазнительные предложения и уходили в другие коллективы.

В конце концов группа распалась. «Воскресенье» вошло в историю рока как «музница кадров». В настоящее время Кавказ и Маргулис играют в группе «Шанхай» [первоначально она называлась «Наутилус», что приводило к путанице с «Наутилусом Помпилиусом»), причем Маргулис успел поиграть в «Машине времени» и «Араксе», Алексей Романов сотрудничает с группой «СВ» («Снова вместе»).

СЕРГЕЮ ЗАМСКОМУ ИЗ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: «Юрмала-88» открыла новые имена, но для меня лично одно из них оказалось «старым». Дело в том, что с Нелли Денисовой мы вместе учились. В замечательные студенческие годы [музучилище, пединститут] Нелли пела все: джаз, Уандера, Маккартни и даже Пьера Булеза. Появилось желание петь и что-то свое. Ей помогла группа «Университет», одна из немногих в Минске в 70-е годы, исполнявшая оригинальный репертуар. Потом Нелли перешла в более серьезный коллектив — «Сурор'е» («Созвездие»), первым в Белоруссии пробившимся из самодеятельности на филармоническую сцену. Это было непросто, несколько лет группа

практически не существовала. Судьба Нелли тоже делала крутые повороты, но с 1985 года певица и музыканты снова вместе и теперь, кажется, надолго.

ЮРИЮ МОНАХИНУ ИЗ СЫКТИВКАРА: «металлическая» группа «Квайт Райот» («Тихий бунт») образована в Лос-Анджелесе в 1975 году. На родине музыкантов принимали холодно, и они решили попробовать счастья в Японии. В 77-м и 78-м там вышли записанные в американских студиях две пластинки. Удачи они не принесли, и в 1979 году группа распалась. Один из основателей состава Рэнди Роудс попал в «команду» Оззи Осборна, второй — Кевин Даброу — организовал группу «Даброу», которой удалось подписать контракт с фирмой «Эпик». Роудс к тому времени стал известной личностью в мире рока, он всячески помогал другу. Жизнь Роудса трагически оборвалась — он погиб в авиакатастрофе. В память о друге Даброу переименовал группу и записал пластинку, принесшую ему в 1983 году большую известность.

Состав группы «Квайт Райот»:

Кевин Даброу — вокал, Руди Сарзо — бас-гитара, Карлос Каваса — гитара, Френки Банали — ударные, вокал.

РОМАНУ СИНЯКУ ИЗ МИНСКОЙ ОБЛАСТИ: первая сольная пластинка Удо Диркшнайдера записывалась с августа по октябрь 1987 г. в следующем составе: Матнас Дет и Питери Сигети — гитары, Франк Риттель — бас-гитара, Томас Франк — барабаны, Удо, естественно, — вокал.

АНДРЕЮ СИДЕЛЬНИКОВУ ИЗ АРМАВИРА: что нового у «Куин»! Дабы не скучать в паузах между записями и концертами, бас-гитарист группы Роджер Тейлор собрал собственную группу «Кросс» и даже выпустил пластинку. Фредди Меркьюри замахнулся написать рок-оперу.

АНЖЕЛЕ ДЖАМИЛОВОЙ ИЗ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР: да, действительно, существуют две группы «Мираж». О той, что в Москве, писал «Парус», а «Кругозор» рассказал о «Мираже» из Киева.

ИРИНЕ АЛИЛУЕВОЙ ИЗ КЛИНА: поздравить Джулиана Ленона с 25-летием ты уже не успеешь, ну да у него это не последний день рождения. Писать ему можно по адресу: P. O. Box 1060, Lennon. Nil Station, New York, N. Y. 10021, USA.

ГРУППЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЗ БИЙСКА: у «Скорпионс» есть два сильных козыря — мощное концертное шоу [это одна из самых активно гастролирующих групп мира; апрельские концерты в Ленинграде открыли очередное всемирное турне «Скорпионс», которое продлится полтора года] и медленные баллады, прекрасно звучащие благодаря голосу Клауса Майне. Майне — единственный, кто остался от первого состава группы (1965 год).

Юрий БУДЬКО

Фото Евгения МАТВЕЕВА

В июле редакция получила 146 писем с музыкальными вопросами, просьбами и заявками. Всем написавшим — большое спасибо.

SCORPIONS

ВАМ ПАКЕТ

Пожалуйста, снизойдите к нашим молитвам, уберите «перль» Владимира Бородина. Уничтожьте, с корнем вырвите отвратительнейшую рубрику «Пальцем в небо»... В стране идет перестройка, избавляемся от всего старого и застывшего, а вы боитесь «хэви метал». Не бойтесь опубликовать фото ансамбля «Шах» и «АС/DC».

**Группа молодежи,
г. Донецк**

Еще одно пожелание. Пусть рубрика «Пальцем в небо» так и останется, печатайте всякие чудеса, сны и что они означают. Но поменьше комментариев, в смысле, что все это выдумки, неправда и противоречит здравому смыслу.

Л. П., г. Винница

Я вам очень благодарен за публикацию в № 3 «Еще раз про любовь». Она помогла мне не только разобраться в себе, но и помириться с моей девушкой. Теперь у нас все хорошо. Пишите, как сделать, чтобы было еще лучше.

Л. Рябов, г. Новосибирск

Вот такая почта. Такие письма. Правда, с удовлетворением могу констатировать, что стопка ругательных писем состоит всего из нескольких, тогда как писем в хвалебной стопке в добрую сотню раз больше. Это радует. Как, впрочем, и то, что в большинстве посланий помимо оценки материалов рубрики содержатся разные вопросы. Значит, читатель не намерен легко порхать по жизни, а всерьез озабочен собственной судьбой. Что может быть важнее?!

Вот они-то — эпистолярные вопросы — и вынудили меня посвятить очередной выпуск рубрики читательской почте.

Итак.

Уважаемый Владимир Бородин! Умоляю, вышлите мне журнал № 1 за 1987 год. В нем опубликован мой гороскоп. Нигде ни купить, ни достать его не смогла, и теперь не знаю, что меня ждет и как мне жить дальше.

**Ваша читательница Алла К.,
г. Гродно**

Та же проблема (варьируются только номера журнала) волнует еще более ста читателей.

Уважаемая Алла (Сергей, Оля и т. д.)! Живи дальше так, как ты прожила без гороскопа минувший год. Ты спрашиваешь, что тебя ждет. Тебя ждет очередная подписная кампания. Кстати, уже подходящая к своему завершению. Так что поторопись выписать «Парус», ибо из него ты сможешь узнать не только о своей судьбе, но и о судьбах многих твоих ровесников. А пока направь свои стопы в ближайшую библиотеку (это и вообще небезынтересное место), перелистай подшивку «Паруса» и... будь счастлива!

У меня есть сонник, но я стала сравнивать с журналом, и оказалось, что у меня все неправильно. Хотя я его переписывала из книги сонника. Так что, он неправильный? И еще хочу спросить, вы будете в каждом журнале такие сонники печатать?

**Елена Т.,
Краснодарский край**

Уважаемая Елена! Ты правильно считаешь свой сонник неправильным, но ты неправильно считаешь правильным мой сонник. Все относительно. Особенно относительно снов. Спи спокойно! А я в свою очередь обещаю, раз материал показался тебе таким «сонником», в следующих номерах опубликовать что-нибудь повеселее.

Мне 15 лет, и моим друзьям тоже. И нам бы хотелось узнать, что нужно соснить, чтобы получить мотоцикл. Это наша давняя мечта. У нас уже есть деньги, заработанные на практике. Получаем стипендию в училищах. Скопилась неплохая сумма, но хотелось, чтобы это как-то было побыстрее.

Саша К., г. Минск

Уважаемый Саша! Для начала необходимо «соснить», что тебе исполнилось 16 лет. Дальше следует «соснить», что ты сдал в ГАИ на права. Затем, если удастся «соснить» не какую-то там неплохую, а всю сумму денег, эквивалентную стоимости мотоцикла (кстати, для этого не грех и подработать во сне), можешь смело просыпаться. Твоя двухколесная мечта давно уже поджидает тебя в близлежащем специализированном магазине. И — счастливого пути!

Решила я как-то испробовать гадание на кофейной гуще. Сначала, выпив первую чашку кофе, разочаровалась, но после второй увидела:

1. Жука, на спине которого были белые полосы — около 3.

2. Лежащее животное с поднятой головой.

3. Собаку, но особенно отчетливо ее чернышкий носик.

Что все это значит?

**Светлана Б.,
г. Солигорск Минской области**

Уважаемая Светлана! Это значит, что нужно дочитать статьи до конца и пить кофе значительно меньшими порциями. В этом случае твой зоопарк будет в полном порядке. Береги сердце!

Во втором номере журнала «Парус» вы печатали гадание на кофейной гуще. И вы написали от автора, что можете прислать сырье для гадания. Пожалуйста, пришлите!

**Ирина Васильева,
Костромская область**

Уважаемая Ирина! Ценю твоё тонкое чувство юмора! Я в своей публикации был куда скромнее и обращался к читателям с просьбой высылать не само сырьё, а лишь адреса, где оно имеется в продаже. Одним из адресов, сообщенным мне В. Герчуком из Ленинграда, охотно делюсь: Рио-де-Жанейро, Хуарес-авеню, 12. Там, в бакалейной лавке Франсиско Хуана Мария Кастильо де Родригеса, как правило, по уверениям В. Герчука, можно приобрести искомый товар. При случае не сочти за труд заглянуть по указанному адресу. Желаю успеха!

Раз уж зашел разговор о кофе, пользуюсь моментом и выражаю глубокую признательность всем, кто правильно меня понял и поделился не только адресами, но и самим сырьём.

Здравствуй, уважаемая редакция журнала «Пламя»! Очень часто бывает так, что когда я готовлю суп на обед, пересаливаю его. И мне все говорят, что я очень сильно влюбилась. Хотелось бы узнать, правда это или нет.

**Марита,
Камчатская область**

Уважаемая Марита! Есть все основания считать, что это чистая правда. Ибо влюбленность, как правило, ведет к забывчивости и рассеянности.

От коллектива журнала «Парус» без обиды В. Бородин.

Я собираю способы гадания. Точнее, учусь, и уже неплохо получается предсказывать судьбу. В моей коллекции всего 83 способа. Поэтому я предлагаю коллекционировать и обмениваться способами предсказаний.

**Пульпина Люба,
Минская область**

Гадать надо в новогоднюю ночь. В маленьком ковшке или кружке растопите парафин. И эту жидкость вливайте в высокий сосуд, наполненный холодной водой. Затем достаньте остывший парафин и при помощи хорошего воображения определяйте свою судьбу. Или вот второй способ: в стакан с водой положите свой волос и обручальное кольцо. Поставьте этот стакан на блюдечко с золотой. Затем зажгите свечу и потушите пламя, засунув фитиль свечи в стакан. Осторожно перемешайте воду в стакане вязальной спицей или иголкой. А теперь — смотрите! Внутри кольца, отражаясь на воде, появится то, о чем вы шептали над стаканом. У стакана можно попросить все, что вы хотите увидеть.

**Татьяна Ф.,
Пермская область**

Объявите конкурс на лучшие «гадалки» или хотя бы попросите прислать то, что люди знают. В нашей огромной стране этого добра столько, что уже можно открыть выпуск целой книги «Пальцем в небо». Это будет успех!

**Степанова Ольга,
г. Кемерово**

Уважаемые девушки! Как это я раньше не додумался, что гадание — дело не личное, а очень даже общественное! Ваши предложения насчет конкурса на лучшее произведение гадательного искусства и об обмене имеющимся материалом принимаются. Победители получат в качестве приза счастливую судьбу. Дело за читателями! А там, глядишь, поднакопив «этого добра», можно будет всерьез подумать и о книге.

К сожалению, даже собрав в кулак все свои оккультные способности, я не в силах ответить в письменной форме на всю почту рубрики. Поэтому для ответов на письма вынужден прибегнуть к телепатии, ловите мои послания с 7 до 8 утра по московскому времени и сообщайте о том, как идет прием.

**С уважением
Владимир БОРОДИН**

Журналисты, как, впрочем, и люди других профессий, не любят открывать непосвященным свою кухню. Но о том, как готовилась эта публикация, стоит рассказать подробно, чтобы читатель с большим основанием мог стать соавтором, а лучше — автором самостоятельных умозаключений.

У этой истории, как у клубка, два хвостика, два начала. Разматывалась она с обеих сторон, но, заметно похудевший и пустотелый внутри, клубок все же остался.

са. И корреспондент «воспользовалась ее подлым приемом: подслушала чужой разговор».

Я хотела сказать: «Услышала! А не подслушала».

«В переполненных трамваях подслушанных разговоров не бывает!» — хотелось сказать ветерану-анониму, но в трубке уже раздраженно пиликали гудки отбоя.

С этого звонка началась некая скрытая, «нутряная» размотка темы, готовая проявиться, но так и не проявившаяся в каком-то чуть ли не детективном повороте событий. Предчувствие

него; я комсорг всего два месяца, не успел забрать документацию; ребята — нормальные; пришел к ним за взносами — платить отказались, написали заявления по одному образцу; собрание их просьбу удовлетворило единогласно.

Отдел механизации и автоматизации (ОМА). Стройный симпатичный усач за кульманом — Александр Кохнюк, недавний комсорг пятнадцатого цеха, лорд-хранитель документов, замсекретаря заводского комитета по идеологии.

— Откуда вы знаете про

работа над
ошибками

«...В СВЯЗИ

Сперва появилась информация: трое молодых рабочих подали заявление о выходе из ВЛКСМ по собственному желанию. Этот факт заинтересовал и как явление, и как повод для анализа сегодняшнего положения дел в заводской первичке. Началась обычная работа: проверка факта с последующей «набивкой» блокнота.

Потом — анонимный звонок в редакцию. Впрочем, не совсем анонимный. Собеседник представился ветераном того самого завода. Был ли таковым на самом деле, неизвестно. Он позвонил в редакцию и сказал, что «негоже нашему советскому журналисту пользоваться приемчиками желтой прессы».

Желтая — бульварная, грязная, скандальная, смакующая — чуждая нем прес-

его и некоторый профессиональный опыт заставили фиксировать в блокноте все происходящее и воспроизводить его в корреспонденции с протокольной точностью.

Электротехнический завод имени В. И. Козлова (проходная в тридцати метрах от остановки). Пятнадцатый цех. Высокий парень в телогрейке у какого-то большого горбатого станка — Анатолий Скрипник, комсорг первички.

— Откуда вы знаете про собрание? заявление подали месяц назад братья Саша и Сергей Шкатуло и Олег Зубченко; работают рабочими; сколько им лет и как давно в комсомоле — в учетных карточках написано; карточки у Саши Кохнюка, конструктора из отдела; протокол и заявления тоже у

собрание? не хочу вообще говорить с журналистами — вечно все перевирают; скажете, кто навел, тогда поговорим; из комсомола уходят повсюду, а прогремим только мы — где справедливость? где гарантия, что ваш источник информации не использует вас как орудие сведения со мной каких-то личных счетов? если обещаете показать текст перед публикацией, тогда поговорим; кто же все-таки этот гад? причина ухода братьев Шкатуло и Зубчонка в том, что они пассивны; говорят, что не хотят бросать деньги на ветер, содержать аппаратчиков; но это же смешно — от членства в комсомоле они не обеднеют; вот я тут подсчитал: Александр Шкатуло — сборщик и резчик по пятому разряду, Сергей — каменщик и классный

слесарь, Олег Зубчонок — сварщик четвертого разряда; у всех троих 12-процентная надбавка к зарплате за качество работы; вот цифры за один квартал:

средняя зарплата	Саша
взносы за месяц	234 р.
взносы за квартал	3 р. 51 к.
	10 р. 53 к.

Сергей	Олег
343 р.	236 р.
4 р. 14 к.	3 р. 54 к.
12 р. 42 к.	10 р. 62 к.

по итогам социалистического соревнования за участие в общественной работе им выплачены премии по 15 рублей; получается, что Саша, Сергей и Олег сэкономили

— В комсомол меня вступили в армии: кончил учебку, надо звание получать; в школе сознательным не был; в армии прошел экзамен на сознательность — ответил на вопрос, сколько у комсомола орденов (шесть или семь?); через неделю выдали билет; сейчас ухожу — что я имею с этого комсомола? партийные имеют льготы — подходит очередь на квартиру, стоят партийный и беспартийный, кому дадут первому? ясно; и так во всем; я мог бы стать чемпионом мира по хоккею, но в секцию принимали только

ложить, изменить к лучшему, прежде чем уйти?

— А организация хоть раз поинтересовалась моей судьбой? Это вообще не наша организация. Комсомол нужен каким-то политикам, а не молодежи. Не мне, во всяком случае. Спокойно паяйте мне пассивную жизненную позицию. Не обижусь.

Олегу Зубчонку 24 года, слывет молчуном. Беседа с ним свелась к нескольким фразам:

— Я думаю почти так же, как братья Шкатуло; судьба организации не волнует —

УХОДОМ ИЗ ВЛКСМ»

Светлана САВРАСОВА

4 р. 47 к., 2 р. 58 к., 4 р. 38 к. соответственно; уйдут из комсомола — премиального коэффициента за общественную работу у них не будет.

— Почему? Разве комсомольская работа — единственно возможная форма общественной деятельности?

— Да, конечно! Что же еще?

Сразрешения мастера пятнадцатого цеха я на десять минут отвлекла от трудового процесса Сергея Шкатуло и Олега Зубчонка. Оба категорически отказались уделить корреспонденту хотя бы десять минут своего свободного времени: мол, семьи, дети. Саша Шкатуло вообще «на связь не вышел», надоела, говорит, эта всеокая болтовня.

Сергею Шкатуло 25 лет, в комсомоле с девятнадцати.

хорошистов и отличников; зачем отличнику хоккей — пусть бы он стал ученым, а хоккеистом — я; дайте спокойно жить; я честно работаю, хочу получать свои деньги и уделять время семье; я второсортный человек, не прорвался к корыту; у меня ноль шансов получить путевку за границу, так почему я должен ходить на ДНД?

— Есть ли у вас факты внеочередного распределения жилья коммунистам?

— Зачем мне факты? Читайте газеты — полно воров-коммунистов, повсюду несправедливость. Или думаете — везде так, а на заводе Козлова по-другому?

— Волнует ли вас судьба организации, в которой вы пробыли шесть лет? Пытались ли вы что-нибудь пред-

организации нет, есть аппарат; судьба людей не различна — перестанем кормить аппарат, комсомола не станет, люди создадут новые организации, полезные и нужные; чем скорее это произойдет, тем лучше; это самая активная позиция на сегодняшний день.

Дальше в работе пошла полоса общения с анонимами. Есть закон, лишающий таковых права голоса. Но имена собеседников есть в блокноте, и дано обещание эти имена не оглашать.

А-1 догнал меня на выходе из 15-го цеха:

— Я, как д'Артаньян, — вместе с этими тремя, но мушкетером не числюсь; уйти из комсомола институт мешает — каждый курс нужна характеристика из комсомольской организации: хочешь быть руководителем —

должен быть охвачен; я хочу получить профессию инженера; Саша, Сергей и Олег поставили на себе крест; если хочешь чего-то добиться, приходится идти на компромисс; и еще фактик — на днях мы узнали, что были выборы на пост директора нашего завода, избрали нашего директора, других кандидатур не было. Вот такая демократия.

А-2 разыскал меня по редакционному телефону, предложил встретиться на «нейтральной территории». Он один из старейших инженеров завода.

— Выход троих комсомольцев пятнадцатого цеха из рядов ВЛКСМ — знак протеста против авторитарных методов руководства директора А. П. Козлова; у директора свои люди в министерстве, план предприятия спускается заниженный, его легко выполнить и перевыполнить; за счет непроизводительных прибылей завода построены убыточная животноводческая ферма, магазин кулинарии, парикмахерская — все, чем можно пустить пыль в глаза начальству, отвлечь внимание от низкого уровня механизации ручного труда, опасных условий на участке гальваники; план экономики цветных металлов выполняется тем, что изначально в трансформатор закладывается в 1,5—2 раза больше цветметалла, чем хватило бы для нормальной работы; каждый год 1—2 детали «упрощаются» или просто «сокращаются» не в ущерб рабочим характеристикам — идут в экономию, а рабочим и начальству идут премии за грабеж; производство развивается по экстенсивному пути; никто из ИТР, не говоря о простых работягах, не в курсе плановых заданий и перспектив развития*.

* Обращаю внимание читателей на то, что монолог А-2 — это мнение частного лица, ни в коем случае не совпадающее с мнением редакции о положении дел на заводе им. В. И. Козлова. Фактами, подтверждающими точку зрения А-2, редакция не располагает.

— Как доказать, скажем, что трансформаторы перегружаются цветным металлом? Они выпускаются по ГОСТам?

— ГОСТы предлагаются нашим же КБ, утверждаются в инстанциях. А там ведь тоже люди работают.

— Значит, надо искать подгонку в расчетах. Методика, марки сталей, способ намотки, конфигурация магнитопровода. Вы можете помочь с такой информацией?

— Кто будет считать?

— По образованию я инженер-радиотехник...

— И не думайте! Выйдут на меня, а мне год до пенсии, жена, дети, внуки.

После нашей встречи А-2 трижды напоминал о себе — просил забыть.

Позвонил Саша Кохнюк и категорически отказался от намеченной встречи в редакции. Причину отказа сформулировал четко, как по бумажке прочитал.

— Я не испытываю к вам доверия. Вы нарушаете профессиональную этику: отказываетесь назвать наводчика.

Мы все-таки встретились, но после телефонной арт-подготовки разговор стек на общие фразы. В блокноте появилась короткая запись: «Собрание — из 18 было 11; проходило в форме дискуссии; выступили почти все, позиция выступавших демократическая — какой смысл удерживать товарищей? в достаточно убедительной форме предложили им подумать; предложение отклонено; постановили — удовлетворить просьбу о выходе из рядов ВЛКСМ».

Следующая плановая встреча.

Виталий Бачило — секретарь заводского комсомольского комитета, 26 лет, «дономенклатурная» специальность — экономист.

— Мы привыкли к тому, что на завод приходят журналисты.

— Как вы оцениваете факт выхода из ВЛКСМ трех комсомольцев 15-го цеха?

— У нас многие высказы-

ваются за чистку рядов ВЛКСМ; возможно, чистка освободила бы организацию от случайных людей, тех, кого принимали «по валу»; за последние годы по стране мы потеряли 4 миллиона членов, но в истории уже есть прецедент массового ухода из комсомола — в 1921 году в союзе насчитывалось 400 тысяч человек, в 1922—260 тысяч, таковы последствия нэпа; нынешняя волна — последствие застойного периода. (Смотри журнал «Молодой коммунист» № 9, 1987, с. 38).

— Значит, эти трое — пример объективной тенденции? Освобождение от балласта, должно быть, благотворно повлияет на организацию?

— Эти трое — брак в моей работе; в организации завода 730 человек, и комсомол должен дойти до каждого, интересоваться его заботами и чаяниями; я чувствую свою недоработку; несу полную ответственность за поступок братьев Шкатуло и Зубчонка.

— Полную ответственность за них уже даже мама с папой не несут. Они взрослые мужчины, отцы семейств.

— Да, действительно.

— Как-то не совсем ясно...

— Моя работа трудна двойственностью позиций: должность — номенклатура райкома, но работаю на заводе; открывают новую комсомольскую стройку — райком требует двух человек по комсомольской путевке; в хороших людях завод сам нуждается, а плохих комитет комсомола на ударную стройку не направляет; к тому же пресса буквально «рекламирует» неустроенный быт и всякие негативные моменты. По статистике освобожденные комсомольские работники на предприятиях работают год, потом уходят; трудно работать с большой организацией, недавно, например, один парень пришел с заявлением «Прошу исключить из комсомола из-за недостатка ума», мы его исключили; сейчас просится назад, так как нуж-

на характеристика для поступления в вуз.

— Как вы относитесь к этой вузовской практике — учитывать характеристику комсомольской организации при поступлении и требовать ее ежегодно от тех, кто учится на вечернем?

— Нормально. Это гарантия, что в вуз попадут достойные люди, и у нас со временем не будет взяточников, нечестных и лицемерных руководителей.

— За то время, что вы работаете секретарем, сколько человек ушли из комсомола по собственному желанию?

— Нужно узнать у заведующей сектором учета. Сейчас секретарь должен быть среди людей, а не среди бумажных отчетов*.

— Вы были на последнем собрании в пятнадцатом цехе?

— Нет, был на совещании по научно-техническому творчеству молодежи (НТТМ); МЖК и НТТМ — это огромные и важные дела комсомола; насущная забота каждого из нас — дать людям квартиры, поддержать талантливых изобретателей-самородков, которым порой не давали ходу.

— У вас организуется МЖК?

— Нет, у нас неплохо с квартирами. Есть подменный фонд. Но от идеи МЖК мы не отказываемся.

— У вас есть молодые изобретатели-самородки?

— Нет, но с целью повышения активности молодых специалистов в изобретательстве и рационализаторстве дважды в неделю мы проводим учебу по ТРИЗ. А по вторникам в 10.00 в комитете комсомола собираются секретари всех первичек и получают информацию о важнейших мероприятиях на неделю, доводят ее до своих комсомольцев. Но комсомольцы откликают-

ся, к сожалению, не на все мероприятия.

— Кто их организует?

— Райком, наш комитет.

— А что-нибудь по инициативе первичек? Какова судьба пошивочного кооператива, который хотели создать в одном из цехов?

— Сказать «хочу» — это еще не инициатива. Инициатива — это пусть не кооператив, пусть небольшое — субботник, соревнования по плаванию, — но доведенное до конца дело. Какая разница, чья инициатива, если дело получилось интересное и нужное?

И так мы говорили еще достаточно долго, но кончили на невеселой ноте:

— Вот такие сложности в работе... А тут вы еще. Очень неприятное впечатление сложилось, кстати, — начали с первички, не зашли к администрации, к нам в комитет. За комсомол нужно бороться положительными примерами, а сейчас мода на отрицательные. Для вас материал, а мне — работу искать... (Последнее — шутка).

Потом меня позвали к директору. Александр Петрович Козлов производит впечатление человека строгого, государственного. Без долгих преамбул, с цифрами, фактами в руках он разъяснил, что очередь на получение жилья соблюдается неукоснительно, что из года в год растут доля механизированного труда и плановые задания; что на сегодняшний день кооперативы — неотработанная форма трудовой деятельности и что в комсомол заманивать через кооператив — это «не наш путь», и что М. С. Горбачев, выступая на КПЗ-1, сказал недвусмысленно: «Мы еще доберемся до этих кооперативщиков!» (Александр Петрович даже вынул газету с отчетом, но таких слов там не оказалось). Как лицо, наделенное ответственностью за судьбы людей и производства, А. П. Козлов видит следующие пути преодоления временных трудностей комсомольской организации

(под диктовку): 1. Постоянно влиять на то, чтобы молодые чувствовали себя хозяевами завода. 2. Создавать и улучшать условия отдыха молодежи, оказывать помощь в проведении мероприятий.

— Я потому так настойчиво интересуюсь, что вам говорили рабочие, что меня очень волнует их настроение. Человек должен приходить на работу в хорошем тоне, и этот тонус нужно повышать и поддерживать.

— Много говорят о ваших выборах...

— Вводят в заблуждение. Никаких выборов не было. Согласно современным требованиям, я попросил коллег подтвердить доверие мне как директору. Совет трудового коллектива собрался и открытым голосованием единогласно выразил мне доверие.

— Если представить на минуту, что голосование было бы закрытым...

— Конечно, были бы голоса против. Но стоит ли принимать в расчет таких противников, у которых не хватает духу распорядиться даже собственным голосом? Такие подчиненные меня устраивают. Вообще рано вы, газетчики, развели демократию. Народ к ней еще не готов, ее постоянно путают с анархией. До демократии люди должны дозреть. Если человек морально не готов, его надо привести к демократии организованным порядком.

На этом «протокольная» часть блокнота кончается... Требуется, по традиции, выводы и размышления. Но...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаем корреспондентский протокол, подготовленный нашим спецкором Светланой Саврасовой, считать выступлением на комсомольском собрании читательской первички «Паруса».

Желающих продолжить разговор просим представить в редакцию тексты выступлений.

* Как потом сообщила завсектором учета, за последний год ушло по собственному желанию 5 человек.

ДВА ВЫХОДНЫХ ЛУЧШЕ ОДНОГО УПК

Какой я вижу школу будущего?

1) Пусть выпускники пединституты получают диплом только после того, как год поработают в школе и их аттестуют ученическая комиссия и педагог.

2) Пусть учебники дают не готовые выводы, а информацию к размышлению.

3) Пусть не будет УПК (я в нем получила профессию пионервожатой. На экзамене от нас потребовали побольше слов типа «мировоззрение», «индивидуально-психологические особенности» и т. п. И вот я с этими словами — к детям, первоклассникам?!). Лучше перейти на пятидневку.

Юлия Штукерт, 16 лет,
г. Павлодар

Выбирает их сам ученик. Скажем, выбрал 4—5 основных и изучает их углубленно, а остальные «проходит» по облегченной программе (чтобы «однoboким» не вырос).

И хорошо бы сократить уроки до 30 минут...

Лена Н.,
г. Каспийский, Калмыцкая
АССР

ФОРМА ТЕРЯЕТ ФОРМУ

Попробуйте поносить одно и то же платье неделю, месяц, год. Надоест! А школьную форму мы носим 10 лет!!! Новая синяя форма для девушек кроме того, что некрасивая, так еще и быстро теряет цвет, юбка через полгода носки становится серо-голубой.

Что-то тут надо придумать.
Валерия Иванова,
Удмуртская АССР

отношения между учителями и учениками.

Пока ученик абсолютно бесправен. Вот взяли наши уроки этики. Учительница обзывала нас скотами и тварями, мерзостями, подлецами и сволочами... При этом она не забывала твердить нам, что мы должны быть культурными, вежливыми и человеколюбивыми.

А мы должны сидеть и не возражать.

Наташа,
г. Свердловск

ПЕРЕМЕН, МЫ ЖДЕМ

Перемены, особенно большие, и раньше были школьникам по душе. Но, кажется, впервые они задумались над тем, что перемены могут быть не только после звонка с урока, но и, наоборот, после звонка на урок.

Правда, о том, какой быть школе, сейчас думают и учителя, и ученые-педагоги, и «неученые» родители. И порой думают быстрее не привыкших к собственным мыслям школьников. Что, впрочем, ничуть не умаляет достоинств этих мыслей.

ЗАЧЕТ — НЕЗАЧЕТ

Нужны «направленные», т. е. специализированные школы. Оценки в них лучше отменить и ввести систему зачетов. Только тогда мы будем учиться честно, а не так: оценка есть, чего учить?

Мы хотим учиться по-новому, потому что нам ведь нужно и работать по-новому!

Елена Богачева,
девятиклассница,
г. Шахтинск,
Карагандинская область

ОСНОВНЫЕ И ПОБОЧНЫЕ

Меня просто убивает нелепость школьной программы. 17 предметов... И всем все одинаково, кем бы ни собирался стать.

Каждый день, сидя на уроках, смотрю на скучающие, измученные лица своих одноклассников, и ужас охватывает: неужели и после нас все будет так же?

Вот что я предлагаю. Начиная с 5-го класса, ввести основные и побочные предметы.

УРОКИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Я учусь нормально, так что не подумайте, что жалуясь. Просто непонятно: почему, если тебя обругают на улице, можно позвать милицию, а если на уроке, — молчи и уважай сквернословя.

Наша учительница литературы (!) характеризует учеников следующими словами (записано на уроках): свишня откормленная, гадкая морда, сволочье такое, гадость такая, такая мразь, подонок, шваркнула бы чем-нибудь, башку бы раздробила на кусочки, так бы треснула, чтоб башка на кусочки разлетелась...

Иногда и «шваркает чем-нибудь».

Классной говорили, она не верит.

Фамилию и имя не печатайте, мне еще учиться и учиться надо...

УРОКИ ЭТИКИ

Мне кажется, школу можно изменить, лишь изменив взаимо-

И ПАМЯТНИКА НЕ ЖАЛКО

Считаю, что прежде чем присваивать высокие звания учителям, нужно провести анкетирование среди учеников. Тогда звание действительно будет заслуженным. А субъективизма не будет: мы же понимаем, что с нами нелегко. Я бы вообще тем учителям, которые долго проработали в школе и не стали шизофрениками, ставила памятники при жизни.

Карина Авакимова,
г. Пятигорск

«БУДЬ, КАК ВСЕ!»

Мы говорим о дифференциации школ. А мне кажется, главное — это дифференцированный подход к каждому ученику. Сейчас всех в школе стараются привести к общему знаменателю, уничтожить в человеке личность.

Учителям не важно, кто ты, чем ты живешь, что любишь. Чуть кто-нибудь «высунется» — окрик: «Будь, как все! Не умничай!»

Но как стандартные «серости» придумают что-либо нестандартное?

Ученица московской школы

Не так давно мы писали сочинение по «Горю от ума». Тема: «Мое мнение о Молча-

БОЛЬШЕ УРОКОВ, МЕНЬШЕ ЗАДАНИЙ

Мы обсудили статью «Школьные годы — чудесные?» и вот что предлагаем.

1. Отменить десятиминутную зарядку перед уроками, т. к. никакого толку от нее нет.
2. Увеличить уроки до 50 минут.
3. Проводить в день 7—8 уроков.
4. Отменить домашние задания.

А. Тимас,
г. Ноябрьск,
Тюменская область

ЗАРПЛАТА — ЦЕНА ЗНАНИЙ

Я не верю, что перемены в школе будут. Потому что

открытый урок

ПЕРЕМЕН!

лине». Конечно, весь класс написал, что Молчалин трус, лицемер и т. п. Но одна девочка пошла дальше и попыталась объяснить, почему он стал таким. И сделала это не так, как излагает учебник.

Вы бы видели лицо нашей учительницы: «Да как ты смеешь! Еще и Белинский, и Герцен считали так, а ты...»

Но все учителя не забывают напомнить нам, что в период перестройки без собственного мнения не проживешь, иначе, как говорит географичка, мы будем «брак страны».

Браком быть не хотелось бы, но как же тогда Белинский с Герценом?

Инна М., восьмиклассница,
г. Джамбул

ШКОЛЫ ПО ИНТЕРЕСАМ! БЕССМЫСЛИЦА!

Ну, допустим, создадут такие школы. Например, с историческим уклоном. И будет она одна на город. Что, ездить туда, на другой конец света?

И еще. Как ни крутите, а мальчишек всегда больше тянуло к точным наукам, а девочек — к гуманитарным. И выйдут у вас школы для слабого пола и для сильного.

Нет, надо все интересы совмещать в одной школе. Но тогда учителей не наберешься. Так что не знаю...

Антонина Котельник,
Куйбышевская область

учителя получают зарплату не за знания учеников, а за количество проведенных уроков. Нужно платить им в зависимости от годовых оценок их учеников, но оценки эти пусть выставляет комиссия, состоящая из учителей других школ.

Вы скажете: есть тупые, которые не научились. Пусть для них будут облегченные программы.

Е. Л.,
г. Минск

ПЯТЕРКУ ЗА «ПЯТЕРКУ»!

У меня чисто математический склад ума — так, по крайней мере, мне казалось до седьмого класса. Но сейчас мне больше нравятся гуманитарные предметы. И так, наверное, не у меня одной. Поэтому, думаю, обязательный минимум знаний по всем дисциплинам должен получать каждый.

Как сделать, чтобы не учителя думали о нашем образовании, а сами ученики? Может, зарплату всем начислять с учетом образования?

Елена Лещева,
г. Великие Луки,
Псковская область

*§%?!)

машина
времени

Борис ЗЕЛЕНСКИЙ

ВСЕЛЬ МИР В АМБАРЕ

фантастический детектив

В этой повести придумано много такого, чего на самом деле нет. А многое из того, что есть, является таковым лишь по видимости и названию. По видимости и названию эта повесть — фантастический детектив, а по сути дела — пародия. Но пародия, как известно, это не жанр, а только лишь то, что остается от любого жанра после того, как за него примется автор с хулиганскими замашками.

Уже знакомый нам автор Борис Зеленский оставил в своей новой повести чуть-чуть фантастики и чуть-чуть детектива. А что останется читателю, когда он перевернет последнюю страницу? Ему останется все то, чего в повести по видимости и по названию нет, а на самом деле есть. То есть то, что автор на самом деле имел в виду, когда придумывал много такого, чего в действительности нет.

ПРОЛОГ

— О, Шарлотта! — заламывая руки, вскричал бледный граф. — Я потерял все состояние на черепашьих бегах!

— Знаю, дорогой, знаю! А теперь разреши тебе представить Ридикиюля Кураре!

Шарлотта подвела юношу в клетчатом пиджаке, автомобильных крагах и кепи с помпоном.

— К вашим услугам, милорд! — клетчатый кивнул головой и щелкнул каблучками. — Сыщик-любитель, работаю по совместительству. Основное занятие — ловля рыбы в мутной воде!

— Bravo, молодой человек! — похвалил граф. — Я сам рыбак и вижу вас издалека. Еще я вижу, что вам можно доверить мою тайну и мою честь!

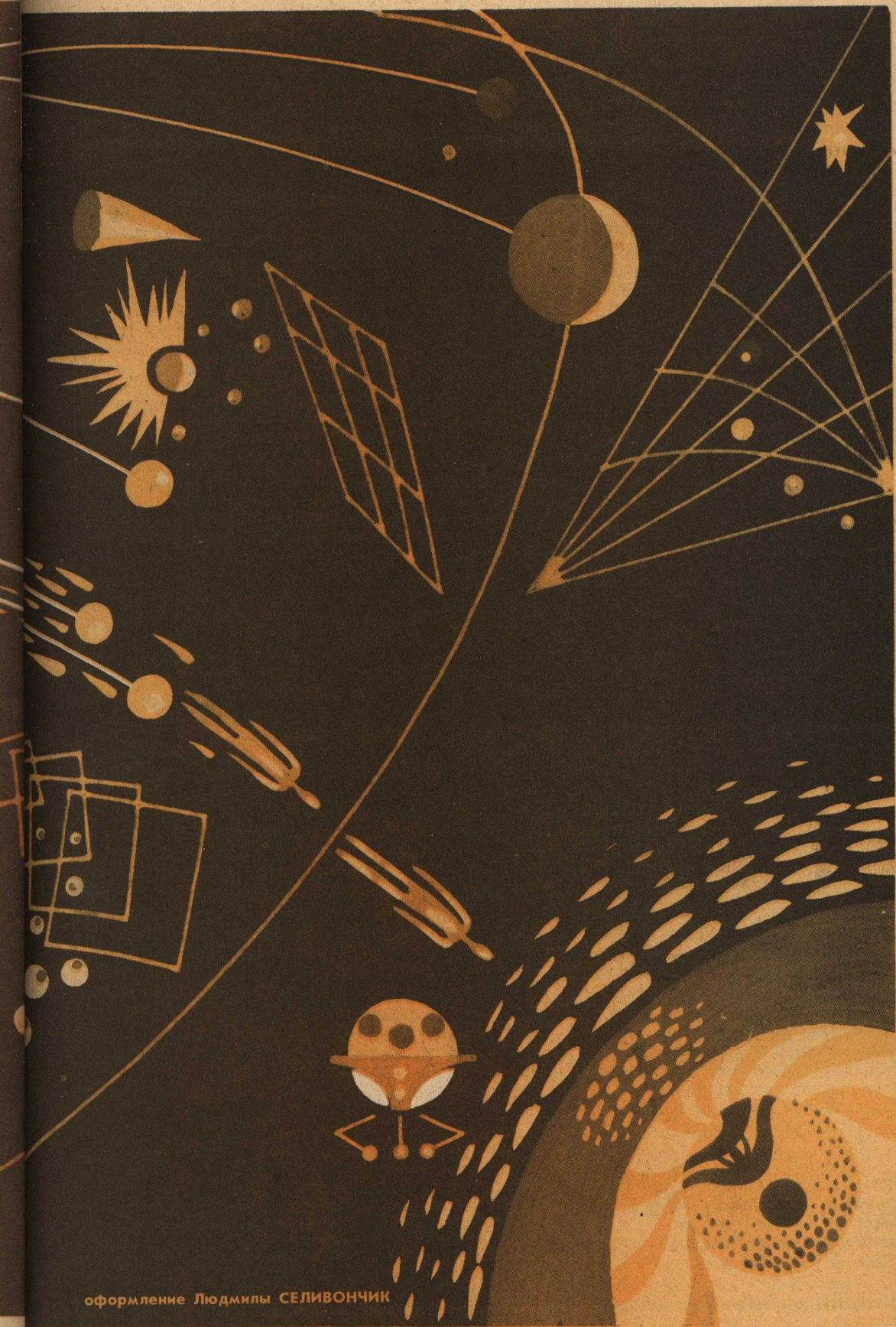
Граф Бронтекристи.
«Убийство в морге».

— Забудь про гипнопедию! — Кондратий Зурпла вынул из кармана полевой куртки

патрон, похожий на тюбик губной помады. — Это — последнее слово медицины, адаптизол, — он вытряхнул на ладонь несколько цветных шариков. От шариков приятно пахло мятой и ванилью. — Препарат синтезирован нашими соседями из Института силы знания. Достаточно принять одно драже, и ты способен видеть все вокруг как бы глазами коренного жителя той планеты, на которую выписано командировочное удостоверение. Какой-нибудь семиглазый телепат с Феномены покажется тебе родным дядей. И без гипнопедии поймешь, о чем он толкует.

— А что потом? Когда домой вернемся? Константа не будет выглядеть в моих глазах форменной... э... семиглазой телепаткой?

— Побочные эффекты отсутствуют. Знакомый медик, презентовавший адаптизол, гарантирует это однозначно. Одно драже —

оформление Людмилы СЕЛИВОНЧИК

одни сутки универсальной приспособляемости. Правда, клинические испытания не закончены...

— Ладно, давай сюда свои пилюли. Глядишь, адаптизол поможет мне перенести кошмар, который зовется «переходом через подпространство»!

— Сомневаюсь. Было сказано: побочные эффекты отсутствуют!

Действительно, адаптизол не помогал при нуль-перелетах, когда тебя самым натуральным образом размазывает вдоль всех двадцати тысяч световых лье от места старта до цели назначения. Джонга мучило, хотелось пить, в правом ухе стреляло очередями, а сердце норовило описать замкнутую кривую, известную в математике под названием кардиоиды.

Но всякие неприятности хороши тем, что имеют обыкновение заканчиваться. И не обязательно летальным исходом.

Нуль-капсула материализовалась вблизи Охотничьего Поприща. Так называлось место, где хозяйничал догматерий. Слово «догматерий» ничего не говорило охотникам, но они полагались на фотонные ружья, не раз и не два проверенные в действии.

Было темно. Кондратий Зурпла и Виктор Джонг покинули корабль. Вокруг шелестели колосья — Полинта славилась своим ячменем на всю Галактику.

Пока Зурпла сооружал окоп полного профиля с бруствером и стрелковой ячейкой, Джонг выкашивал вокруг злаки, чтобы они не заслоняли мишень, которая должна была показаться с минуты на минуту.

— Кондратий, а я забыл Конетанте записку оставить, — грустно поведал Виктор, закончив покос.

— Не маячь, лезь в окоп! — скомандовал Кондратий. — Лучше будет, если мы первыми догматерия заметим, чем наоборот!

С этим нельзя было не согласиться. Виктор съехал в укрытие и стал думать о Константе. Он всегда о ней думал, когда выпадала свободная минута. Не обнаружив мужа рядом, она утром расстроится. Потом мысли Виктора по странной аналогии перепрыгнули на книжку, захваченную в дорогу, и он посетовал, что не научился в свое время читать в темноте. Похождения частного детектива сродни приключениям межзвездных охотников, и чтение подобной литературы часто давало повод для размышлений...

Ждать оставалось недолго. Светало. Самое время показаться догматерию, и вот он неясным пятном стал выползать из низины.

— Ты видишь, Зурпла!

— Где?

— Направление — северо-северо-запад, шесть градусов правее одиночного дерева, дистанция — четыре километра. Возьми бинокль.

— Теперь вижу. Похож на шарик от пинг-понга!

— А размеры?

Размеры догматерия впечатляли. Даже от-

сюда, из окопа, он выглядел ужасающим порождением космического хаоса. Гигантская тварь непрерывно меняла форму и окрас тела. Шкуру испещряли сакральные символы, которые то и дело появлялись, вспыхивали призрачным светом и вновь исчезали. Земляне различили инь и ян, крест и змею, дымящееся зеркало и звезду Соломона, не говоря уже о полумесяце и цветке лотоса, которые проступали чаще прочих, видно, догматерий предпочитал мусульманство и буддизм даосизму, христианству, язычеству, религии ацтеков и иудаизму.

В центре медного лба сверкало загадочное клеймо Метатрона, а хвост яростно чертил в воздухе знаки Каббалы. Окутанный мистериями, догматерий полз, сея смерть злкам и разрушение верхнему слою почвы...

Дунул ветер, и до окопа дошли жуткие звуки молитв и заклинаний, сопровождавшие движения монстра. При желании можно было разобрать и заунывное пение муэдзина, и экстатические вопли первобытного шамана, и джазовую обработку бессмертной «Аве Мария» в исполнении хора мальчиков-панков... Вся эта какофония была откровенно рассчитана на подавление здравого смысла и уж совсем не рекомендовалась слабонервным, беременным женщинам и детям до шестнадцати лет. Но, как известно, в окопе не было ни тех, ни других, ни третьих. Из-за бруствера за эволюциями монстра следили проверенные кадры Учреждения межзвездной охоты.

Виктор Джонг считался одним из ведущих сотрудников северо-восточного филиала — задания выполнял всегда качественно и в срок. Начальство за глаза даже прозвало его мэтром. Возраста был он среднего, здоровья отменного, телосложения крепкого, и брюзжание по любому поводу и без повода пока не превратилось в превалирующую черту характера, как у натур, лишенных одного из перечисленных достоинств, двух или всех сразу.

Напарник Джонга Кондратий Викентьевич Зурпла еще не удостоился звания «межзвездный охотник» и проходил по документам оружейным мастером шестого разряда с доплатой за вредность. Он, в отличие от Виктора, являл собой пример записного холостяка, но это не мешало их дружбе. Это был невысокий, стройный, резкий в движениях и суждениях человек. Не любил он двух вещей: зеркал и дамских улыбок, усматривая в них насмешку над собственной внешностью. (Давным-давно коварный скверг, хищный представитель фауны южного сектора Млечного Пути, оставил на лице Зурплы чудовищную отметину. Косметологи серией блестящих операций свели следы скверга на нет, но Кондратию казалось, что женщины обладают свойством читать уродливые метки и через новую, пересаженную кожу). Оружейный мастер любил три вещи в жизни: обстоятельный мужской разговор по душам; так называемые «житейские коллизии», из

которых всегда умудрялся выходить сухим; и неисправные механизмы, к починке коих тяготел прямо патологически.

Поломанное он обычно доводил до толка, да так, что заслужил на работе прозвище Последней Инстанции. Дескать, если Викентьевич отступился, смело можно сдавать рухлядь в утиль!

Виртуозное владение Виктора всеми видами вооружения во Вселенной и золотые руки Последней Инстанции являлись теми слагаемыми, которые давали в сумме такой сплав меткости и надежности, что друзья предпочитали летать на задания вместе.

Между тем догматерий изрядно приблизился и развернулся в колоссальную гусеницу из множества сочлененных сегментов. Сегменты были непохожи друг на друга, как непохожи демиурги различных рас, но одно было одинаковым — действие на подсознание. Хотя земляне понимали, что чудовище заставляет мозг вспоминать отрывочные сведения из учебников прикладного атеизма, легче не становилось. Виктор поймал себя на том, что мистика просачивается сквозь поры, в ушах жужжат назойливые голоса адептов белой и черной магий, а сам догматерий начинает наливаться золотистым сиянием...

— Ну, держись, Кондрат! — рывкнул Виктор и кубарем скатился на дно окопа. Невообразимый жар опалил затылки охотников. Дерн бруствера задымился. Догматерий на двигался, время от времени плюясь огнем. Теперь он больше походил на огнеметный танк, чем на гусеницу. Танк покрывала каменные скрижали с божественными откровениями...

Выбрав момент, Джонг выглянул из своего убежища. Догматерий подполз на расстояние поражаемости. Он поражал воображение. Пора было заговорить системе Крукс-даймера-Навошты! Даром ее, что ли, за столько световых лье тащили?!

Межзвездный охотник вскинул фотонку и впился левым глазом в резиновую присоску прицела. Указательный палец плавно утопил клавишу спускового устройства. Шаровая молния выпорхнула из разрядника и чмокнула догматерия в лоб. Любая зверюга тут же отбросила бы копыта, как миленская, но только не догматерий! Он продолжал двигаться! Его не смог остановить даже электрический разряд мощностью в миллиард электрон-вольт!!!

Снова и снова высказывали молнии, но результат разочаровал землян: монстр лишь обрел форму громадного колеса, в котором непостижимым образом смешались буддийская мандала, ярко-рыжий лик Ярилы и Юйту — нефритовый заяц, по верованиям древних китайцев круглый год круглым пестиком в круглой ступе толкущий порошок бессмертия под коричным деревом на луне. Овеществленное суеверие катило как одержимое! Над продавленной голеей курились фимиазы — удушливые благовония сродни

медоточивому газу, которым наших друзей пытались отвлечь от выполнения предыдущего задания жрецы с планеты Проньрля. Зловеще скрежетали скрижали. Они использовались колесом в качестве тормозных колодок, иначе отчего им было скрежетать? Дело запахло ладаном...

«Неужели это наша последняя охота?» — обескураженно подумал Джонг, отбрасывая бесполезное ружье в сторону. Догматерий выглядел неуязвимым, а может быть, и был таковым, ибо нет ничего более непробиваемого, чем религиозные заблуждения. Взгляд Виктора скользнул вниз. Зурпла сидел на дне окопа и сосредоточенно изучал собственные ладони.

— Между прочим, поганая тварь через минуту займется непосредственно нами! — сообщил охотник. — А так как мы — убежденные атеисты, пощады не будет!

— Спокойно! — отозвался оружейный мастер. — Атеистов ничем не проймешь: ни трансмутацией воды в крепленое вино, ни геенной огненной!

— Геенной?.. — переспросил Джонг, и решение забрезжило в сумраке отчаяния. Разгадка неуязвимого заставила охотника вскарабкаться на бруствер. Он понимал, что идет на смерть, но, как говорится, смелость города берет.

— Эй, ты, чудище окаянное! Слушай меня внимательно и заруби на носу! Я тебя не боюсь! — маленькая фигурка на фоне нависающего обода подняла кулачок и погрозила исчадию подсознания:

— Ведь тебя на самом деле нет, ты существуешь в воображении тех, кто склонен к мистике! А я не верю в сверхъестественное! Сгинь, нечистая сила!!!

Колесо затормозило, и догматерий превратился во что-то совсем уж бесформенное, но, несомненно, обладающее органами речи, так как откуда-то сверху раздался громахающий клерикальный голос:

— Ты мне лжешь, двуногое!

— Не верю в тебя, тварь отвратная, и никогда не поверю!

— Не может такого быть, — удивился монстр. — Все двуногие, которых я встречал, обязательно верят в иррациональное. Кто в Бермудский треугольник, кто в летающие тарелки, кто в столоверчение! Что может сравниться с тайной потустороннего мира, вечной загадкой Жизни и Смерти?! Вынырнет двуногий на какое-то мгновение из небытия, малость побарахтается, и снова в пустоту, в хаос. Ничто. И ничего после себя в реальном мире не оставляет кроме нитя, суеты и долгов. Скучно. Тоскливо. Страшно. Вот и приходится верить в переселение душ после окончательной остановки сердца. Ад, Чистилище, Рай... А заодно и в меня — средоточие всякой иррациональности! Ты, двуногое, все-таки мне лжешь, что ни во что не веришь! Наверняка, если заглянуть тебе внутрь поглубже, отыщется суеверьице, ма-

люсенское, но однако же суеверие!

Охотник смутился. Всю жизнь он считал себя воинствующим атеистом, но вдруг в подсознании что-нибудь прячется? Темное. Невосознанное. Тогда пиши пропало. Не пожалей ведь догматерий... Но отступить некуда!

— Валяй! — бесшабашно сказал Виктор. — Где наша не пропадала!

— Сейчас, двуногий, — прошипел монстр устрашающим шепотом. — Я проверю самые потаенные закрома твоей души. Под моим астральным взором все инстинкты становятся прозрачными, все побуждения, все страхи перед неведомым, накопившиеся за миллионы лет эволюции! И горе на твою голову, двуногий, если ты солгал хотя бы на йоту! Трепещи же и молись богам, в которых не веришь, атеист проклятый!

Джонг почувствовал, как что-то скользкое и прохладное проникло в черепную коробку и принялось шарить в памяти.

— Удивительно, — буркнул через некоторое время новоявленный рентгенолог. — Действительно, ничего. Абсолютно атеистическое мировоззрение, плюнуть негде! Слушай, двуногий, а жить тебе интересно?

— Еще как! — заверил монстра Виктор.

— Неужели трансцендентальное тебе до фени?

— Конечно, — усмехнулся охотник. — Я и в детстве ни в джинов, ни в гремлинов, ни в Бабу Ягу не верил!

— А в гадание, а в гороскопы? В гороскопы все верят! У меня припасен один со стопроцентной гарантией сбывания точно для твоего дня рождения! Между прочим, с повышением по службе, с успехами в труде и личной жизни...

Виктор захохотал и чуть не свалился Зурпла на голову. Тварь всполошилась.

— Вот ты и попался, гад! — сообщил охотник. — У меня начальство строгое — за красивые глаза повышать не будет!

Догматерий скукожился, занервничал, стал мелко трястись. Впервые он нарвался на такого суперрационального индивида. Рядом с Виктором встал Зурпла и нанес еще несколько ударов:

— В приметы тоже не верим!

— А чертова дюжина? — зашатался монстр.

— Тринадцать — наше любимое число. Тринадцатого Виктор женился, а меня любили тринадцать женщин! Вот!

По правде говоря, оружейник нагло врал. Не по отношению к приметам, в которые они оба действительно не верили. Просто в глубине души Кондратий был уверен, что охваченный паникой догматерий его душу просвечивать не станет. А ведь Последней Инстанции, как упоминалось выше, не чужда была вера в женское подкожное ясновидение!

Монстр попытался покрыть наглеца догматом, но оружейный мастер увернулся. Из брюха твари посыпались ритуалы и неприличные табу, во все стороны полезла обвет-

шалая мистика, хвост повис, как у собаки-кардинала, побитого в схоластическом диспуте лютеранами. Потом догматерий заструился, как воздух в жаркий полдень над асфальтовым шоссе, и припал к земле, как бы надеясь получить от нее новые силы. Агония зверя была ужасна, как Шива, танцующий буги-вуги, и трагична, как отречение папы римского...

Когда падение монстра произошло, Зурпла посмотрел на поверженное суеверие и задумчиво произнес:

— Вспомнил, в Большом справочнике Гросса сказано: догматерии водятся исключительно на планетах системы Предрассудок III. На Полинте их отродясь не случалось!

Виктор почесал затылок:

— Куда нас Учреждение откомандировало?

— Разумеется, на Полинту.

— А где мы находимся?

— Что за глупые вопросы? Конечно, на Полинте. Вон там — Столица. А это — Охотничье Поприще. Слава богу, капсулой управлял я, так что ошибки быть не может!

— Ты уверен?

— Как в том, что ты — Виктор Джонг, а я — Кондратий Зурпла! — Зурпла пнул монстра в бок. — Только откуда тут догматерий?

— Конечно, я — атеист! — взорвался Джонг. — И ни в каких догматериев, естественно, не верю! Но глазам-то своим верить должен! Вот он, догматерий! Лежит, повержен! (Монстр с натугой приподнял чудовищное веко, выказал мутный зрачок и устало прошептал: «...изыди!») Религия, Кондратий, штука тонкая, и не стоит будить зверя, тем более, что мы в него не верим! (Монстр судорожно втянул воздух, веко закрылось, и он испустил дух окончательно). А откуда он на планете появился, пусть здешнее правительство решает! Не охотничье это дело! Кстати, что нам предстоит дальше?

— Аудиенция в Президентском дворце.

— Тогда живо собираемся, и в Столицу! Еще надо смокинги взять напрокат... Капсулу запрем на интеллектуальный замок. Для отпирания я тут сингулярное уравнение с невырожденным ядром подобрал. А на добычу заклятия наложи, позамысловатей!

Джонг запер транспортное средство. Зурпла наложил заклятие на догматерия.

— Теперь в отель?

— В отель, и желательно выбрать наилучший! У меня такое впечатление, что мы это заслужили!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— В этом четырежды безумном мире нет ничего такого, ради чего стоит рисковать своей шевелюрой! — Сивый Дьявол облизнул тонкие губы и поднес к ним чашу, полную «Кровавой Мери».

— А Золотой Саркофаг! — усмехнулся Нехороший Джентльмен.

— Клянусь стигматами святой Агаты, сэр, вы попали в точку! Но откуда вам известно, что координаты саркофага вытатуированы у меня на темени!

Граф Бронтекристи. «Убийство в морге».

Аудиенция в Президентском дворце началась сразу же, как только солнце Полинты достигло зенита.

На торжественной церемонии присутствовали: с одной стороны — оба землянина, с другой — лично гражданин Президент, сопровождающие и другие официальные лица. Все было очень мило. Гражданин Президент, краснощекий обладатель крупного (не в пример остальным чертам своего официального лица) носа, произнес полагающуюся в подобных обстоятельствах речь. Он подробно остановился на тесных узах дружбы, исконно связывающих обе планеты, а также на творческом сотрудничестве, выразившемся в выдающихся успехах на Охотничьем Поприще, выпавших на долю... На чью долю выпали выдающиеся успехи, земляне не расслышали, ибо в этот момент аудитория разразилась несмолкаемыми аплодисментами. Потом гражданин Президент широко осветил вклад межзвездного охотника и его верного соратника в благородное дело избавления Полинты от поганого догматерия. Потом гражданин Президент долго и прекрасноречиво толковал о процветании вверенной ему планеты за истекший период своего правления. Лидер оппозиции демонстративно крутил головой, поглядывая на часы, наконец не выдержал и внятным шепотом сказал: «Регламент!» Гражданин Президент сделал вид, будто ничего не заметил, и, как опытный оратор, влил две-три лопехи дегтя в бочку медоточивого выступления, позволив себе слегка пожуричь отсутствовавшего на приеме начальника полиции за допущенную в аппарате коррупцию, местничество и постыдное закрывание глаз на тенденцию роста употребления пива на душу каждого сотрудника органов правопорядка.

Можно еще много и полезно говорить о Том и о Сем, но я боюсь утомить присутствующих, а посему разрешите мне завершить! — сказал оратор в заключение.

Затем Виктор Джонг произнес ответное слово, напирая на то, что Полинта произвела на него неизгладимое впечатление своими охотничьими угодьями. Затем Кондратий Викентьевич Зурпла произнес ответное слово, ни на что особенно не напирая. Затем робот-распорядитель объявил, что протокол церемонии исчерпан и желающим предоставляется возможность посетить буфет, дискотеку или зал аттракционов, а если такого желания нет, можно остаться и задать вопросы представителям администрации.

Виктор почувствовал, что бесеноч внутри него зашевелился. А, будь что будет! Охотник подошел к гражданину Президенту и эдак запросто, без обиняков, что называется, в лоб, спросил:

— Ваше Превосходительство! Будьте лю-

безны объяснить, почему планета Полинта носит название Полинты?

Крылья носа гражданина Президента от изумления поднялись, словно собрались улететь. Гражданин Президент не ожидал, гражданин Президент удивился, что межзвездного охотника может интересовать ксенотопонимика, сиречь наука о происхождении географических наименований на иных планетах. Но гражданин Президент бывал и не в таких переделках. Он живо взял себя в руки, расправил двумя пальцами крылья носа и довольно эмоционально начал:

— О! Это весьма романтическая и поучительная история. Первооткрыватель Полинты, ваш соотечественник капитан-нарконавт Винченцо Сапогетти, как-то раз накурился травки и отправился путешествовать. Он никуда не спешил и двигался по обочине Главного Звездного Тракта, который, как известно, хорошо изучен, очищен от комет и снабжен многочисленными знаками дорожного движения. Потом капитану надоели проторенные пути, и он свернул в неисследованный спиральный рукав. Мало ли, много ли парсеков он пересек, но только в конце концов на его утлом корабле осталось всего полпинты горючего, кое Сапогетти приберегал для особо торжественного случая. А вокруг простирались непроглядные пучины коварного космоса. Совсем было потерял надежду на благополучный исход своего рискованного путешествия славный Винченцо, как на экране дотопного лазерного дальномера появилось чудное изображение нашей родины. Сначала нарконавт подумал, что ему пригрезился мираж или, в лучшем случае, очередная галлюцинация, но, убедившись, что найденная планета созрела для контакта с Землей из-за произраставшего на ней дивного злака под названием ячмень и еще более дивного напитка, из него приготавливаемого, Винченцо Сапогетти решил, что представлялся особо торжественный случай, и последние сбережения с бульканьем вошли в Историю и навигационные карты, в которых находка отныне нарекалась Полпинты. С течением времени от длительного употребления звук «п» в середине слова совсем стерся, а грубый концевой «ы» трансформировался в нежный «а», и имя приобрело нынешний вариант — Полинта! Согласитесь, очень трогательно! А теперь уделите мое любопытство, сударь! Что вы намерены предпринять в обозримом будущем, если не секрет? — учтиво спросил гражданин Президент и переступил с ноги на ногу. Шпоры на его ковбойских сапогах при этом печально звякнули.

«Сапоги малы ему, бедняге!» — внезапно понял охотник, и ему стало по-хорошему, по-человечески жаль гражданина Президента. Молчание затянулось.

— Ну какой же это секрет, — услышал Джонг голос Зурплы, неслышно подошедшего к ним. — Нам осталось соблюсти некоторые формальности, связанные с актом списания догматерия с вашего счета на баланс

Учреждения, собрать недостающие подписи на процентках о досрочном выполнении этапов, как-то: подготовка, сбор информации, визуальное наблюдение, собственно охота и дележ шкуры, отметить командировочные предписания во Дворце правосудия. Мы надеемся, что вся эта волокита долго не протянется!

— Процентки можете смело оставить в канцелярии. А пока осмотрите нашу Столицу. На исходе полинтийского лета она особенно привлекательна!

— Весьма признательны!

— Жаль только, начальник полиции в творческом отпуске, — чело гражданина Президента на какое-то время нахмурилось, но тут же обаятельная улыбка вновь вылезла на небосклон лица. — Он выйдет на работу завтра утром!

«Интересно, — подумал Джонг, — с каких это пор начальники полиции берут творческие отпуска? Что ли, протоколы оформлять в стихах или сочинять эссе о пользе превентивного заключения?»

— Собственно говоря, — протянул оружейный мастер, — у нас к нему спешных дел нет...

— Просто без его визы касса не выплатит положенный вам гонорар, — поспешил разъяснить гражданин Президент. — К сожалению, у нас превосходно поставлена финансовая отчетность!

— Что ж, подождем до завтра, — согласился Зурпла.

— Вот и отлично, — оживился гражданин Президент и принялся жать друзьям руки, дипломатично давая понять, что встреча, прошедшая в теплой и сердечной обстановке, подошла к логическому завершению. — Желаю с пользой провести время!

Президентский дворец располагался на окраине Столицы, и до фешенебельного отеля «Гонихрустымилок», в котором остановились земляне, было не далеко. Аллея, обсаженная тенистыми деревьями, поросшие дивным знаком поля, горбатый каменный мостик через весело журчащий ручей — все было, как на Земле. И небо такое же голубое. А в небе — птица.

Бдительный Кондратий ткнул охотника в бок. Высоко в синеве парила не просто птица, а всепогодная птица с телескопическим зрением. На языке специалистов она носила звание коммуникационного атмосферного наблюдателя серии «Сикофант» и предназначалась для подглядывания-подслушивания за наземными объектами.

В это самое время на другом конце города, в здании синдиката «Унисервис-Чистоган», в кабинете директора на шестом этаже шло обычное производственное совещание. Интерьер помещения был выдержан в чисто канцелярском стиле: в одном углу кабинета драмал на выносной консоли дисплей, в другом — громоздился несгораемый шкаф марки 1-ШМО-2, страдающий от ожирения.

В центре за массивным столом сидела вертушка административного айсберга. У демонстрационной доски с приклеенными графиками и номограммами плавал в собственном поту начальник планово-производственной службы. Под тяжелым взглядом Шефа синдиката лицо начальника меняло оттенки, как телевизор, у которого барахлит блок цветности. Дело было в том, что усредненный показатель дивидендов резко пошел на снижение. Начальник планово-производственной службы валил на смежников, на перерасход лимитов, но всем было очевидно, что дело не в смежниках и не в перерасходе, а в нерасторопности и преступной халатности самого начальника. А Шеф хоть и имел широкий взгляд на вещи, тем не менее смотрел на них исподлобья.

— Хватит! — оборвал он подчиненного и развернул липкую обертку профилактической карамельки. — Знаешь, что я с тобой сделаю?

Глава ППС пожал плечами, но внутри у него екнуло — от шефа можно было ожидать всего.

— Разжалую в водопроводчики! — ядовито пошутил Шеф. — С испытательным сроком!

Присутствующие подобострастно оживились. В большинстве своем они недолюбливали главу ППС за склонность к межотдельским склокам и потность ладоней, ей сопутствующую.

— Но ты мне нужен в прежнем качестве, — закончил свою мысль Шеф, — пока!

Ледовая вертушка преданно засмеялась. Шеф прилепил леденец к небу, прокашлялся и добрых полчаса изливал желчь. Досталось всем без исключения, но главе планово-производственной службы все-таки особо. По большому счету. Так как у Шефа была луженая глотка, вскоре на полу образовалась солидная лужа, в которой начальник ППС промочил ноги, простудился, но на бюллетень уйти не рискнул.

Первым в прениях выступил главбух.

— Положение синдиката, я не боюсь этого слова, угрожающее! — мрачно поведал он сослуживцам. — Если в ближайшее время не поступят выгодные заказы...

— Поступят! — весомо произнес Шеф, отлепляя языком леденец. Под действием слюны карамель заметно сократилась в размерах.

В дверях появилась секретарша Шефа с выдающимся вперед бюстом.

— К вам Клиент Инкогнито!

«Странное имя и фамилия странная...» — подумал главбух, но вслух ничего не сказал.

— Впустите! — разрешил Шеф.

В кабинет прошмыгнул Человек в Черном. На нем были: элегантный вечерний костюм, сорочка на планке, галстук-бабочка, тупоносые туфли на рифленной подшве, демисезонный плащ, летняя шляпа. Надо ли уточнять, что и остальные предметы туалета, как-то: сетчатая майка, эластичные носки и купальные трусы были соответствующего

названию клиента цвета? Кроме всего прочего, на нем лица не было. Лицо заменяла черная бархатная полумаска.

— Надеюсь, мой заказ-наряд вы получили? — начал гнуть свою гнусную линию Человек в Черном.

— Исходящий номер Такой-то? — уточнил начканц, солидный мужчина с застарелым шрамом на поллица. — От Вчерашнего числа?

— Верно, — подтвердил незнакомец. — Беретесь ли вы за выполнение моего заказа или как?

Верхушка посмотрела на Шефа. Шеф сказал:

— Многие из присутствующих здесь хотели бы это знать, и многие сейчас это узнают. Я говорю «да», хотя мог бы сказать «нет». Мы беремся за выполнение вашего заказа вне зависимости от того, хотят ли этого мои сотрудники или нет, ибо от данного заказа я ожидаю многого: повышения активности руководства синдиката, сплочения вокруг него инициативно-творческих масс, а также распространения деятельности всех служб на еще неохваченные стороны универсального сервиса! Я уверен, что качественным исполнением вышеупомянутого заказ-наряда мы нанесем синдикату огромный экономический эффект!!!

Верхушка застонала от восторга. Все стали бить в ладоши. Растроганный до слез Шеф встал и несколько раз поклонился в пояс.

А в луже на полу ревелись Амебы, Бактерии, Вирусы и Головастики. Последние проклянулись из икринок бранных слов Шефа и вовсю гонялись за первыми тремя буквами Алфавита Жизни. Пищи было вдоволь — головастики вырастали на глазах...

Когда волнение, вызванное речью Шефа, улеглось, возня под ногами синдикатского начальства стала совсем невыносимой, и завкадрами вызвал по селектору уборщицу с первого этажа. Завидев швабру, головастики, частично превратившиеся во взрослых земноводных, прыгнули во все стороны, а самый резвый и зеленый шмыгнул на подоконник, с него — в форточку, да и был таков. Через несколько секунд снизу донесся звук шмякнувшейся с шестого этажа амфибии.

Шеф посмотрел на заказчика и произнес сакраментальную фразу:

— КТО, КОГДА и ПОЧЕМ?

Бархатная Полумаска плавно приблизилась к дремлющему терминалу и включила связь с птицей-шпионом. По заспанному лицу дисплея заструились горизонтальные полоски. Возникла панорама Столицы. С высоты птичьего полета люди на улицах казались букашками. Человек в Черном покрутил настройку. Изображение дернулось, увеличилось, выхватив из пейзажа две нелепые фигурки в смокингах. Одна выше, другая ниже.

— Они! — ткнул заказчик пальцем в экран. — Срок — не позднее завтрашнего вечера!

Человек в Черном ловко метнул на стол увесистую пачку, заклеенную в бандерольки. Столешница ощутимо прогнулась под ее тяжестью.

— Это — задаток! Остальные — после операции!

Шеф проглотил то, что осталось к этому моменту от карамельки, и прислушался, как в желудке железы принялись за свою секретную деятельность.

— Интересные пироги получаются! — сказал он, сосчитав на глаз, через обертку, купюры. Такой способности — считать деньги непосредственно сквозь непрозрачные предметы — у него в детстве не было. Этому он научился на занимаемом посту. — Не многовато ли за обычный типовой заказ?

— В самый раз, Шеф! — вставил парутройку слов без разрешения шустрый главбух, косясь на задаток. Уж очень тот выглядел аппетитно.

— Ваш подчиненный прав, — хищно оскалил зубы Человек в Черном. — В самый раз, я умею считать деньги! Эта пара в смокингах стоит такой суммы! Кстати, если вместо обоих будет уничтожен только кто-нибудь один, сумма вознаграждения автоматически удваивается!

— Понятно, — сказал Шеф и вызвал по селектору секретаршу. Хотя, честно говоря, ему было невдомек, как это часть может стоить больше целого. «Но, — решил он про себя, — Человек в Черном — большой оригинал!»

Секретарша возникла с фирменными бланками синдиката в одной руке и плоской расплавленного сургуча — в другой. Свой драгоценный бюст она несла так, словно боялась расплескаться. Клиент Инкогнито невольно взглянул в вырез декольте и ужаснулся: «Если это хлынет через край, нас всех затопит!»

Шеф энергично поставил автограф под грифом «Утверждаю», Человек в Черном — под грифом «Согласовано». Потом оба обмакнули большие пальцы в плоску и скрепили договор в двух экземплярах собственными дактилоскопическими печатями.

— Теперь по обычаю синдиката надо как следует спроснуть НАШЕ ДЕЛО! Чтобы оно было в шляпе!

Секретарша бережно извлекла из чрева сейфа два граненых бокала и запыленную бутылку «Чинзано Чейза».

— Вино сухое, а дело предстоит «мокрое», — сказал моложавый специалист из отдела сбыта краденого. В синдикат он пришел недавно и еще не отвык от глупой привычки комментировать слова начальства вслух.

— Кому не по душе НАШЕ ДЕЛО, может нас покинуть... — раздельно произнес Шеф, выхватив из жилетного кармана бластер армейского образца и шлепнул несдержанного на язык специалиста, — ...навсегда!

Он наклонился к завкадрами и, показав на моложавый труп, прошептал:

— Вот вам давно обещанное сокращение штатов!

После того, как выдержанное вино покинуло две граненые емкости, чтобы переместиться в две другие, более вместительные, Человек в Черном достал хронометр.

— Сверим часы! — сказал он торжественно, глядя, как тонюсенькая струйка песка неумолимо отмеряет срок жизни тем, кого он указал в заказ-наряде от Вчерашнего числа. — Завтра к заходу я должен быть уверен, что их обоих или одного из них нет в живых!

— Все будет согласно договору, — заверил главбух, сгребая лопатообразной ручищей пачку со стола. — Верно, Шеф?

Но Шеф в эту минуту думал о другом. Он никак не мог отделаться от ощущения, что голос заказчика очень сильно напоминает... Черт побери, он не мог вспомнить, кого!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Ридикуль, ради всего святого, обещайте мне, — прижав руки к сердцу, промолвил граф, — что эта трепещущая тайна никогда не станет достоянием гласности! Это погубит репутацию тети Агаты!

— Клянусь! — пылко вскричал честный сыщик, его на удивление интеллигентное лицо окаменело.

Граф Бронтекристи. «Убийство в морге».

На окраине Столицы особенно радовал глаз ширпотреб. Наблюдательный Зурпла узрел на витрине одной из лавок то, о чем долго и безуспешно мечтала Константа. На правах друга мужа Кондратий был в курсе мечтаний жены Виктора.

— Глянь-ка сюда! — сказал он. — По-моему, именно это Количество хотела твоя благоверная?

— Точно, — сразу согласился Виктор. — Она с ума сойдет от радости, если я привезу такое! Давай зайдем, приценимся!

У входа их встретил Продавец-не-в-настроении. У него были такие насуленные брови, что казалось, еще чуть-чуть, и между ними польхнет грозовой разряд.

На прилавке лежало Количество. Джонг пощупал — Количество было отменного качества. Охотник совсем уж было вознамерился броситься головой в омут покупательства, но тут его взгляд уперся в рекламную надпись на стене: «КОЛИЧЕСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ...» Если присмотреться, раньше надпись была длиннее — последнее слово было замазано, но угадывалось: «...КОЛИЧЕСТВОМ».

Неожиданно для него самого, в душе Виктора зашевелился червяк сомнения.

— Нет, как сейчас помню, Константе такой цвет не к лицу! Он ее полнит. Верно, Кондратий? Простите, уважаемый, у вас не найдется Количество другого цвета, потемнее? Мы тут посоветовались и решили — этот колер больно маркий!

Продавец поднял очи горе и метнул молнию интенсивного зеленого цвета в муху на

потолке. Бедная представительница класса двукрылых обуглилась.

Зурпла поежился, представив, что испепеляющий взгляд может обратиться на землян. Но торговец Количеством полез под прилавок, долго кряхтел, ворочался, бубнил что-то и, наконец, выволок Количество подходящего колера, но в рубчик. Он сдул с Количества пыль и пустил ее Зурпле не в бровь, а прямо в глаз.

Оружейный мастер зажмурился, но успел прошептать в ухо другу:

— То, что надо. Поторгуйся, больше, чем Столько, не давай!

Виктор кивнул и осведомился насчет цены.

— Красная цена такому шикарному Количеству — Полстолька! — отрезал продавец.

— С точки зрения покупателя, — заметил Зурпла, — цена Константе не понравится!

— Что да, то да! — подтвердил Виктор, ибо супругу свою он знал хорошо.

— Ценность Количеству придает розничная цена, соразмерная желанию покупателя! — продолжал развивать тему купли-продажи Кондратий Викентьевич. — И если эта цена не соответствует стереотипу, который сложился при виде данного товара, покупатель скорее всего такой товар не купит!

— Я вас не понимаю, берете или как? — на лицо продавца было страшно смотреть без защитных очков. Где-то в глубине бездонных зрачков зарождался протуберанец сокрушительной силы.

— Или как, — безмятежно ответил Виктор. — Такое Количество на нашей родной планете стоит, по крайней мере, в три раза дороже!!!

— Но это же импорт! — взвился чуть ли не к потолку полинтиец. — Из-за таможенной скидки он не может стоить дороже местного!

Непостижимо, но протуберанец рассосался сам собой, и торговец придал своему лицу нейтральное выражение.

— Извините, — сказал охотник вежливо, наблюдая, как меняется настроение продавца. — Как вы, наверное, догадались, мы прибыли издалека и, может быть, чего-нибудь не понимаем. Не откажите в любезности — проясните ситуацию!

— Извольте.

— Почему, когда мы изъявили желание приобрести Количество, вас трудно было упрекнуть в хорошем расположении духа, а как только мы отказались от своего намерения, ваше настроение сразу улучшилось?

Из глаз торгаша заструились светлые слезы умиления.

— Это так естественно. Продав Количество вам, я лишаясь возможности всучить его другому покупателю гораздо дешевле!

И он расхохотался от всей души, дивясь тому, какие все-таки странные люди живут на звездах. Земляне присоединились к веселью, но по иной причине.

Отсмеяв месячную норму, Джонг сказал:

— Так и быть. Беру за Столько!

— Нет, — отрезал продавец, и последовала безобразная сцена сбивания цены владельцем товара. В конце концов землянину пришлось уступить. Он достал из бумажника интереснейший червонец — валюту, имеющую хождение по всей территории Солнечной системы. Продавец сразу же перестал торговаться и замахал руками. В помещении стало прохладнее, а ассигнация в руке Виктора затрепыхалась, как летучая рыба на палубе парусника.

— Стало быть, вы — с Земли?! — промямлил наконец продавец Количества.

— С нее, родимой, — ответил Кондратий. — Разве это так важно?

— Конечно! — засуетился полинтиец и снова полез под прилавок. — У меня для вас заказное письмо!

Земляне переглянулись. У них не было друзей на Полинте. Родственников и знакомых тоже. Некому было прислать им письмо, тем более заказное.

Конверт плотной бумаги был запечатан кровавым сургучом, на котором отправитель оставил отпечаток большого пальца. Большой палец был маленьким. Но не очень. Виктор присмотрелся. Двойная спираль с завитком, изнаночной петлей в сочетании с накидом и двумя лицевыми. Да, среди близких ему людей никто не носил такой дактилоскопии.

— Позволь! — сказал Зурпла, привычно взяв на себя функции секретаря. Внутри оказался пожелтевший лист старинного пергамента.

— Отправителю не чуждо чувство прекрасного, — заметил Джонг, заглядывая через плечо Зурплы.

«На вас охотится банда, возглавляемая известным гангстером по кличке Фингал с Подсветкой. Преступники чрезвычайно опасны. Они сначала стреляют, потом требуют предъявить визитные карточки. Берегитесь! В полицию обращаться бесполезно».

Вместо подписи стояло лаконичное — «Доброжелательница».

Зурпла потянул носом в сторону факсимела.

— Странно, — сказал он, шевеля ноздрями. — Очень странно... Если исходить из подписи и, как ты верно заметил, эстетических соображений, отправитель — женщина. А насколько я разбираюсь в парфюмерии, от письма разит армейским одеколоном с фантазийным чесночным запахом «Шинель № 5»!

— Ничуть не странно, — возразил Виктор. — Мужской одеколон применен для конспирации, на тот случай, если письмо попадет в чужие руки! Поверь мне, женатому не первый десяток лет, женщина знает, что делает, когда пишет мужчине!

Владелец лавки изо всех сил маскировал любопытство под маску равнодушия. Чтобы выглядеть убедительно, он даже ковырял в ухе зубочисткой! Вид у него при этом увлеченном занятии был отсутствующим.

— Насколько можно доверять вашей соотечественнице, взявшей на себя смелость прислать анонимное письмо под таким оригинальным псевдонимом?

Продавец молниеносно пробежал глазами текст.

— Ни на йоту! — последовал категорический ответ. — По правде говоря, доброжелательница — худший из возможных вариантов! Во-первых, не верю никому, кто желает добра мне, а почему-то не себе; во-вторых, надо еще посмотреть, зачем тебе желают добра, и, наконец, бабы вообще не знают, чего они желают.

Пропустив женоненавистническую философию аборигена сквозь призму собственной точки зрения, Зурпла продолжил расспросы:

— Имя главаря банды вам знакомо?

— А как же?! — задохнулся продавец. — Дело ваше дрянь, ребята! Фингал может мобилизовать до батальона наемных убийц, имеет на вооружении боевую технику, включая бронемашину и вертолеты, а во Дворце Правосудия послушные его воле крючкотворы! Половина столичных полицейских у Фингала на откупе. Так что берите ноги в руки и...

— Как думаешь, Виктор?

Джонг задумался.

— Задание-то не выполнено. И потом, завтра мы должны получить процентовки...

— Понимаю, — согласился торговец, почесав затылок. — Стрелять умеете?

— Немного, — скромно признался Зурпла. — Но ружья в гостинице. А если Фингал уже добрался до нашего арсенала?..

— Мой двоюродный брат как раз торгует подержанным воинским снаряжением. Могу проводить к нему.

В лавке двоюродного брата на стенах висели карабины и самурайские мечи, металлические дробтики и арбалеты, снабженные приборами ночного видения, лазерные винтовки и шипастые палицы. В застекленных витринах скалили зубы смертоносные вырубайтеры любого калибра и любой расцветки. На шербагом полу теснились оцинкованные ящики с артиллерийскими снарядами, жестянки с патронами, коробки с ручными и дикими гранатами, и даже средних размеров зенитное орудие под брезентом.

Надпись на фанерной табличке гласила, что солидную аппаратуру, начиная со столбиметровых гаубиц, можно приобрести со скидкой или же в кредит.

В проходах валялись противопехотные мины, которые то и дело взрывались с противным воющим звуком.

— Не обращайтесь на них внимания! — предупредил Торговец Смертью.

— Мины взрываются, когда на них наступают, а ведь вы собираетесь только обогреться от Фингала!

Он пошарил в закромах и извлек скорострельные машинки со стекловыми магазинами. Перебрав несколько штук, выбрал одну посмазливее. Машинка изящно облегла ру-

ку и даже не жала под мышкой.

— Настоятельно рекомендую, последняя модель известной фирмы «Уби Вальтер»! Проста в эксплуатации и надежна, как автоматический подойник! Ни один приличный джентльмен не позволит себе выйти на прогулку без подобной модели.

— Заверните парочку! — нетерпеливо сказал Джонг.

— Скажите, любезный, — обратился к хозяину Зурпла, механически разбирая и вновь собирая с закрытыми глазами бесхозный крупнокалиберный пулемет. — Что-нибудь более удобное, чем смокинги, для стрельбы лежа, с колена и стоя, у вас имеется?

— Конечно! — всплеснул руками Повелитель Взрывчатки. — На днях поступили бронебрюки самых ходовых размеров и майки-пуленепробивайки фасона «антиснайпер». И те, и другие изготовлены из высококачественного сталепластика и рассчитаны на прямое попадание фугасных и осколочных снарядов. Кумулятивного удара, правда, не держат!

Кроме повседневных комплектов друзья приобрели подарочный набор бризантных гранат в оригинальной упаковке — метательные снаряды ближнего боя выглядели как елочные игрушки.

Джонгу приглянулся было противоракетный комплекс наземного базирования — полезнейшая штука на случай неожиданного нападения с воздуха, но Зурпла отсоветовал тратить на него остатки валюты, резонно рассудив, что Фингал вряд ли осмелится штурмовать отель в центре города при помощи авиации, а таскать комплекс за собой повсюду — руки оборвешь и в городской транспорт не пуస్తят!

Несмотря на то, что последняя сделка не состоялась, Спаситель-за-наличные был настолько предпринимателем, что пригласил покупателей зайти в подвал, оборудованный под тир-бомбуубежище. Там они всласть пометали гранаты и постреляли из скорострельных машинок.

— Не ожидал! Честное слово, не ожидал! — удивился хозяин подпольного полигона, подсчитывая сплошные десятки в мишенях. — У вас просто убийственные успехи!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Сивый Дьявол, продолжая сосредоточенно выстругивать из эбенового дерева балясину на продажу. — Покамест я вижу только астрономическое расстояние до этой мифической сокровищницы. Золотой Саркофаг надежно спрятан там, во мраке, и много миль идти до него...

— Но мой банк готов дать вам ссуду! — страстно вскричал Нехороший Джентльмен. Он немного подумал, прикинул что-то в уме и добавил: — Из расчета 13 % годовых!

Граф Бронтекриси. «Убийство в море».

Нет, на сомнительный спектакль это не бы-

ло похоже. Всепогодная птица-соглядатай не зря сопровождала землян.

Выйдя из оружейной лавки, охотники угостили в переплет. Реакция у друзей была превосходной. Впрочем, будь она другой, им нечего было бы делать в Учреждении.

За сотую долю секунды до того, как кувыркающаяся смерть разнесла вдребезги витрину, мимо которой проходили кандидаты в жертвы, Виктор почуял недоброе и нырнул за мусорный бак. Он успел крикнуть другу: «Бере...», на «...гись!» времени уже не хватило.

Зурпла не последовал примеру старшего товарища по оружию. Как и следовало ожидать, парень он был не промах и первым открыл лицевой счет в состязании на меткость. Скорострельной машинке пришлось оправдать собственную попку фактически не отходя от кассы. Она провентилировала несколько раз тела стрелков, укрывшихся в заезде напротив оружейной лавки, в уютной двухкомнатной квартире. (Четвертый подъезд, второй этаж, все удобства, лоджия, улучшенная планировка. Возможны варианты).

— Цвай, — сосчитал Зурпла поверженных противников по-немецки. Ему никогда прежде не доводилось стрелять по гуманоидам. В следующий миг Зурплу спасла бронемайка, отразив пулю, пущенную прямо в сердце.

— Драй, — уточнил межзвездный охотник тоже по-немецки, вскидывая «Уби Вальтер», и третий снайпер тряпичной куклой вывалился из чердачного окошка.

— Следует заметить, военные действия начались без объявления, — констатировал Зурпла.

— Известное дело — бандиты! — сказал Джонг, вылезая из своего укрытия. — Спасибо Доброжелательнице! Нас спасло то, что мы успели вооружиться...

— Да, как ни крути, а ей мы обязаны жизнью!

— Знаешь, Кондратий, если мы сейчас не пообедаем, я скончаюсь и без вмешательства Фингала...

Виктор огляделся и увидел на противоположной стороне улицы здание, больше всего напоминающее полбуханки ржаного хлеба. Транспарант над входом доверительно сообщил землянам, что в харчевне «Замори червячка!» они смогут совершить «перекусон на любой вкус».

Интерьером харчевни тоже напоминала полбуханки: стены выглядели натуральной ржаной корочкой. Недоверчивый Кондратий отодрал кусочек хрустящей облицовки и попробовал на вкус. Стены были выпечены из ячменной муки, и земляне сразу догадались, что попали в злачное заведение...

Усевшись за свободный столик, друзья оглядели зал, образованный пустотами в процессе неравномерной выпечки. На сцене в сиреновом полумраке бит-группа под названием «Вышибалз» настраивала инструменты. Охотники отчетливо слышали, как повизгивает электроскрипка, гремит басами

синтезатор и перезванивают серебряные колокольцы. Музыканты разгуливали между попитрами, смеялись, перешепывались, роняли невнятные фразы, поднимали себе настроение, закладывая за воротничок, отсчитывали металлическим голосом в микрофон: «Даю пробу, раз, два, три, четыре...» — словом, играли на нервах публики, жаждавшей ритма и мелодий.

— Да, это тебе не Сублимоцарт! — вздохнул Виктор. — Пожалуй, от них не дождешься настоящего пианизма!

Наконец шекотальщики струн и клавиш утомились, расселись и грянули для заправки избитую мелодию. Друзья не ошиблись. Пошла-поехала откровенная биджистика, манфредменство и джетротальщина.

Так они выкаблучивались минут десять. Потом разыгрались, перестали тянуть kota за хвост и врезали композицию на мотив популярного в прошлом нудного блюза.

— Интересно, зачем Фингалу понадобились наши скальпы? — задумчиво спросил Зурпла в наступившем антракте. — Мы на Полинте без году неделя и, по-моему, не успели сделать никому ничего плохого?!

— И догматерию не сделали ничего плохого?

— Какое отношение может иметь бандит к нашей законной добыче?

— Скорее всего, здесь, как на всякой цивилизованной планете, образовано Общество защиты животных.

— Мстят, стало быть, за зверушку?

— Похоже на то, — подтвердил Виктор, вспомнив медный лоб зверушки, о который бились шаровые молнии.

Он посмотрел на свои руки. Они были обгарены кровью непрожаренного бифштекса, взявшегося неизвестно откуда, равно как порционная курятина у Кондратия и две резетки с заливными.

— Нет, этого оставлять так нельзя! Официант!

Сервис в харчевне был поднят на должную высоту. Как это ни удивительно, но обслуживание было человеческим. Хотя, вполне возможно, хозяин заведения просто оригинальничал, держа в штате живых официантов вместо традиционных роботов.

— Сей момент! — над столиком склонилось лицо. Бледнее бледного. У официанта была грудная жаба. Жаба была зеленая и ядовитая. Он встретил ее сегодня перед работой, когда переходил улицу в неположенном месте. Жаба сидела на канализационной решетке, и взгляд у нее был грустный. Официант пожалел бездомное существо и неожиданно для себя самого пригрел амфибию на собственной груди. Все было бы ничего, да только присущий обычно ему рывок куда-то исчез, да юркие мышки зрачков прятались теперь глубоко в норках глазниц. — Чем уважаемые гости недовольны?

— Вот это совершенно несъедобно! — возмущенный Виктор ткнул пальцем в железобетонное желе заливного.

— А у меня? — поддакнул разъяренный Зурпла. — Ваша так называемая жареная курица?

— Насколько я помню школьный курс зоологии, — с сомнением сказал бледнолицый астматик, вглядываясь в нетронутое крылышко, — лошади пока не летают! Сами виноваты, сударь, я предлагал цыплят табака в таблетках, но вы были так увлечены музыкой...

Вдруг с мышкоглазым что-то произошло: он как будто вспомнил нечто важное. Земляне не знали, что разительная перемена в поведении официанта — дело рук жабы. Официант тоже этого не знал.

— Виноват. Я по ошибке полагал, что вы из Полиции Вкусов, а с ними у нас спорят! — начал оправдываться он, собирая кушанья в скатерть, факирским жестом сдернутую со стола. — Как же я вас сразу не признал? Еще раз виноват.

Грудная жаба настойчиво призывала официанта действовать. Через секунду на свежестеленном столике стал из ничего возникать натюрморт на белково-жиро-углеводную тему. Салаты служили подмалевочным фоном, паштеты придавали колорит, рыбные и мясные ассорти могли вызвать у знатока восхищение умело подобранной цветовой гаммой: от пламенеющих панцирей лангустов и омаров до фиолетового бока молодого барашка, запеченного с чесноком, миндальным орехом и горькими перчиками. Гарнир из панированных овощей был вкраплен в холст скатерти смелыми мазками, выдающими руку мастера. Апофеозом же всей картины, несомненно, являлся запотевший графин прозрачного стекла с жидкостью ядовито-зеленого цвета — фирменным лимонадом харчевни «Замори червячка!»

Отдавая должное мастерству Гения Сервировки, Виктор Джонг подумал, что все равно фасольевый суп с грибами и сибирские пельмени никто лучше Константы не приготовит!

— Знаешь, Виктор, если честно, — признался Кондратий и проглотил слюну, — сейчас бы сюда фасольевый супа с грибами и пельменей, которые Константе удаются лучше всего!

Конец фразы Джонг не расслышал — «Вышибалз» врубили душещипательное ретро, и посетители бросились на штурм танцевального пятачка. Барабанщик оставил ударные и стал измываться над электрофлейтой, которая больше всего походила на парализованную змею. Сходство усугублялось тем обстоятельством, что у флейты наличествовала тупая башка, из которой в такт мелодии выползал и вновь прятался раздвоенный металлический язычок.

Зурпла плеснул в бокал лимонада и по привычке стал разглядывать содержимое на свет, как всегда, любуясь всплывающими пузырьками. Взгляд его встретился с глазами официанта — мышки пристально следили за кошкой, которая вместо того, чтобы утолять

жажду, предавалась бессмысленному, на их взгляд, созерцанию. Но следили не только мышки: форменная рубашка бледнолицего маэстро расстегнулась, и в прореху высунулась отвратительная морда зеленой жабы!

Движимая инстинктом врожденной антипатии к земноводным, электрофлейта зашипела, как королевская кобра, заметившая добычу. Зурпла поразила фальшивая нота, прозвучавшая диссонансом и одновременно предупреждением. Ему почудился намек, некое предчувствие беды, и тонкая интуиция человека, привыкшего к опасностям, связала концы с концами. Все встало на свои места: и шипящая флейта, и зеленая жаба, и официанта нетерпеливое ожидание — лимонад был отравлен!

Кондратий цепко схватил злоумышленника:

— Попался, гад! Фрукт фаршированный! С Фингалом, поди, снюхался?!

Виктор, размягченный старинной музыкой, меланхолично наблюдал скетч, в котором его товарищ исполнял заглавную роль. Охотник ничего не понимал и весьма поразился, когда Любитель-Отравитель не стал довольствоваться партией статиста в им же затеянном спектакле. Финальный монолог без единого слова был насыщен полными внутреннего драматизма мизансценами: мышкоглазый пал грудью на сервированную деликатесами сцену и принялся поспешно запихивать в рот куски, лишая полотно ужина законченности и продуманной до мелочей композиции. Отравлен был не только лимонад...

Тело работника сомнительного сервиса конвульсивно изогнулось, и он принял смерть под скатертью. Мышкоглазый террорист угодил в мышеловку, расставленную на клиентов, тем самым подтвердив истину «не рой другому яму сам»!

Под занавес трагедии бит-группа сыграла траурный марш Шопена в стиле рэгги. Коллеги покойного прикатали столик на колесах. Тело уложили, украсили сельдереем и петрушкой, полили ореховым соусом и отвезли в морозильник до официального расследования. Все было торжественно и печально.

— По правде говоря, — задумчиво произнес Зурпла, глядя вслед похоронной процессии, — что-то мне есть расхотелось... И вообще, лучше быть голодным, но живым, чем помереть от обжорства!

Он посмотрел на сцену и не узнал «Вышибалз». С ними творилось странное. Скрипач водил смычком по гигантской канцелярской скрепке, ударник вновь сменил инструмент и теперь шарил на складном плотницком метре, а соло-гитарист перестал играть и сидел несолонохлебавши.

Джонг протер глаза — подобный иллюзион не мог возникнуть даже в игральном фантомате.

За зрением наступил черед обоняния, оно тоже включилось в непонятно кем затеянную игру — по залу явственно проплыл запах проросшего зерна...

Не успел межзвездный охотник избавиться от очередного наваждения, как новое происшествие целиком завладело его вниманием. Какой-то шутник бросил под ноги танцующим копошащийся клубок. Во все стороны из него торчали мохнатые щупальца. В помещении стал меркнуть свет, а клубок принялся распухать судорожными толчками.

Дамы завизжали. Кавалеры сделали два шага налево и шаг назад. Присутствующих охватила паника, и только поддавшие «Вышибалз» не поддались общему настроению, продолжая наяривать что-то жизнеутверждающее.

— Спокойно! — крикнул Виктор Джонг. Он трезво оценил обстановку. — Быстрее вырубите свет, если не хотите, чтобы эта мерзость раздалась до потолка и раздавила всех! Надо бросить на нее плотную светонепроницаемую ткань!

Охотник встречал подобных тварей на планете Кромешная Зга — квантующие светоды усваивали все виды излучений в оптическом диапазоне.

Великое дело инициатива, взятая на себя специалистом! Даже распоследний дурак знает, что нужно делать, если это ему подсказать. И еще. До чего замечательно, что современную музыку извлекают с помощью агрегатов величинной с паровую турбину! В чехол из-под полифонического вариатора можно было вместить не только квантующего светоеда, но и старину догматерия со всеми причинадами!

Вдохновенные призывом Джонга, посетители и ток вырубили, и чехол на светоеда накиннули, и туш в честь спасителя сообща закатали.

— Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! — возмутился Зурпла, буквально выдирая друга из чересчур пылких объятий какой-то экзальтированной особы. Особа распространяла вокруг себя изысканный букет не без градусов и упивалась своей жертвенностью. — Официант-самоубийца, потом светоед, сколько можно?!

— Ты прав, Кондратий! — согласился межзвездный охотник. — Две попытки на один интерес — это слишком даже для бандита с большой дороги. Тревожный симптом! Верно говорил продавец Количества — Фингал с Подсветкой способен нарушить любой закон, включая и этические нормы! Где это видано — покушаться на убийство дважды в одном месте!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Да, граф, да. Я сбрил остатки некогда пышных кудрей со скальпа известного вам лица и скопировал вытатуированную на темени карту, хотя в нее из-за старческой пигментации вполне могли вкрасться опечатки!

— Боже милостивый, значит, Шарлотта снова сможет забрать из ломбарда фамильные драгоценности!

— Граф, — встрепенулся Кураре, — вы слышали крик! Мне показалось, это голос мадам!

— Наверное, — граф зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью, — ее опять похитили! Потом в качестве выкупа потребуют координаты нашей семейной реликвии... Боже, до чего это утомительно!

Граф Бронтекристи. «Убийство в морге».

Не успели земляне отойти от харчевни, как из-за угла выскочил заляпанный камуфляжем бронетранспортер. Этакий тест Роршаха для проверки воображения у умственно отсталых, но снабженный рубчатыми шинами повышенной проходимости и гроздью управляемых реактивных вопросов на турели поверх приземистого корпуса.

«Сейчас он нас протестирует!» — подумали Виктор и Кондратий одновременно. Экзаменатор на колесах долго не церемонился — он резко затормозил, турель со скрипом развернулась, и вопросы посыпались один за другим.

Здание осело и рухнуло. Сквозь грохот обрушивающихся перекрытий, сквозь встревоженные голоса жильцов верхних этажей продолжали доноситься разухабистая мелодия и топот танцующих из харчевни «Замори червячка!», лишившейся крыши над головой.

Но бронетранспортеру было мало производенного шума, во время ракетной атаки он еще жутко завывал клаксоном, чем распугал прохожих. К слову сказать, жители Столицы определенно страдали дромофобией — боязнь уличного движения. Но их можно было понять.

— Серьезная заявка на победу! — прокомментировал вступительное слово бронетранспортера оружейный мастер и не стал медлить с ответом, выстрелив в узкую смотровую щель.

Турель накренилась, и на мостовую скатился последний вопрос с хвостовым оперением. Подпрыгивая, он подкатился к бордюру: Не сговариваясь, земляне прыгнули на все четыре стороны! К счастью, заключительный аргумент экзаменатора оказался с истекшим сроком хранения...

Виктор, лежа на тротуаре, перевернулся на спину и увидел радиатор боевой машины в интересном ракурсе. Под декоративной броневой плитой, защищающей двигатель внутреннего сгорания от пыли, грязи и подкалиберных снарядов, были намалеваны яркие буквы «КРУГОСВЕТНОЕ РАЛЛИ В ЧЕСТЬ МОЕЙ КРАЛИ!» Видеокамеру бы сюда — чудный бы снимок вышел. Для конкурса «Что бы это значило?»

Видеокамеры под рукой не оказалось, зато нашлась подарочная граната. Виктор взвел на ладони невесомый елочный шарик, вынул зубами предохранительную чеку и великодушным баскетбольным крючком послал свой контрвопрос в открытый сверху кузов.

Транспортер трянуло и опрокинуло набок, создав тем самым аварийную ситуацию для городского транспорта. Как горошины из

стручка, на мостовую высыпались восемь усопших бойцов Фингала.

— Поздравляю с первой дюжиной! — сказал Виктор.

— ?!

— Три снайпера, офицант и эта мотопехота!

— Как ты считаешь, Виктор, сколько дюжин в батальоне?

— Наверное, много.

— У меня из головы не выходят слова торговца Количеством о батальоне наемных убийц под началом Фингала!

Как ни странно, больше покушений по дороге в отель не было.

Портье в холле был приветлив и предупредителен, как и несколько часов назад, когда охотники заполняли регистрационные карточки после утомительной засады на догматерия.

— Нас никто не спрашивал? — поинтересовался Джонг.

— Вас никто не спрашивал, но звонил гражданин Президент. Просил передать, что будет ждать на хомодроме. Места в гостевой ложе забронированы.

— Это все?

Портье почесал согнутым мизинцем начинающуюся плешь и выложил на конторку конверт со знакомым отпечатком на сургуче.

«В вашем номере — засада из отборных головорезов. Портье блюдет нейтралитет и интересы заведения, рассчитывать на него — пустой номер. Приглашение гражданина Президента примите обязательно!»

— Идем, там разберемся! — увлек Зурпла охотника к лифту. — Хотел бы я переговорить с Доброжелательницей тет-а-тет! Видно, мировая тетка!

— Сомневаюсь, — засомневался Виктор, вспомнив философские концепции владельца промтоварной лавки.

Когда лифт добрался до положенного этажа, межзвездный охотник снял «Уби Вальтер» с предохранителя. За поворотом показалась дверь снятого ими «люкса».

— Кондратий, как будем брать «языка»? Отбиваемся, стреляем, а все пешки попадают. Ни одной мало-мальски ценной фигуры с доски не сняли. Возьмем «языка» — не на ладью или офицера, на того, кто ими двигает, выйдем!

Зурпла не успел ответить. Нервы у костоломов не выдержали. Услышав, что земляне приближаются, они распахнули дверь.

Мордovorотов было не густо — числом четыре. Зато все плечистые, погрязшие в буграх мышц, заметных даже под черными куртками фасона «апаш». Были они бритоголовые и нахальноглазые. Один держал в руке кастет, другой — металлический шарик на цепочке. Остальные полагались на бронированные кулаки.

Молчание стусило. Противники меряли друг друга оценивающими взглядами.

— Постойте! — раздался звонкий голос

откуда-то из-за спин сотрудников Учреждения. На площадку выбежала молоденькая горничная. Она раскраснелась от быстрого бега, и фигурка у нее была четкая, как бронзовая статуэтка работы мастеров Ренессанса.— Портье умоляет не стрелять! Постояльцы жалуются на шум, и отель теряет клиентов!

Зурпла шагнул навстречу костоломам.

— Парни! — сказал он дружелюбно.— Уважим постояльцев, а заодно и портье?!

Девушка зарделась еще пуще и томно потупила ресницы: Зурпла ей понравился. Такой понятливый и обходительный — настоящий мужчина!

— Предлагаю решить дело врукопашную! Три раунда по десять секунд без ограничений на болевые и удушающие приемы!

Горничная подарила Кондратию многообещающую улыбку. Виктор тоже улыбнулся: вряд ли «парни» подозревали, что невысокий и на вид не шибко сильный землянин — чемпион северо-восточного филиала Учреждения межзвездной охоты по секретной японской борьбе назад-ни-шагу!

— А мы что? Мы ничего, — промычал Кастет. Предложение Зурплы пришлось бритоголовым по вкусу. Злостным хулиганам нравилось, когда на жертвах не остается огнестрельных пометок. Орудуя на большой дороге, они частенько выдавали покойников за результат дорожно-транспортных происшествий, вовремя подкладывая убиенных под колеса троллейбуса. Они собирались расправиться с землянином-коротышкой уже на первых секундах.

Тем временем Зурпла прошел в номер, переоделся в белое кимоно, повязал соответствующий своему дану пояс, провел перед зеркалом молниеносный бой с тенью, корча устрашающие гримасы и распалая себя отечественной лексикой, дошедшей из глубины веков и специально предназначенной для подобных случаев, помассировал челюсть, коя давненько не бывала в переделках, снова вышел в коридор, отвесил всем врагам-соперникам по поклону и начал бой. На все вышеперечисленное Кондратий затратил три с четвертью секунды.

Виктор и горничная наблюдали за графикой поединка, затаив дыхание. Конечно, охотник тоже рвался в бой, но понимал, что будет только мешать другу. С тех пор, как он связал судьбу с Константиной, пришлось сменить борцовское татами на концерты Сублимоцарта...

По исходной стойке Виктор понял, что Кондратий начнет с излюбленного хода Нас Два — Их Четыре.

«Оценят ли противники гамбит?» — мелькнула тревожная мысль. Азарт соперничества заставил Джонга следить за единоборством, будто он писал в уме отчет для спортивного еженедельника:

«...Черные тоже разбирались в основах рукоприкладства. Они напали скопом, сразу

создав на импровизированном ринге определенный материальный перевес.

Но такое тривиальное начало не застало чемпиона врасплох. Во всяком случае, над ответным ходом он думал не более одной десятой секунды:

2. Нырок под руку Шариком по спине
3. Локтем в живот Апперкот через локоть

Создалась стратегически сложная ситуация, когда чемпиону следовало зорко следить, чтобы черные не провели с выгодой освобождающие перемещения:

4. Подхват стопой изнутри...

Шарик на Цепочке, обрушившись с фланга, не дал развития идее Кондратия вывести одного из Бронированных Кулаков из строя. Зурпле пришлось провести отвлекающий ход по почке Кастету. Дебют в целом складывался в пользу черных, но Бронированный Кулак № 2 в запале смазал собственного партнера по уху. Воспользовавшись замешательством в стане противника, чемпион исполнил бесподобную по красоте рокировку босой пяткой по горлу Шарика на Цепочке, отчего тот съезжился и испустил звук. Это был предсмертный звук...»

— Брек! Время первого раунда истекло! — громко крикнула горничная.

Оставшиеся в живых мордовороты хмурились в одну сторону, Кондратий — в другую. Костоломы были буквально ошарашены уходом из жизни самой мощной фигуры.

Виктор принес из номера махровое полотенце.

— Отлично, отлично! Эх, ты его, Кондратий, хватил! Силы у них навалом, а вот тактической мысли — кот наплакал! И очень прошу, не подставляй висок Кастету, смотреть больно!

«...Миттельшпиль начался гораздо спокойнее, чем дебют. Потеря Шарика сказана на действиях черных:

7. Мельница Кастетом по переносице
8. Блок плечом Проникающий удар в диафрагму

9. Прыжок в сторону! ...

(Здесь стоило пойти на обмен ударами с обеих рук, а лучше — ход коленом в пах, из-за дальнейшей угрозы солнечному сплетению).

9. ... Удар открытой перчаткой

10. Задняя подсечка!!! ...

(Великолепное знание чемпионом анатомии в ее прикладном смысле!)

11. Серия ударов по корпусу!!!

Первый Кулак приказал остальным долго ждать. Но так и не поднялся. Миттельшпиль перешел в ладейное окончание, где у черных

лишняя, полная сил фигура, а у чемпиона — качество проведенных им приемов...»

Во время перерыва, не переставая массировать возбужденные конечности Зурплы, секундант Джонг прошептал ему на ухо:

— Не увлекайся! Помни о «языке»! Одно-го как хочешь, но оставь в живых!

Кондратий вяло кивнул головой. Сказывалось напряжение трудного дня. Он устал как собака и часто дышал, положив язык на плечо.

«...Эндшпиль для чемпиона стал камнем преткновения. Получив преимущество в один ход, Кастет достал-таки его. По тому, как протонал Кондратий, стало ясно, что дело плохо:

13. Ложный замах

Боковой в скулу

14. Нокдаун

Хук справа

15. Состояние грогги

...

Чемпион «поплыл». Он ушел в глухую защиту, а Кастет методично бил, пока не сломал ему левую руку. Поражение казалось неминуемым, но здесь Зурпла применил психологическую новинку, с которой черные, должно быть, ранее не встречались: землянин вслух выразился на родном языке. Это произвело магическое действие, соперники растерялись, их движения замедлились, уши покраснели, а удары стали ватными. Чемпион выдержал эффектную паузу, после чего пробежался обеими ногами по грудной клетке претендента. Кастет зашатался и на какую-то мизерную долю секунды раскрылся.

16. Ребром ладони по первому встречному кадыку!!!

Этот кадык принадлежал Кастету. Он застыл на месте, разинув рот от острой нехватки воздуха. Чемпион собрал волю в кулак и вложил его в челюсть противника. Кастет не выдержал, сломался пополам и прикорнул под стеночкой. Навеки.

Зурпле тоже досталось: пока он работал Кастета, последний претендент на почетное звание Оставшегося-в-живых тузил его сзади и ухитрился серьезно повредить предплюсну на маховой ноге.

Когда время поединка истекло, он предложил чемпиону ничью без возобновления доигрывания...»

— Итак, голубчик, — сказал Виктор Джонг наглецу. — Три-ноль! А если ты не примешь наши условия, счет увеличится! Хочется, чтобы ты подробно ответил на один щекотливый вопрос!

Мордоворот поежился, бросил мимолетный взгляд на свежие трупы, и что-то сверкнуло в нахальных очах.

— Я все подсек, сэнсэй, — по неведению он принял межзвездного охотника за тренера Зурплы и стал почтительно именовать Учителем. — Кажется, Охотник Желает Знать, Где Сейчас Фингал?

Друзья переглянулись. «Язык» попался пронизательный, ведь пока его никто не тя-

нул за язык. К тому же не лишенный юмора и знания начал мнемоники.

— И без тебя мы знаем, как запоминать цвета радуги! Ты с нами не шути — это может плохо кончиться!

— А чем Фингал не фазан? — усмехнулся Оставшийся-в-живых разбитыми в кровь губами. — Поди, распустил хвост на хомодроме. Старый хрыч обожает скачки породистых восемнадцатилеток. Сегодня вечером — четвертьфинал, а он никогда не пропускает четвертьфиналов!

— Надо понимать твои слова так, что ты не откажешь в любезности проводить нас на хомодром?

— С удовольствием, сэнсэй.

Зурпла скривился от нестерпимой боли.

— Виктор, прости! На хомодром пойдешь один. Сам понимаешь, какой из меня теперь ходок: скрытый перелом плюс предплюсна...

— Но я не могу оставить тебя здесь!

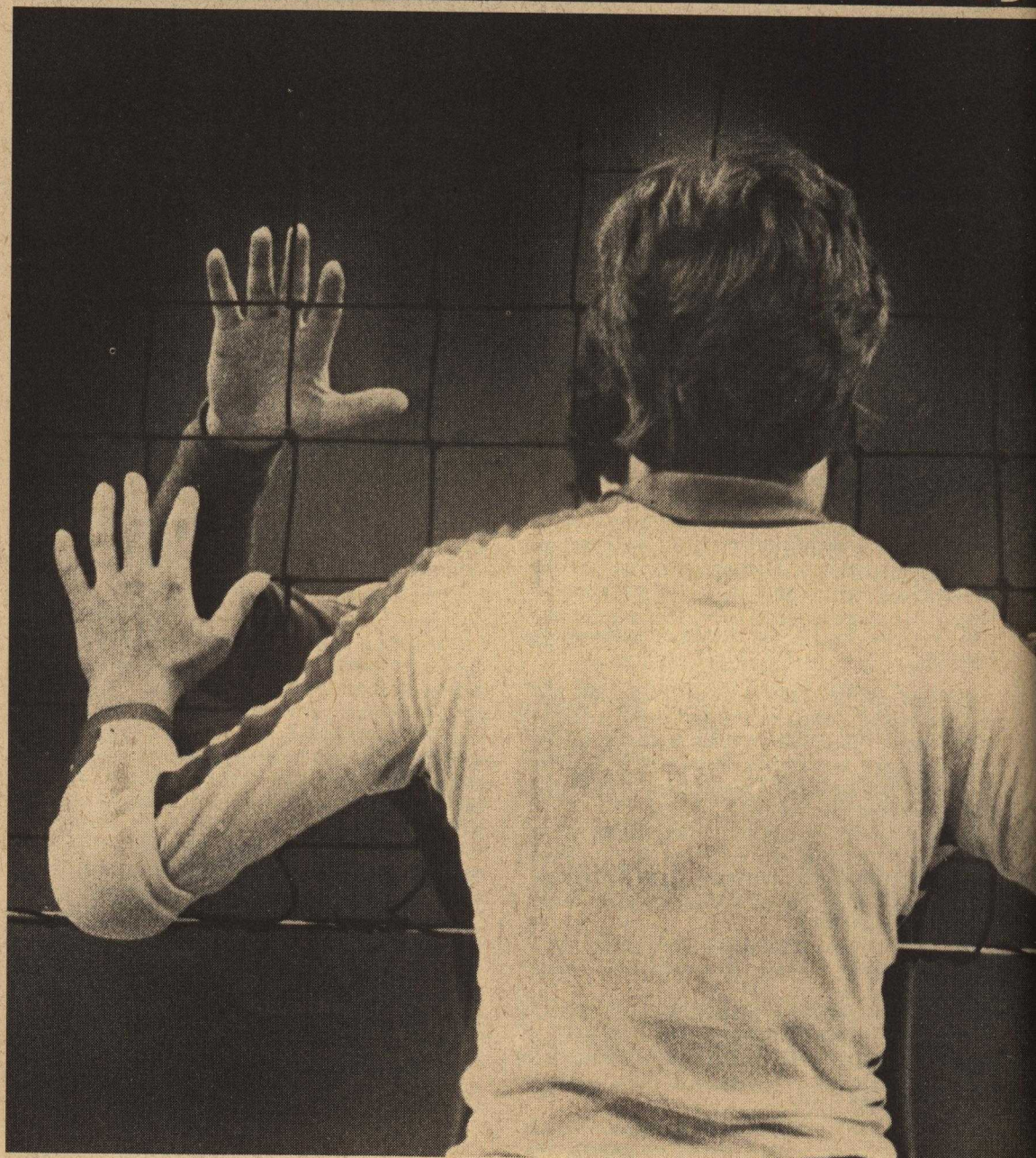
— Можешь. Надеюсь, девушка окружит меня заботой и вниманием?

Румянец, вспыхнувший на щеках горничной, убедил Джонга, что насчет заботы и внимания все будет в надлежащем виде!

— Виктор, гражданин Президент ждет. Поспеши — негоже заставлять главу правительства волноваться! А я к утру оклемаюсь и буду в отличной спортивной форме, ты меня знаешь!

(Окончание следует)

ПРОФЕССИОНАЛ

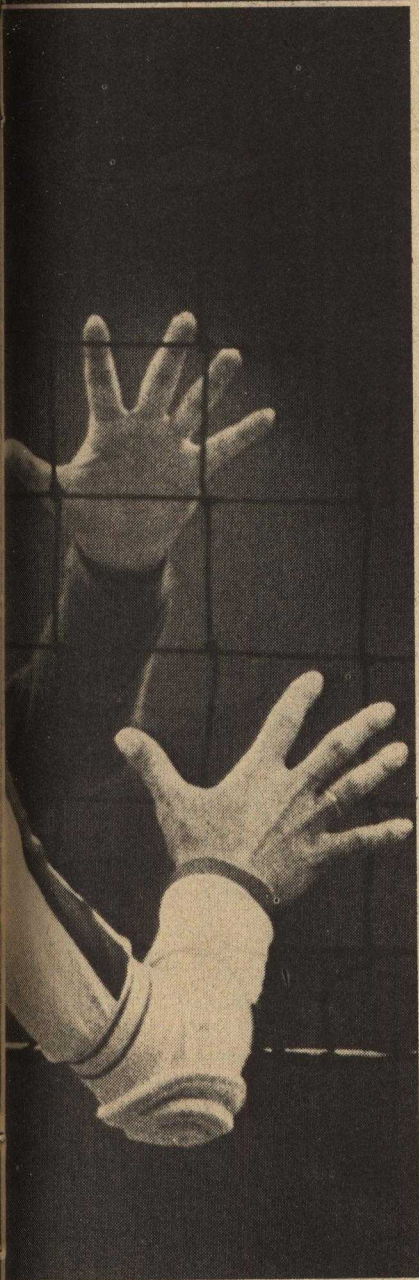
«Все мы болельщики. А значит, в спорте разбираемся. Не в физкультуре — тут большинству из нас похвастаться нечем, а именно в спорте. Действительно, на всех крупнейших состязаниях благодаря телевидению присутствуем. И чемпионы — вот они, крупным пла-

ном! — это же хорошо знакомые люди. Раньше мы знали о них все хорошее, теперь, с наступлением гласности, и все плохое. Кто такие спортсмены! Известно кто — пышущие здоровьем молодцы, облаченные в «фирму». Денег у них — куры не клюют, живут на всем гото-

вом, из заграницы не вылазят, льгот самых разных не счесть, и вообще жизнь роскошная. Откуда такие сведения! Читайте прессу. Да и по каналу ОМС (один мужик сказал) информация поступает без перебоев...»

Вот такой примерно монолог от лица некоего «всезнающего

В оформлении использованы фотозаписи Игоря УТКИНА

болельщика» произносил я в фойе московской гостиницы «Спорт». Цель — убедить мастера спорта международного класса по настольному теннису Дмитрия Мазунова: откровенный разговор о его жизни будет интересен Диминим сверстникам. Да и не только им.

Привыкший жить под знаком слова «надо», Дима согласился, хотя и сказал по поводу моего «монолога»: «Вы утрируете».

Может быть. Но разве не типичны в наших суждениях о спорте основанные на эмоциях и полужнании крайние мнения? Кто прав: «фанаты», сотворившие из спорта своего рода культ, или известный писатель, заявивший: «Я его ненавижу... В нем есть что-то лошадиное»?

Но пора представить моего собеседника. Фамилия эта давно на слуху у любителей спорта: старший брат Дмитрия Андрей (между ними разница в олимпийский цикл — 4 года) уже много лет — первая ракетка страны и единственный из наших теннисистов высоко котируется на международной арене. Но Дима вовсе не собирается светить отраженным от брата светом. Достаточно сказать, что мастером спорта он стал в 12 лет; в 14 — завоевал звание чемпиона Европы среди кадетов (так на Западе именуют юношей, не достигших 15-ти лет); в 15 занял 2-е место на Спартакиаде народов СССР (среди взрослых!), после чего вошел в мужскую сборную страны. Ко времени нашей встречи ему исполнилось 16 с половиной, он только что вернулся из Швеции, где наша сборная обыграла чемпионов мира — команду КНР, причем Дмитрий выиграл все свои встречи у теннисистов, входящих в мировую элиту. Этот сенсационный успех лишний раз подтвердил мнение специалистов: Мазунов — надежда советского настольного тенниса, давно переживающего нелегкие времена.

...Мы устраиваемся в громоздких креслах. Они такие мягкие, что так и тянет расслабиться. Но Дима, как всегда, когда он «при исполнении обязанностей», сосредоточен и не улыбочив. Я невольно вспоминаю, как дву-

мя годами раньше попросил тренера М. С. Носова «в двух словах» охарактеризовать своего ученика. «Дима — это... характер!», — сказал Михаил Сергеевич, сжав пальцы правой руки в кулак.

Начинаем наш диалог.

— Давай оставим в стороне победы и поражения. Поговорим о другом. Скажи, тебе легче жить, чем твоим сверстникам, или труднее?

— С одной стороны, наверное, легче, потому что можно не думать, какую профессию выбрать и вообще что делать в будущем. Мои цели давно определены. Но — и это понятно — они очень труднодостижимы... Думаю, мне все-таки сложнее.

— В чем твоя жизнь отличается от жизни, так сказать, обычных ребят, а в чем — нет?

— Ну, одеваюсь, как все... Люблю рок-музыку, хотя и нельзя сказать, что очень увлекаюсь... Дискотеки люблю, только очень редко на них бываю. Телевизор уж точно смотрю меньше. Вообще времени свободного у меня немного, то есть его почти нет... Но это все ерунда: главное, что они учатся, а я — работаю.

— Думаю, многие не согласятся, что перебрасывать шарик туда-сюда — это работа...

— Тут словами не объяснишь... Пусть приходят на соревнования, на тренировки и делают выводы.

— И все же, в чем состоит твоя работа? Конкретно.

— За сезон — он начинается в сентябре, а заканчивается в августе — я участвую примерно в 15 соревнованиях и 10 тренировочных сборах. Соревнования длятся от двух-трех дней до двух недель, сборы, как правило, — дней 12.

— И чем занимаетесь на сборах?

— Ясно чем — трени-

руемся. Обычно в день бьют две трехчасовые тренировки. Часа два уходит на дорогу от зала и обратно. Днем, после обеда, — отдых. Я в это время стараюсь заснуть, иначе не будет сил на вечернюю тренировку... Получается, что весь день с 8 утра до 9 вечера расписан.

— Сколько же ты бываешь дома?

— В Горьком?.. В девятом классе получилось в общей сложности месяца три. В десятом будет еще меньше. Но я и дома практически каждый день тренируюсь.

— Но как же тогда учеба?

— Это самая главная проблема. И я с ней не очень-то справляюсь... Сдаю материал сразу за какой-то срок. Бывает, с большим опозданием.

— А с какими оценками ты закончил девятый класс?

— Да что оценки... Уровень знаний так себе.

— А как относятся к этому твои учителя?

— По-разному. Одни понимают, что такое спорт, а другие — нет.

— «Не понимают» — это значит, требуют знаний?

— Да нет, не только в этом дело. Вот наша класная часто ругается при всех — спортсмены, такие-сякие, разъезжаете вместо учебы...

— Но это так и есть...

— Так-то оно так, но что дальше?

— Ты видишь какой-нибудь выход?

— Сейчас я сижу на уроках неизвестно зачем. Лучше бы занимался сам дома, а в школу только сдавать ходил. А то даром время теряю... Но говорят — нельзя.

— Ну, а каким ты видишь свое будущее? Скажем, через десять лет.

— Через десять лет я еще буду играть. А вообще стану тренером. Иной дороги нет...

— Скажи, а ребята из

класса не высказываются в том смысле, что ты уроки пропускаешь, льготы всякие имеешь?

— Кажется, нет. У нас ведь школа со спортивным уклоном, и ребята представляют себе мою жизнь. А насчет льгот — о чем вы конкретно?

— Ну, например, тебе платят деньги. Кстати, сколько?

— 120 рублей в месяц. Это называется стипендией.

— Это много или мало?

— Не знаю... не задумывался. Что я, ради денег, что ли?

— Считается, что спортсмены много получают...

— Не знаю... У Андрея стипендия 200 рублей. Я думаю, что если семью содержать, то этого мало. Кстати, такой же оклад у футболиста команды 2-й лиги. Хотя на Андрее вся сборная держится.

— А куда, если не секрет, ты свои деньги тратишь?

— Да куда мне их тратить? На сберкнижку, в основном, идут — родители настояли. Они же газеты читают, а сейчас много пишут, как трудно приходится после ухода из спорта. О пенсиях пока одни разговоры. Так чтобы хоть сбережения были...

— А вот поездки за границу. Ты ведь во многих странах был?

— Да. В Европе — почти во всех, в КНДР, во Вьетнаме, в Индии... Но мы ездим

не как туристы. Тем более, что настольный теннис — это такой вид спорта, что на соревнованиях мы заняты с утра до позднего вечера. Да и выматываешься на них. Поэтому и впечатлений не так много.

— А в магазинах там бываете?

— Да. Но вы, наверное, думаете, что у нас много валюты. А размер суточных... если в долларах... ну, 10 долларов. И если мы едем на 4 дня, как это обычно бывает, то считайте, много ли можно купить.

— И тем не менее, были ли к тебе просьбы купить что-то, а здесь продать?

— Были. Но я этим не занимаюсь.

— А призы денежные получал?

— У меня пока класс не тот. Андрей как-то 5 тысяч долларов заработал.

— И куда же он их дел?

— Положено сдавать в Госкомспорт... А вообще призы в нашем виде не сравнить с теми, что в большом теннисе или шахматах. Хотя коммерческих турниров становится все больше.

— И что ты, за границей ничего не купил?

— Пожалуй, из ценного только магнитофон «Шарп». Мы были две недели в Бельгии, и я в него все деньги и вложил. Вы же бывали у нас дома, видели, как мы живем.

(Действительно, бывал. Свидетельствую: ничего особенного. Правда, стоит большой шкаф с хрустальными вазами и прочим в том же роде — это многочисленные призы, завоеванные братьями-чемпионами. Здесь же медали и жетоны — ими можно было бы увешать с головы до пят не одного поклонника «тяжелого металла».)

— Недавно, во время международного турнира в Москве, твои фотографии появились по крайней мере в трех центральных газетах.

* Когда интервью уже стояло в номере, газеты сообщили о постановлении Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О совершенствовании управления футболом, другими игровыми видами спорта и дополнительных мерах по упорядочению содержания команд и спортсменов по основным видам спорта». Постановление нацелено на решение ряда названных здесь проблем материального плана, в частности, предусматривает создание хозрасчетных клубов, заключение трудовых договоров со спортсменами, их пенсионное обеспечение, регламентирует порядок выплаты вознаграждений за успешное выступление на международных турнирах.

Видел я, как осаждали тебя любители автографов. Напрашивается вопрос о «звездной болезни»...

— Было что-то такое. Года два назад показалось, что главного я достиг и дальше все пойдет само собой. Но это быстро прошло... Знаться непрофессионально.

— А ты считаешь себя профессионалом?

— Стараюсь... По отношению к делу, по крайней мере. А вообще почти все ведущие игроки, в том числе из соцстран, играют за профессиональные клубы. В западногерманской бундеслиге — даже китайцы. После Олимпиады Андрей, возможно, заключит контракт. Это для государства выгодно... Может, и мне когда-нибудь придется.

— Сегодня у тебя день отдыха. Чем занимаетесь в такие дни?

— С утра бывают собрания, политинформации, медосмотр, какие-то восстановительные процедуры... Иногда в кино ходим, в кафе-мороженое.

— А культурная программа — театр, встречи с интересными людьми?

— Это очень редко. Мы ведь здесь не для этого.

— Странно. Вы же столько времени проводите в Москве... Ты знаешь, у меня создалось такое впечатление, что для руководителей, тренеров главное, чтобы вы показали результат, а о вашем образовании, расширении кругозора, чтобы жизнь у вас была интересной, ни у кого голова не болит.

— Ну, жизнь у нас интересная... А так, конечно, результат в спорте главное — за красивые глаза в сборной держать не будут. Я не могу кого-то упрекать. Вы, наверное, не представляете, как загружены тренеры... Такова спортивная жизнь.

— А тебе не кажется, что в этой самой жизни ты

лишаешь себя слишком многого?

— Может быть. Но я думаю, что если хочешь добиться настоящих успехов в главном деле, то многим можно пожертвовать. И даже нужно.

После разговора с Дмитрием я счел необходимым дать слово людям, хорошо знающим спорт вообще и Диму в частности.

Заслуженный тренер РСФСР Михаил Сергеевич Носов:

— Часто приходится слышать: пусть сначала выучатся, а потом участвуют в соревнованиях. Такая точка зрения понятна, но нереалистична. Чтобы тот же Дима вырос в выдающегося мастера, он должен уже сейчас играть и играть. Другого пути нет. Хотя количество выездных сборов можно и сократить — даже взрослому человеку (сужу по себе) трудно так долго находиться в отрыве от семьи... Что касается будущего, то мы обязательно поможем ему в овладении тренерской профессией.

Отец Димы Вячеслав Степанович Мазунов:

— Мы гордимся нашими сыновьями, но чем дальше, тем больше беспокоимся, потому что дома они бывают все меньше и меньше, а заниматься им удается только здесь. Помню, когда-то я ругал Андрея, что он в поездках не берет в руки учебник. А как-то съездил сам и увидел: он там, как выжатый лимон... Дима в школу идет с неохотой, он ведь привык быть первым.

Врач-психолог, кандидат медицинских наук Магомет Львович Лубянский:

— Жизнь таких ребят, как Дима, во многом необычна, я бы даже сказал — экспериментальна. Мало кто знает, сколь велики выпадающие на их долю психофизические перегрузки. Меня раздражают разговоры о преслову-

тых льготах для спортсменов. Какие там льготы, если мы не в состоянии помочь им выучиться! Я уже не говорю о том, что у нас спортсмены практически не имеют социальных гарантий на будущее.

За три месяца, прошедшие после нашей беседы, Дмитрий успел сделать многое: принял участие в целом ряде международных соревнований, в составе национальной сборной завоевал бронзовые медали на чемпионате Европы (чего с нашими теннисистами не случилось десять лет), доказал свое превосходство над зарубежными сверстниками, выиграв самый престижный юношеский турнир «ТОП-12», получил, наконец, прибавку в 40 рублей к стипендии...

Я же все никак не мог четко сформулировать свое отношение к нему — его образ раздваивался.

Вот чемпион, в честь победы которого тысячи людей где-нибудь в Голландии слушают советский Гимн.

И вот — не слишком успевающий ученик, которого отчитывает учительница.

Наверное, эти разные лики моего героя — отражение реальных противоречий той жизни, которую вынужден вести юный спортсмен экстра-класса.

Валерий АДЖИЕВ

Заметки писателя Леонида Жуховицкого «Жизнь вне спорта» были написаны раньше, чем мы получили беседу с Дмитрием Мазуновым. Тем не менее, нам кажется, что они могут служить послесловием к этой беседе. Смотрите страницу 44.

ЖИЗНЬ ВНЕ

В одном из спортивных изданий я прочитал беседу со знаменитым хоккеистом, многократным чемпионом мира и страны. Прославленный ас ледяной площадки заявил, что не мыслит себе жизни вне

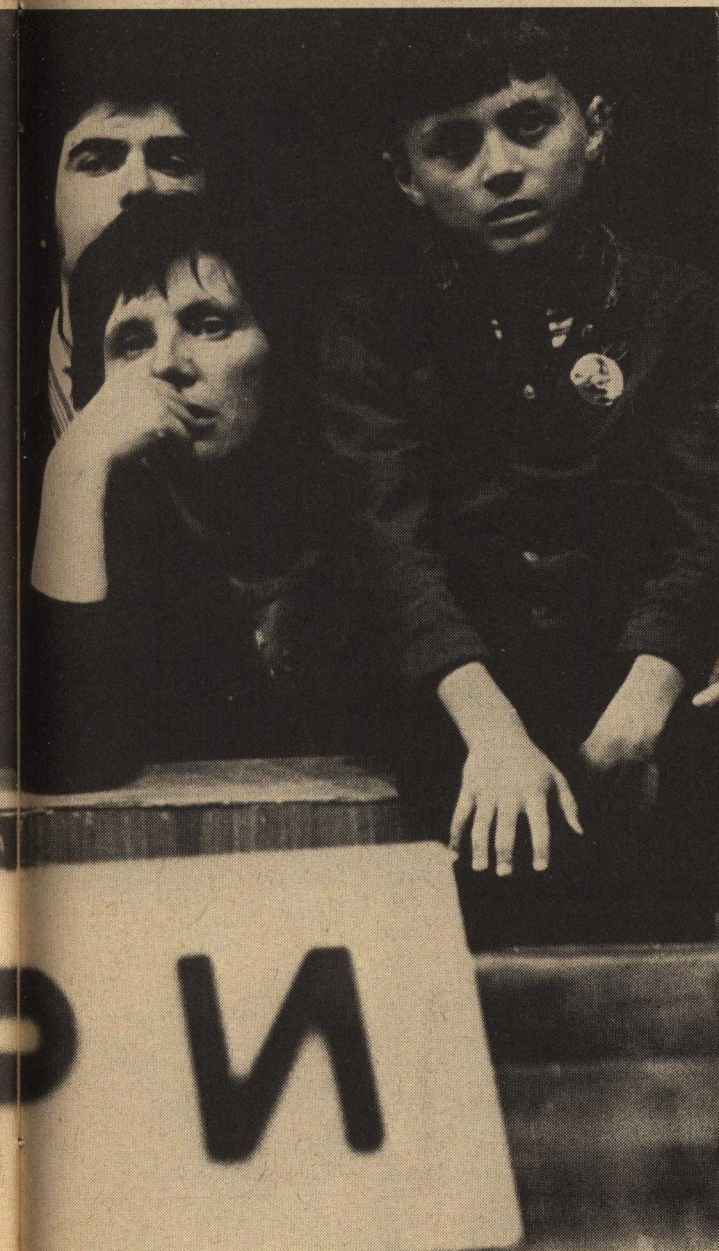
спорта, постарается играть как можно дольше, а потом перейдет на тренерскую работу.

А буквально через день мне пересказали беседу с другим знаменитым хоккеистом, правда, прошлого десятилетия, многократным чемпионом мира и страны — беседу устную, не

опубликованную. Прославленный ас ледяной площадки спился и работает могильщиком на второстепенном московском кладбище.

В чем же дело? Почему так удачно развивается первая судьба и так печально сложилась вторая?

СПОРТА

Впрочем, вспомнил я, ведь и эта горькая биография развивалась хорошо, даже блестяще. Хоккеист был редкостью талантлив, к тому же остроумный, способный человек, любимец товарищей по спорту и болельщиков. Кончив играть, пошел учиться — опять хорошо!

И материально был обеспечен вполне прилично: квартира, машина — все при нем. А вот потом...

Что же случилось? Какая черная кошка перебежала эту судьбу?

Поговорил с коллегами бывшего чемпиона. Нет, злого ге-

ния у человека не было. В морехитейском его никто злонамеренно не топил.

Оставалось популярное объяснение, которое мы и приняли без особых колебаний: сам виноват.

Просто оказался парень безвольным, а безволие — оно к добру не ведет...

Но после, уже в одиночестве, я вдруг усомнился в нашем диагнозе.

Безволен? Но ведь он был хоккеистом мирового класса. Как может безвольный человек выйти в чемпионы, когда меня, непьющего и, следовательно, волевого, на утреннюю зарядку не всегда хватает?

Или — воля была, а потом вдруг усохла? Но — почему?

Вспомнились и еще несколько неудачных судеб больших спортсменов. Один недавний чемпион разгружает ящики в винном магазине, употребляя зарплату в основном на содержание этих ящиков. Другой занялся было литературой, а потом исчез с обоих горизонтов, и спортивного, и литературного. Говорят, очень ему нелегко. А ведь он, между прочим, не пил и не пьет...

Мы — оптимисты, верим в жизнь и в себя. Потому и не можем не презирать лицемерный и трусливый псевдооптимизм, основной маневр которого — вовремя зажмуриться. И тогда острые углы бытия приобретают обтекаемость, а мир сквозь дрожание ресниц кажется радужным даже в дождь. Нет, такую «бодрость» оставим трусам. А сами попробуем спокойно разобраться: нет ли у несчастливых судеб знаменитых спортсменов каких-нибудь объективных причин? Не заложены ли в сам фундамент большого спорта сложные, а порой и грозные противоречия?

Оказывается, заложены. И, при спокойном взгляде, сразу видны. Никуда нам от этого не деться.

Во-первых, сам график даже счастливой судьбы спортсмена драматически не совпадает с графиком человеческой жизни.

Для рабочего, инженера, ученого или артиста сорок лет — расцвет и мастерства, и сил, пятьдесят — прекрасный творческий возраст, шестьдесят — в худшем случае, начало медленного пологого спуска.

А большого спортсмена лет где-нибудь около тридцати беспощадным ударом в подбородок швыряет на пол чугунная

перчатка возраста. Счет можно не открывать — не встанет. Аут!

Обычный, ну, скажем, ученый, с точки зрения его общественной значимости, разбивается — в случае большой удачи — приблизительно так: нуль, затем школьник, студент, аспирант, кандидат, доктор, академик. Трудности, конечно, есть, и немалые, — но все логично, все к делу, дорога идет все время вверх.

А спортсмены в случае большой удачи? Нуль, начинающий разрядник, мастер, чемпион, рекордсмен — и опять нуль! Причем чем выше взобрался, тем больше падать, тем больше ушло времени, тем меньше надежд вперед — опять-таки, с точки зрения той жизни вне спорта, которую ведущему мастеру так трудно себе представить.

У большинства людей период успехов и свершений падает на вторую половину жизни. Это хорошо и естественно. Запас специальных знаний и навыков, приобретенный годам к тридцати, исправно служит нам всю жизнь. Да и невзгоды в юности переносятся довольно легко, ибо имеют прямой и ясный смысл: трудностями молодости человек как бы зарабатывает себе право на творческую зрелость и уважаемую старость.

Запас специальных знаний и навыков, приобретенный к тридцати годам спортсменом, потом, во внеспортивной жизни, не дает ему ничего. Умение забивать голы подъемом, пыром, щечкой, «шведкой», пяткой, головой или даже коленом сослуживцы оценят разве что раз в год, во время матча ветеранов. И период жизненных успехов большого спортсмена обычно приходится именно на первую половину жизни. Эти успехи, эту славу нередко приходится оплачивать трудностями и невзгодами половины второй.

Опять драматический парадокс!

Правда, часто говорят, что качества, полученные в спорте, и в обычной жизни бесценны. Здоровье, характер, воля к победе — разве этого мало?

Что ж, давайте разберемся трезво.

Что физкультура — залог здоровья, спору нет.

Но ведь мы говорим о большом спорте, о соревновании на грани изученных возможностей человеческого организ-

ма. Спортсмены бьют множество рекордов — но рекорды долголетия принадлежат не им. Член команды, щадящий себя, только подведет товарищей. Поэтому-то прославлены в спорте Коткас, боровшийся со сломанным ребром, Тищенко, игравший с перебитой ключицей, Пярнакиви, бежавший, когда бежать было невозможно. Трус не играет в хоккей! А лед, между тем, не перина, и клюшки не резиновые. Прекрасный принцип — сперва здоровье, а уж потом результат — он, увы, не для современного большого спорта.

Что же касается характера, то тут разговор особый. Да, прославленный спортивный характер оказывает немалое влияние на послеспортивную судьбу человека. Но часто, увы, влияние отрицательное.

Смотрите сами. Вот большой спортсмен, известный, как говорится, городу и миру, уходит из бокса, тенниса или футбола в совсем другую область деятельности. И, привыкший быть первым в спорте, внезапно оказывается рядовым из рядовых. Впрочем, и это не точно — до рядового ему далеко. Пока он побеждал на зеленых полях, его ровесники продвигались вперед по избранной специальности. Пусть он тоже учился, пусть работал — все равно они ушли намного дальше. Форса времени и сил, потраченных им в матчах и на тренировках, скажется непременно. И невзрачный инженер, мальчишка, год назад восторженно ловивший каждое движение своего кумира по телевизору, сейчас строго выговаривает ему за любое упущение в работе. Причем не из злорадства, а по необходимости: делаешь поблажку одному подчиненному — другие перестанут уважать.

Да и легко ли вчерашнему чемпиону пробавляться поблажками? Не встанет ли дыбом его характер, его воля к победе? Вроде бы встанет — и хорошо: на всех парах бросится догонять убежавших вперед ровесников. Но...

Увы — еще одно драматическое и вполне объективное противоречие спорта. Большой спортсмен почти всегда ярко талантлив от природы. Прежде, чем Власовым стать, Власовым надо родиться. Шахматами увлекаются миллионы старательных молодых ребят — а Ботвинник есть Ботвинник, Таль есть Таль.

Но сплошь и рядом этот большой талант оказывается у человека единственным. В прочих сферах деятельности даже великий спортсмен может оказаться бесталанным. Помните, например, «Шахматную балладу» Стефана Цвейга?

Ну-ка, вдумайтесь, каково это: полжизни прожив гением, долгой ее остаток добывать посредственностью? Каково, сойдя с вершин славы, в середине жизненного пути осознать, что ты, как говорится в милом рассказе В. Токаревой, «никто, ничто и зовут никак»?

...Но ведь и тут я лакирую действительность! Если бы — никак...

Но нет — имя есть, весьма громкое. И вот — еще одна драма — вчерашняя слава оборачивается клеймом.

Мало ли в стране могильщиков?! Профессия-то, к сожалению, нужная. Ну, зовут одного из них Сашей. Ну, работает в магазине грузчиком некий Валентин. Ну, поливает — так ведь не они же одни! Нам-то что за дело?

Но нет — есть дело! Суетимся, рассказываем, по телефону звоним. Сенсация! Не спрячешься, чтобы прийти в себя, перевести дух в тишине. Весь на виду!

Слава, с могучей инерцией поднимающая человека вверх, теперь с той же инерцией тащит его вниз...

Впрочем, хоть судьба и готовит сходящим чемпионам различные каверзы, у выдающихся спортсменов есть своя палочка-выручалочка. Не зря знаменитый хоккеист сказал: «Не мыслю жизни вне спорта». В самом деле, тренерская работа — разве она не спорт?

«Сегодня спортсмены и зрители тепло проводили на тренерскую работу...» «Потом перейдут на тренерскую работу...»

Эти фразы звучат штампованно — так часто встречаем мы их в газетках.

Попробовать себя в тренажах может практически любой крупный спортсмен — поддержат и помогут. Но далеко не любой выдерживает последующий суровый отбор.

Два-три года абсолютных или относительных неудач — и перестают действовать былые награды и звания. Теперь в счет идут только очки, голы, секунды — а где их взять, если их нет?

Лишь единицы из крупных актеров становятся крупными режиссерами. Почти то же соотношение в спорте. Говорят, даже более того — чем талантливее спортсмен, тем сложнее ему будет как тренеру. Ведь ему все давалось относительно легко, и его личный опыт мало чем поможет человеку средних способностей. К тому же тренер не только спортсмен, он и педагог, и воспитатель, и дипломат, а порой еще и хозяйственник. Чтобы отличать забавлять шайбы и мячи, все эти качества не нужны. Но если руководить коллективом — куда без них?

Тренерская работа — вовсе не автоматическое продолжение успешной спортивной карьеры. Это иная деятельность. В каком-то смысле она тоже «жизнь вне спорта», которой не мыслят себе многие сегодняшние рекордсмены.

Как видим, человека, покидающего ринг, ковер, лед, газон или беговую дорожку, ожидает немалое количество вполне реальных и весьма нелегких преград. Большинство спортсменов с ними справляется. Но немало и таких, которые подолгу не находят себя. Бывает, судьбы и просто ломаются — как та, с которой начался разговор.

Хорошо известно — непобедимых соперников нет. Просто нужно хорошо изучить противника и серьезно подготовиться к встрече.

В спорте так и поступают. Невозможно себе представить, чтобы на ринг против мастера вытолкнули новичка.

А вот на ринг жизни вчерашние чемпионы порой попадают неподготовленными. Прежде всего — психологически. Ведь еще не устарели рекорды, еще не потускнели медали, еще сотни людей на улице узнают в лицо.

И так трудно осознать, что она уже началась — тоже сложная и тоже бескомпромиссная жизнь вне спорта...

Недавно в одной весьма квалифицированной спортивной компании я присутствовал при горячей дискуссии. Тема ее была как раз к сегодняшнему разговору: кто должен отвечать за судьбу большого спортсмена вне спорта?

Были, как говорится, выдвинуты различные кандидатуры — и все отвергнуты.

Вроде бы больше всего резо-

нов возложить ответственность на самого спортсмена, ведь он — лицо заинтересованное. Пусть сам и думает о серьезной учебе, хорошей специальности, своей будущей судьбе.

Так-то оно так. Но семнадцатилетнему парню, приглашенному, допустим, в хорошую футбольную команду, приходится больше думать о двух тренировках в среду и о матче в пятницу. В принципе, он не против лет через пятнадцать стать хорошим инженером. Но куда сильнее ему хочется года через три стать вторым Федотовым или Нетто. Для него путь в жизни прям и ясен: первая лига, высшая лига, основной состав, сборная страны. А что там, дальше, за вершинами хребта — в семнадцать лет не просматривается. Да и чего, собственно, беспокоиться? В крайнем случае — на тренерскую работу.

Как сказал мне лет десять назад сосед по гостиничному номеру, член сборной страны по гимнастике: «Сейчас я работаю на имя, а потом имя будет работать на меня». В своем праве на будущее тренерство он ни минуты не сомневался. Но что-то не встречал я его имя с тех пор, как этот оптимист сделал свой последний «крест» на кольцах...

Как бы там ни было, от новичка, только вступившего в большой спорт, трудно ждать особой осмотрительности.

Но если не сам спортсмен — то кто же тогда должен принять на свои плечи ответственность?

Один журналист, сам в прошлом спортсмен, высказался четко, как о давно продуманном: тренер и только тренер. Именно он, старший товарищ и мудрый наставник, обязан, как второй отец, позаботиться о будущем молодого спортсмена, проследить, как тот учится, как овладевает знаниями и навыками, столь необходимыми в грядущей жизни вне спорта.

Хорошо сказал мой коллега, лучше не скажешь. Даже спорить неловко.

Но представьте на момент довольно реальную ситуацию. Вся футбольная команда высшей лиги, налегая на учебники в ущерб отдыху и сну, дружно карабкается к вершинам знаний. Однако на почве усталости и недосыпа та же команда, увы, спускается со спортивных вершин и, отлично сдав в инсти-

тутах все экзамены, оказывается в розыгрыше лигой ниже.

Как вы думаете, получит старший товарищ игроков заслуженное поощрение за заботу об их будущем?

Есть опасение, что получит моментально — и еще будет получать, пока не очнется где-нибудь в дворовой команде, выступающей на первенстве города по классу «В1».

Нет, тренер — ну что его винить?

Тогда давайте строго спросим с руководителей спортклубов, неядальновидных деятелей, местных тренеров, как модницы шляпки. Уж они-то могли бы...

Но, с другой стороны, против кого поднимает свой гневный голос возмущенная общественность, когда команда, известная своими традициями... Можно не продолжать. Мы с вами люди грамотные, спортивные колонки в газетах читаем...

Ну, а мы-то с вами, болельщики, бескорыстные любители спорта, что мы кричим, когда студент, играющий за любую команду, бьет мимо ворот? «Не робей, отличник!» — так ведь мы кричим ему?

Но, опять же, и болельщиков винить грешно. Они тратят выходной, давятся в транспорте, идут на скандал с домашними, платят, наконец, за билет свой честный рубль — и во имя чего?

Нет, и болельщики не виноваты.

Ну, а кто же тогда? Кто обязан сказать мальчишке, применяющему свои первые бутсы: «Ты стремишься в мастера? Так запомни: за короткой жизнью в спорте тебя ждет долгая жизнь вне спорта. Начиная готовиться к ней сегодня. Начнешь завтра — можешь не успеть»? Кто виноват, что драма большого спорта не всегда имеет счастливую развязку?

Трезво все взвесив, я решил, что виноват я. По крайней мере, у меня нет никаких объективных оправданий. Я не спортсмен, не тренер, не спортивный руководитель, даже не квалифицированный болельщик. Я просто литератор, самой профессией обязанный следить за тем, чтобы вокруг было как можно меньше трагических судеб. Если я не могу решить проблему, то должен хотя бы поднять ее.

Потому я и написал эти заметки.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

...Отец хватает мой портфель и в бешенстве начинает потрошить его, швырять книги, тетради, дневник. Мне стало дико и смешно: шестидесятилетний старик «резвится», как разъяренный шестнадцатилетка. Но смех мой прерывается такими выкриками отца: «Стерва, доучилась! Я тебе еще покажу. Сука!» Это было так обидно. Сейчас еще не могу успокоиться. И все из-за того, что я переписала в тетрадь по химии песню Пугачевой «Прости, поверь...»

Я решила уйти из дома, но пожалела свою мать.

Хотела объявить отцу бойкот за то, что рылся в моих тетрадях. Скажу до конца: я искала себе смерти.

Лариса, 16 лет,
г. Симферополь

Четыре года назад мне довелось — проходил курс повышения квалификации по суицидологии. Вечернее время, после занятий, отдавал театрам. С удивлением обнаружил, что спектакли, выбранные по принципу «лишнего» билетика, оказались как бы иллюстрацией моих утренних семинаров и коллоквиумов: в четырех постановках из одиннадцати главные действующие лица или кто-либо из окружения героя окзывались суицидентами, т. е. кончали жизнь самоубийством.

После поездки в Москву я зарекаюсь касаться темы суицида даже в компанейских разговорах, чтобы никоим образом не пропагандировать возможность

собов ухода из жизни со мной поделились 46 абонентов. За шесть месяцев нынешнего года — уже 57. Анализ этих тревожных цифр направляется сам собой. А тут еще вчерашний звонок, раскладывающийся по полочкам сумятицу мыслей и чувств, которые неизменно вызываются даже просто соседством двух слов: «юность» и «самоубийство».

Звонил вчера 15-летний Сергей. У него был друг Дима. Был до прошлой среды. В среду Дима приладил к дверному косяку петлю, поставил под нее скамеечку, которую любила ставить под ноги бабушка. Пошел, сел на подоконник, стал следить за улицей. Увидел маму, дождался, когда она вошла в подъезд.

А мама подошла к почтовому ящику, достала газеты. Пришло письмо от сестры из Ленинграда. Тут же, на лестнице, стала читать...

«Скорая» приехала через двадцать шесть минут после звонка. Бригада общего терапевтического профиля. Если бы кардиологическая, Диме, возможно, смогли бы еще запустить сердце.

— Он не хотел! Не знал про где-то в телефонной трубке Сергей.

Дима запугался в отношениях с какой-то дурной компанией. Если бы была бабушка, он бы так не завяз — она его понимала. Но бабушки уже год не было с ними. А родители... «просто не знали, что с ним делать». Компания (там нашлись люди, которые знали, что де-

Дима учел. А тут письмо...

На похоронах была вся «дурная компания». Пришли с цветами. Сергей их узнал потому, что никто из них не подошел к Димкиным родителям.

Все это отрядил мне вчера в трубку Сергей. Сказал, что виноват в Димкиной смерти, что никогда себе этого не простит, и что вообще, наверное, испить это может только... Но слов «моя смерть» он не сказал. За одну азбучную истину суицидологии, что попытка самоубийства — это не лучший и не безопасный способ привлечь к себе внимание, решить наиболее проблемную, уже заплачено. Сергей понимал, что жизнь — дорогая цена за истины, которые не обязательно окупать опытом, а достаточно осмыслить.

Что я мог сказать Сергею! Что я могу и должен сказать другим! А вернее, какой информацией к размышлению надо обеспечить как можно большее число людей! Ведь у каждого в жизни бывают очень трудные ситуации, и подавляющее большинство людей в какие-то моменты, пусть «в порядке бреда», но обращаются к мысли покончить с собой.

Прежде всего считаю важным разяснить разницу между попыткой самоубийства и самоубийством. В нашем обществе (имею в виду евро-американскую культуру) это чаще всего самостоятельные действия, а не звенья одной цепи. В Египте, скажем, из 17 «попыточников» погибают 10, в США — из 120 погибает 1 (отечественными данными, несмотря на все успехи гласности, не располагаю). В

они — юноши]. Девушки искренне «жаждут смерти», но... не настоящей, а такой, какую они представляют себе в силу возрастного жизнелюбия! Представляют смерть как продолжение жизни, где их будут любить, оплакивать, жалеть, раскисать за все причиненные им напрасные обиды. Юный «попыточник» представляет себе свою кончину как конец своих неприятностей, как очищение, как способ избегнуть причитающегося наказания. Он готов ценою жизни переделать не понимающих его людей: «Вот умру, так буду знать!» Знать-то, может быть, и будут, но ты-то этого уже не узнаешь, не почувствуешь! — как трудно было втолковать это 16-летней Наташе, скончившей в банке из-под леденцов тридцать снотворных таблеток.

Мама этой девушки два года назад родила маленькую Любочку, и с тех пор Наташа «стала падчерницей». Умирать из ревности к родной сестренке — смехотворный, казлось бы, мотив. Но бывает, умирают от того, что люстра, супница из дорогого сервиза представляются ценностью, сравнимой с человеческой жизнью. Тут уж не до смеха. Помню, в нашем дворе жил Юрик Караев. Случайно разбил любимую мамину вазу, подарок отца. Понимал, что попадет от обоих. Взял двустолку отца и решил себя расстрелять. «Не сильно, чтоб кровь текла», — его последние слова...

Около половины попыток оставляют за собой физические расстройства.

Почти все «попыточники», наладившись заботой и вниманием в первые недели больницы,

лать!) шантажировала его, мол, «чуть что, стукнем твоим старикам». Его пугали тем, от кого он впряме был ждать помощи. Дима боялся родителей. И хотел, чтобы родители боялись. Нет, не его! ЗА него. Чтобы очулился от своего максимального раздражения на «здорового оболтуса», чтобы испугались, поняли, защитили.

Простудировал судебно-медицинский справочник. Сергей помогал проводить хронометраж: топал с авоськами на четвертый этаж [наступая на каждую ступеньку!]. Даже то, что лифт может быть отключен,

ного и домашнего выживания, с горечью признаются, что через несколько месяцев «все становится на свои места», т. е. проблема остается проблемой. Пытаясь умереть, человек оставляет ее нерешенной, просто «отключается» от решения. Большинство, сделав этот вывод, бросает мысль о самоубийстве и начинает искать кардинальное решение проблемы, которое, кстати скажут, чаще всего не ходит!

Некоторые — к счастью, их немного — после первого спасения «привыкают» умирать «не до конца» и в какой-то злощастный момент становятся жертвами собственного убийства по неосторожности. Летальность повторных попыток возрастает в два раза.

В конце разговора о суицидентах хочу еще раз обратить внимание на то, что жизнь наша богата драмами, проблемами и что в какой-то момент мысль о самоубийстве, наверное, приходит в голову каждому. Если бы каждый реализовывал эту мысль, человечество давно бы мы живем. Быть может, потому, что большинство до того, что: СМЕРТЬ ЕСТЬ ВЫХОД ИЗ ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ, НО ВМЕСТЕ С ЭТОМ ЭТО ЕДИНСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ, ИЗ КОТОРОЙ ВЫХОДА НЕТ...

Андрей Антонович МАКСИМОВ,
ПСИХОЛОГ-КОНСУЛЬТАНТ
«Паруса»

Фото Елены АДАМЧИК

среднем в мире на один завершённый суицид совершается 8—10 попыток, и число их растёт. «Проба» самоубийства — это что-то вроде дурной «манеры», которая подпитывается на Западе литературой, кино, драматургией.

Впрочем, есть интересные исследования Всемирной организации здравоохранения, связывающие число самоубийств с уровнем солнечной энергии на данной географической широте. Так, скажем, в скандинавских странах с их высокой обеспеченностью, защитностью, люди добровольно уходят из жизни в десятки раз чаще, чем жители самых загнивавших районов Экваториальной Африки.

Психологи, проанализировав большую статистическую выборку, составили обобщенные портреты «завершенного» суицидента и «попыточника». Первый — это пожилой мужчина в возрасте шестидесяти лет, время смерти — от трех до пяти ночи, обстоятельства — безлюдное место, не оставляющие возможности постороннего вмешательства и случайного спасения. Второй (и это подтверждает опыт «Трубки мира») — девушка от 16 до 20 лет, переживающая конфликт с родителями или любой другой конфликт на фоне плохих взаимоотношений с родителями, время попытки — дневное, место — людное, практически гарантирующее деятельное вмешательство, спасение.

Конечно, не все рассчитывают на эту помощь сознательно. Таких «расчетливых», каким был Дима, единицы (причем все

мира

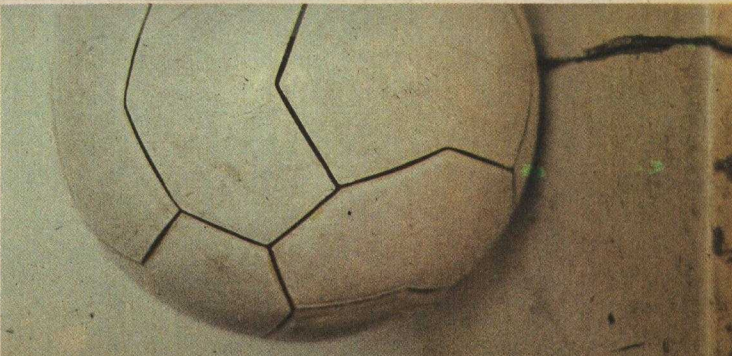
БЕЗВЫХОДНАЯ СИТУАЦИЯ?

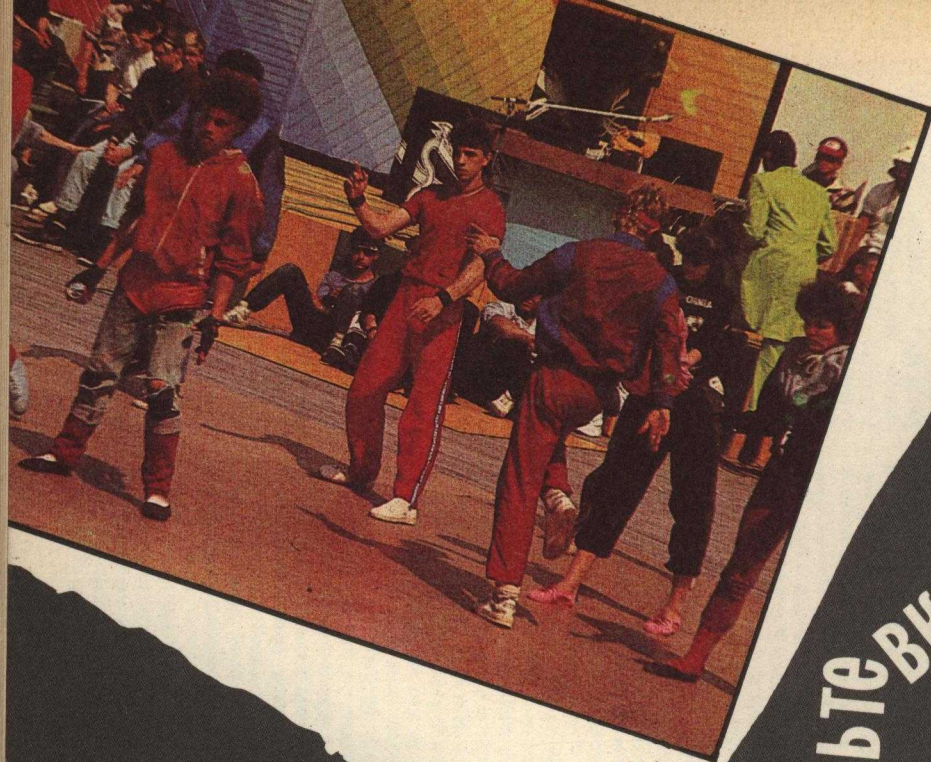
отчет о работе редакционного телефона доверия

добрОВОЛЬНОГО УХОДА ИЗ ЖИЗНИ, не наводить на мысль о такой возможности. В европейской истории, увы, есть факты, когда на самоубийства началась «мода» — в прошлом веке, после выхода в свет «Страданий молодого Вертера» Гете, в нынешнем у нас в стране — после гибели Сергея Есенина.

И все же я нарушаю свой зарок. Передо мной сводки дежурств «Трубки мира». В прошлом году нежеланием жить и замыслами по разработке спо-

* Суицид (лат.) — самоубийство.

Не забудьте включить телевизор!

закулисная жизнь

— «До и после полуночи» —
экстра-класс.

— Нет, наша лучшая передача —
«Взгляд».

— «До и после» — «домашняя кошка»,
которую хочется погладить. «Взгляд»
царапается, рычит...

Из разговора на заседании
Малой редколлегии «Паруса»

○ того ли, что начитались Булгакова, потому ли, что переучили уроки, но однажды, ближе к вечеру, с четырьмя малыми редколлегиями «Паруса» произошел казус. Собравшись на заседание в редакцию, они перепутали троллейбус с аэробусом и по традиционной телевизионной иронии судьбы вместо Минска оказались в Москве. Назвав таксисту адрес редакции — конечно же, улицу Короля, 12, — были доставлены на улицу Королева, 12, где их разговор между собой был не только подслушан (!!), но и записан на видеокассету (!!).

Уже дома они объяснили взволнованным родственникам, что вызывала к себе в Останкино молодежная редакция ЦТ и что теперь в программе «Взгляд» вся страна познакомится с их взглядами на мир и общество, а заодно — с журналом. Мама, папа, а также «крестные отцы и матери», т. е. наши сотрудники, сели перед телевизорами, как робинзоны, и стали ждать пятницу. Потом вторую. Третью...

Ребят, увы, не показали, отснятый сюжет куда-то провалился. Правда, опыт пристрастного телевизионного ожидания обернулся знакомством со многими интересными людьми, их взглядами на мир и общество, а заодно и с самой программой «Взгляд». Да так, что захотелось посмотреть на эту программу изнутри, задать несколько животрепещущих вопросов ведущим, высказать собственное мнение и выяснить-таки судьбу пропавшего сюжета. Доступ к теле не столь прост, как тут описано в расчете на людей с чувством юмора. Скорее, наоборот: если ты не нужен телевидению, то попасть в Останкино и поболтать по 4-й студии, откуда «Взгляд» идет в эфир, человеку пришлому практически невозможно*.

...Но в гардеробе мне помог снять плащ Евгений Петросян, очередь за кофе в останкинском буфете «держал» Алек-

сандр Масляков, лифт вызвал не кто иной как Михаил Козаков, и на 12-й этаж вместе поднималась шестерка знатоков Виктора Сиднева.

На первом курсе журфака мы говорили в таких случаях: нельзя-нельзя, но если очень хочется, то можно.

23 сентября 1987 года в эфир в последний раз вышла программа «Мир и молодежь». По одной версии «Мир и молодежь» доконало ее же собственное приложение «12-й этаж» — окрепший птенец выбросил из гнезда мать. По другой версии редакция программ для молодежи решила создать свой ночной эфир как альтернативу «голосам», вещающим на Советский Союз (так, в первых, давно пора, а во-вто-

* В еженедельнике «Аргументы и факты» участники бит-квартета «Секрет» сетовали: не-

смотря на весь свой бешеный напор, они полгода не могли проникнуть в здание на улице Королева, 12 («АиФ», № 14, 1988).

рых, это не является самоцелью, разумеется).

Через восемь дней мы увидели новую безмянную информационно-музыкальную программу с четырьмя ведущими. Она появилась в тот момент, когда, кажется, вся страна переживала пропажу передачи «Что? Где? Когда!», жалела выброшенных на улицу «знакоком», ломала копья по поводу реанимированного «КВНа» и восторгалась Владимиром Молчановым. Четырех ведущих встретили с недоумением: не мешают ли они друг другу, и вообще, что за треп в эфире!

Я разыскала то, что предшествовало передаче, — сценарную заявку спецкора Киры Прошутинской и режиссера Анатолия Малкина (говорят, стояла подпись и зама главного редактора Анатолия Лысенко, но он свою фамилию вычеркнул, посчитав, видимо, что его вклад в идею для авторства недостаточен). Что же было в заявке! Во-первых, там было название: «Икс» [Информация, Комментарий Событий]. Авторы предложили создать в студии натуральную квартиру, «поселить» в ней «молодоженов», трансляцию вести из кухни. Ну где еще мы обсуждаем столь откровенно свои и чужие проблемы!!

[Малкин присмотрел на выставке мебели гарнитур Сальской фабрики, а про то, как его «доставали» и получили не то и это «не то» устанавливали в день эфира, надо писать отдельную статью, и в ней лопнет миф о всемогуществе телевидения).

Если есть жильцы, значит, будут и гости, размышляли в редакции. Например, старушка, которая на склоне лет занялась живописью [этот сюжет с Любовью Михайловной Майковой прошел 16 октября 1987 года]. Журналист, который принес из типографии завтрашнюю газету и рассказал, что там переверстали в последний момент. Социолог, который прямо с улицы сообщил итоги опроса «Самый популярный человек месяца»... Кто-то пришел, но в кадр не попал, ничего, придет в другой раз, ведь это дом, где не закрываются двери, по-нашему говоря: **ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ТУСОВ-**

КА. У такого дома есть прообраз — сам телецентр. Редакторы, режиссеры, дикторы, операторы, инженеры, монтажеры днюют и ночуют здесь, у них такие же заботы, как и у всех. Почему бы не поговорить друг с другом нормальным человеческим языком, а если будет спор, так не резать его монтажными ножницами!

Мне приходилось участвовать в телепередачах, и, признаюсь, это не лучшие минуты. Под дулом телекамеры начинаешь пыхтеть и говорить, как не по твоей писанному. К сожалению, это происходит со многими людьми, например, на телемостах, где мы проигрываем в естественности, искренности, разноплановости.

Программа «Икс» предполагала определенный уровень отношений, основанных на непринужденности, самоиронии и уважительности к чужим вкусам. Я уверена, все это эхом отозвалось бы в наших домах. Сила телевидения «убойна»: например, в пору своей первой молодости телевизионный «КВН» вызвал к жизни тысячи «КВНов» в школах, институтах; подражая передаче «От всей души», строили свои вечера отдыха заводы и колхозы.

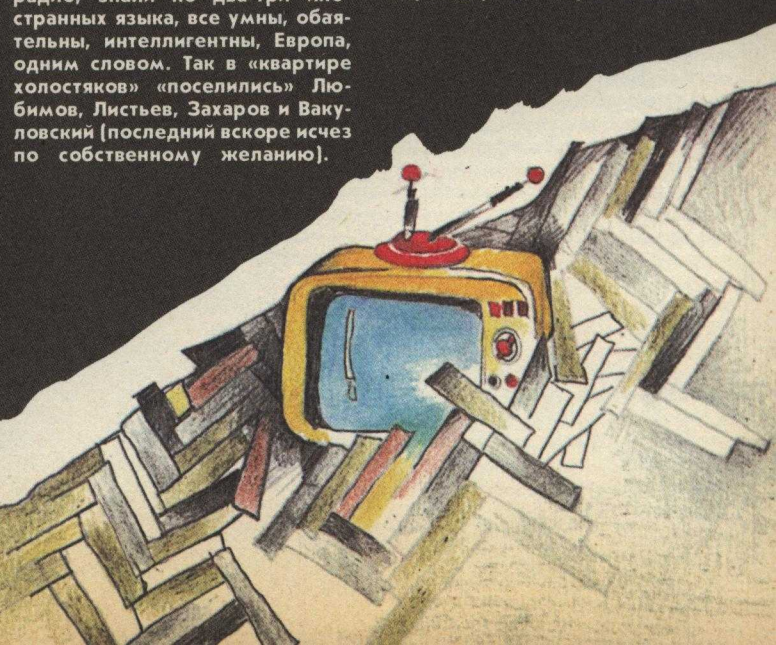
В замысле «Икс» было живое. В воплощении что-то умерло, что-то переродилось... Получилась другая передача, другая — не значит плохая, хотя ту, несостоявшуюся, очень жаль.

Пришлось отказаться от парочки «молодоженов», чтобы у зрителя не возникли ассоциации с «До и после полуночи». Ищущие глаза авторов оставались на четырех молодых журналистах, которые появились в студии довольно случайно. Журналисты работали на радио, знали по два-три иностранных языка, все умны, обаятельны, интеллигентны, Европа, одним словом. Так в «квартире холостяков» «поселились» Любимов, Листьев, Захаров и Вакуловский [последний вскоре исчез по собственному желанию].

После первых выпусков пошла почта. Иногда не на телецентр, а сразу в ЦК КПСС: «Конечно, демократия и гласность — это хорошо. Но зачем сидят трое молодых людей и усиленно доказывают, что рок, поп, эти проблемы хиппи, проститутки и наркоманов нужны советскому народу!! Убедительно прошу разобраться».

Можно только догадываться, что вытерпели ведущие (двоих ЦТ взяло в штат, третий, Любимов, продолжает работать на радио). Им влетало сверху, снизу, справа и слева: за плохую импровизацию в эфире; за «излишнюю драматизацию событий советской жизни» (цитирую) и, наоборот, за «спагетти порусски» (цитирую); за «устаревшую» Толкунову и западных «развратных» рок-звезд; хотя на самом деле ведущие просто были на виду и объединяли своим присутствием и комментарием то, что готовила большая и не видимая в кадре бригада. К сожалению, Прошутинская и Малкин «сделали» только два эфира. Дальше «Взгляд» стал продуктом коллективного интеллекта, что означает: разбился на разные «взглядки» на разные проблемки.

Но все равно ведущие лично мне очень нравились. Это были свежие лица, новая культура мышления в кадре, ненавязчивая манера общения. Я уже начала различать их, угадывать имиджи. Иронично-веселый Саша Любимов. Язывательный, но добрый бука Дима Захаров. Посредник, умеющий наводить мосты и сглаживать углы, Владик Листьев. Мне казалось: еще чуть-чуть, и передача заблестит, ведущие из наблюдателей перейдут в самые активные участники телесюжетов. И тогда я услышу за стереотипами их

собственные оценки, увижу их взгляд.

Но этого не произошло. Листьев, Захаров и Любимов надолго пропали (характерная черта нашего ТВ).

Программу стал вести один из четырех главных выпускающих Владимир Мукусев, иногда вместе со спецкором Александром Политковским. И это была уже третья по счету модель вечерней молодежной передачи. Третья менее чем за полугодовой срок.

На нее я и попала.

Студия — гигантский аквариум, если смотреть на нее сверху через стеклянную стену аппаратной. В полутемном пространстве, как водоросли, свисают безжизненные прожектора, освещен только подиум, вокруг которого бесшумно плавают камеры операторов; участники передачи шевелят губами... Но слышали бы вы, что происходит в аппаратной, соединенной со студией, как пуловиной, многокабельной связью.

— «Двойка», «двойка», возьми ее крупно! Быстрее! Утвердили. Ищем картинку под Розенбаума. Старуху не надо. Пацан! Теперь отъезжай. Не нужно неумелых команд — я понял. «Тройка», наезжай на газету. Ну, ребята, сделайте Таню по-

красивее. Держи ракурс! Зянули! [Звонок в студию Мукусеву, и Мукусев по красному телефону в прямом эфире получает ЦУ сворачивать беседу, действительно становящуюся задумной].

В этой напряженной многоголосице, где сплетаются переговоры редактора с ведущим, режиссера с операторами (теми самыми «двойками» и «тройками»), руководителя программы с руководящими товарищами ЦТ, смотрящими телевизор здесь же, но каждый в своем кабинете, — происходят телевизионные роды. Несмотря на то, что в четверг был тракт (репетиция), никто не знает, кого же бригада произведет на свет в пятницу: гармонично развитую передачу или недееспособного уродца. Беспокоятся, ругаются, щупают пульс передачи, представляют фрагменты, то и дело смотрят на часы...

А на часах — 15.15. Идет трансляция на Камчатку, где уже за полночь. Это «Взгляд» номер один. Его записывают и повторяют трижды на разные часовые пояса: на Томск, Свердловск, Ташкент. Пока работает спутниковая связь, можно перекуксить, расслабиться, придумать экс-

промт, посмотреть свежий сюжет, «тепленький», и подумать, куда его вставить. И вот когда в Москве и на всей европейской территории Союза зажигаются фонари, в эфир выходит «Взгляд» номер два. Если у вас есть самолет, вы можете увидеть все «Взгляды» одного дня, перелетая от телевизора к телевизору. Мне же было достаточно вернуться из телецентра в гостиницу и включить тот, что стоял в номере.

Это очень любопытно. Те же сюжеты, те же люди и вроде те же слова. Но передача другая. Четкая, отработанная, все длинноты учтены и подрезаны, комментарии выверены. Помню, на «Взгляде-1» Владимир Мукусев показал фотоснимок и сказал, что так выглядит проект памятника в Магадане — тем, кто погиб в войну. «Нравится ли вам эта устаревшая парковая скульптура а-ля «девушка с вельсом!» Тем самым он подписал проекту «приговор»: ни один

ло острые сюжеты, и на европейскую территорию «Взгляд» выходил ровенький, «стриженный», дабы не пугать и не раздражать кого не следует.

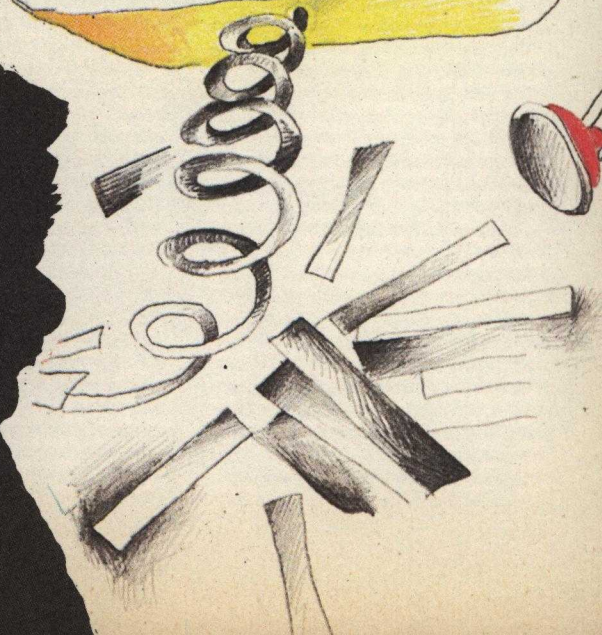
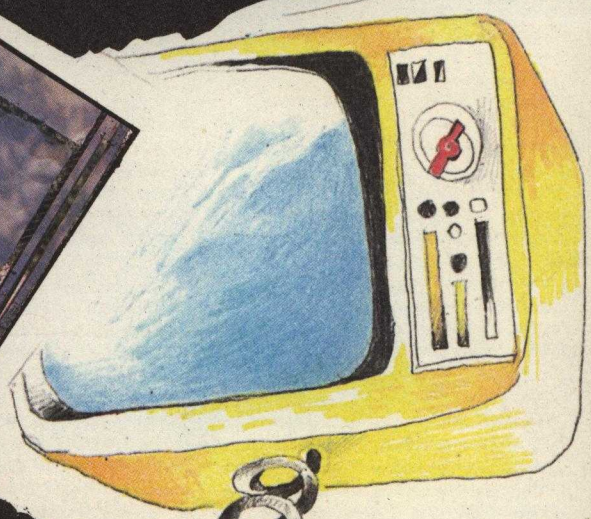
Интересный вопрос: кто боится «Взгляда»? Одну такую «субстанцию» мы нашли. Это... собственные телевизионные небесные сферы, приглушающие резкие тона в некоторых моментах истины. А вот еще был случай. Накануне 22 апреля Мукусев позвонил в один из московских райисполкомов и спросил, сколько на территории исполкома памятников Владимиру Ильичу. И количество, и неважное состояние памятников он знал. Вопрос был чистой формальностью перед съемками. Но когда съемочная группа выехала на места (а между звонком и выездом не прошло и суток), памятники стояли в строительных лесах, реставрация шла полным ходом. На Патриарших прудах, примерно тем же временем, Политков-

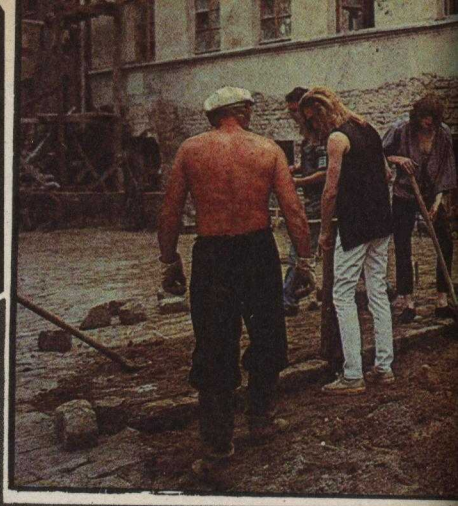
ский с режиссером Леонтьевым снимали, как молодые художники разрисовывают глухую стену дома к юбилею Булгакова. Рядом поставила свою камеру симпатичная японка, режиссер телекомпании «Асахи», которой был заказан фильм про перестройку. Не успела высохнуть краска на загровке кота Бегемота, как приехала милиция и забрала всех. Наши снимали, как забирали японцев, те — как заталкивали по машинам наших. В отделении милиции, разобравшись, просили сюжет не показывать, тем более, что получилось совсем не живописно. «Нет, почему же...» — не согласились телевизионщики.

Второй интересный вопрос: чего боится сам «Взгляд»? Мне кажется, очень часто он боится отстать от газет. Эти газеты, слава богу, выбили почву у театра, кино и даже «андерграунда» [неофициальной культуры]. У телевидения есть перед ними, и, кстати, перед прессой тоже, преимущества: пока дра-

магаданец, звонивший в студию, не хотел быть приверженцем устаревшего стиля. На «Взгляд-2» Мукусев высказался о проекте осторожнее.

Прямой эфир — стресс. Это чудовищное напряжение у всех, кто к нему причастен. Неизбежны помарки. Но, если начистоту, «Взгляд-1» вольно или невольно становится генеральной релетицией, «пробным шаром» перед «Взглядом-2». Чем хуже треть населения нашей страны, на которой отрабатывается телевизионное качество? Ничем. Впрочем, эта треть иногда оказывалась в выигрыше. Бывали моменты, редкие, правда, но их помнят, о них телевизионщики продолжают говорить, когда высшее руководство ЦТ, отсмотрев «Орбиту», меня-

матург очинит перо, чтобы написать злободневную пьесу о рокерах и панках, телекамера покажет их крупные планы на весь Союз. Первые прорывы «Взгляда» в бывшие запретные темы — все равно что разведка боем — вызвали бешеный поток писем. Я читала, например, почту, пришедшую в ответ на передачу от 26 января, где обсуждалась проблема отмены в нашем государстве высшей меры наказания. Сплошная человеческая боль. И те, кто за смертную казнь, и те, кто против, выговаривались до конца. Не уверена, читал ли еще кто-нибудь эти письма, народ тут занятой, читали, наверное. Вот если бы... Понимаю, безумная затея, но сколько их у нас, пусть будет еще одна, — если бы ТВ открыло специальный канал, посадило перед камерами хороших актеров и дало им в руки эти слежавшиеся стопочки. Как много узнали бы мы сами о себе. Была однажды такая передача «Прошу не называть моего имени» — экранизация писем. Была и слыла [все та же характерная черта ЦТ].

...Когда-то вестником, прилетевшим из завтрашнего дня ТВ, явилась передача «Это вы можете». Она стала предтечей другой, революционной по сути, передачи — «12-й этаж». От возможности проорать на всю страну про свои болячки или призрачно поругаться с самим министром кружилась голова, как от счастья. «Послушайте нас! — кричала «лестница»; на лестнице сидели 16-летние и их

ВПЕРВЫЕ слушали, даже если они несли околесицу. — Мы есть, мы существуем, у нас своя жизнь, свои проблемы. Дайте сказать!» Но шло время, уже надо бы помолчать и подумать о том, о чем кричали. А на «этаже» все орали, заглушая друг друга. Наступил момент «клинической смерти» передачи, детища главного редактора «молодежки» Эдуарда Михайловича Сагалаева. «Этаж» каким-то чудом выжил. Что с ним будет дальше? Кажется, этого не знает даже Сагалаев.

Не хочется, чтобы история повторялась — теперь уже со «Взглядом». Но смотрю и вижу: телевизионный колобок побывал у дедушки-«сталиниста», у волка-фарцовщика, у лисы-проститутки и покатился дальше в поисках интересного. Остановись, дай всмотреться в лица! Не слышит.

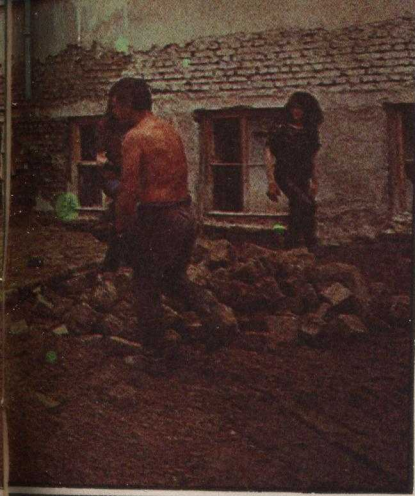
[Каюсь, наверное, я не права и во мне бурлит раздражение плохо выпавшего человека. Сидишь во втором часу ночи, то засыпаешь на музыкальных паузах, то вскидываешься, когда тебя колют «острием событий». И не понимаешь, почему большая публицистическая программа из 18—20 фрагментов идет ночью, если тот, кто устал за день, хочет спать, а тот, кто не прочь развлечься, хочет смотреть шоу и рекламу].

13 мая «Взгляд», наконец, задержался на бюджете молодой семьи. Нам представили разные семьи. Одна экономит на спичках, живет очень скромно и считает себя счастливой. Другая берет деньги на обслуживание у родителей и страдает от унижения. Третья... Муж — повар (95 руб. в месяц), жена — медсестра (90 руб. в месяц), маленький ребенок. «Если бы муж не приносил что-нибудь с работы, не знаю, как бы мы жили». — «Я поставлен в такие

условия, что не могу не брать». Брынькнула «взглядовская» хлопущка, ведущий вздохнул: «Воровать, конечно, плохо», а гость программы чл.-корр. АН СССР профессор Николай Яковлевич Петраков стал здраво рассуждать: «Надо сделать так, чтобы молодые люди прилично зарабатывали на своей основной работе. Это возможно при вступлении в полную силу Закона о предприятии». Но перед глазами все еще стояли те двое, повар и медсестра, их была нервная дрожь. Что будет в понедельник, когда этот молодой парень, теперь уже все знают — вор, придет на работу? Кто-то тащит, да не признается, а этот подставился. Почему! Как он живет! О чем думает! Все осталось за кадром.

Я чувствовала горечь еще и потому, что сюжет делал мой любимый Политковский. Правда, это был другой Политковский, не такой, каким мы узнали его, репортера, меняющего профессию, супермена, то разоблачающего торговую «мафию», то проваливающегося под лед, чтобы на своем опыте научить нас спасаться. [«Дикая» идея самого Политковского — отказаться от каскадера. Тем самым он доказал, что спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Была заранее подготовлена полынная метра три на четыре. Когда ее затянуло ледком, установили камеру. За камерой стояла плотная группа: спасатели с баграми, водолазы и свои ребята с телецентра. А у Саши накануне «вылезла» простуда. Но все-таки он провалился и показал, как надо выбираться из полыньи. Это было в преддверии весны].

Человек, который в воде не тонет, в огне не горит, бывший каратист, наш советский Гюнтер Вальфр, — ему стали писать

ва. Не знаю, какие бригады их делали, но помню точно: рязановскую передачу мы ждали с огромным нетерпением.

Телевизионная территория не может быть ничейной. Она становится ею тогда, когда нет личности. И толчутся тут все в меру сил и талантов. Но на самом деле у любого пиджака должен быть свой Зайцев.

Когда-то казалось, что наш телевизионный собеседник вступает в пору зрелости, но теперь становится очевидным, что он только-только вылезает из подростковых проблем и может сказать о себе словами из старой доброй сказки: я еще не волшебник, я еще только учусь... Мы все такие разные, и нам нужно ТВ разное: многоканальное, многоголосое, многоликое. Выбираем же мы себе спутника жизни, профессию, спортивную команду, газету, прическу, а скоро, надеюсь, будем выбирать школу. Мы еще не знаем всех возможностей телевидения, они нам только приоткрылись. У многих я спрашивала: какой новый канал организовали бы вы на ЦТ, будь ваша воля. Чаще отвечали: молодежный. Идея хороша, но сколько вопросов она поднимает! Может, не стоит делить семью! Может, надо, наоборот, объединять ее у экрана!..

...Я бродила по двенадцатому этажу, смотрела на этих заматанных людей, которых дома чаще видят по телевизору, чем въеве. Нет, не нашла концов пропавшего сюжета с малыши

редколлегами «Паруса», да это уже и не волновало: другие высказались за наших ребят и, наверное, даже лучше... Я еще походила по пустой студии, посидела за столом ведущих, заглянула на кухню, которая хотя и настоящая, но не настоящая: кастрюльки для близиру.

Отдала милиционеру на выходе декадный пропуск... Толкнула «вертушку» и пошла по улице Академика Королева куда-то туда, в направлении Минска...

Светлана ШИДЛОВСКАЯ

письма с просьбами помочь, с жалобами на жизнь, т. е. восприняли как своего защитника. Во время съемки в Симферополе в гостиницу к Политковскому шел поток посетителей, и это была, ну, едва ли не общественная приемная «Взгляда».

Однако он сам признал: разбираться с проблемами людей труднее, чем прыгать под лед. Все наши вопросы и проблемы враз становятся «больными», как только мы начинаем копать в них всерьез.

Был у Политковского и Леонтьева репортаж из Чернобыля [8 апреля]. Восемнадцать минут безыскусного разговора с работниками АЭС, рассказ о страшноватой повседневности. И в этой же программе впервые в мире психотерапевт Анатолий Кашпировский провел обезболивание пациентки на расстоянии. Сенсационная операция, естественно, «задавила» ребят с АЭС.

Кто сконструировал ту апрельскую программу! Нет ответа. Помните, у Аркадия Райкина была миниатюра «Кто сшил этот пиджак!» Вышли сто человек: «Мы». Один отвечает за лацканы, другой за рукава, третий за пуговицы. Но за пиджак никто. «К пуговицам претензии есть!» — «Нет. Пришиты намертво, не оторвешь».

Бывает такое, когда «мы» — это плохо. У передачи «Что! Где! Когда!» есть «я» — Владимир Ворошилов. У передачи «Это вы можете» есть Владимир Соловьев. Лидер всегда знает, чего он хочет и как добиться своей цели. Это программы с программой. В свое время, напомню, существовали на ТВ как бы две «Кинопанорамы»: Эльдара Рязанова и Даля Орло-

Фото Елены АДАМЧИК

и Тимура ГРИБА

Елена Мучинская, десятиклассница

ПОЛЕТ

Рассказ

Я сидела на полке, третья сверху, пятая с краю, зажатая с одной стороны громадным тюком, завернутым в газету, а с другой — пожелтевшей коробкой, на которой полустертая надпись гласила: «Не кантовать!».

Я приоткрыла глаза и проверила, все ли так, как я себе это представляла. Так, мои соседи оставались неизменными. Я потянулась, ныла спина... Что поделать, она затекает от долгого сидения. Повернувшись, задела коробку. «Не толкайся!» — скрипнула она. Я извинилась. Ей еще тяжелее, чем мне: она здесь дольше. Зато конец у нас один.

Прочь, прочь, тоскливые мысли! Жизнь прекрасна и удивительна! Кто сказал? Не помню... А может, это никто и не говорил? Это я сама придумала? Нет, сказал... А сейчас это выплыло из глубин памяти и возникло вопросом.

Ладно, говорил, не говорил, надо что-то делать, а то я так и останусь тоскливой кучей на полке... Кто там, наверху? Постучать, что ли? Сверху свесилась лохматая собачья морда.

— Тебе чего?

— Привет!

— Здравствуй... Так чего?

— Да ничего, просто поговорить захотелось.

— Поговорить? — собачьи глаза оквадрились от удивления, и она убралась обратно. Не желаешь — не надо. Без тебя обойдусь. Тоже мне, негодимка. Эй, внизу кто-нибудь есть? Бах! Сверху упал ковер, свернутый в рулон. Новенький, чистенький. Никого по башке не стукнул? Нет. Страшно... Кто же тебя будет наверх поднимать? «Ай-ай, тяни, подымай...»

— Чего шумишь? — это опять собака, уже в очках.

— Бужу!
— Кого?
— Всех.
— Им это не надо. И тебе не надо будет.
Не буду с ней разговаривать! Все знает лучше всех.

На моей руке висел номерок с порядковым номером. Номер — какое-то тридцати-значное число. Страшно. Их так много? Нас!..

В моих глазах цвели сады. Откуда я это взяла? Мне сказали. Он сказал. Мой милый. Он так и сказал: «В твоих глазах цветут сады». А я засмеялась. Я сказала:

— Хоть чертополох, только бы тебе нравилось!

А он сказал:

— Розы! Розы, а не чертополох!

А я опять засмеялась. И тогда мы стали розы из моих глаз раздавать прохожим. Прохожие стеснялись и не хотели брать, а мы им говорили:

— Возьмите! Они принесут вам счастье!

Тогда все стали их брать, а один гражданин попросил еще, он сказал, что 17 лет женат и мучается, и хочет, чтобы они были счастливы. И мы оборвали последнюю клумбу в моем саду, и осталась только одна роза.

— Ты расстроилась? — спросил мой милый.

— Что ты... — улыбнулась я и отдала ему последнюю розу.

— Я буду носить ее у самого сердца, — сказал он.

— Не забудь поливать ее, — сказала я, — а то завянет!

— Пусть только попробует, — зло сказала собака, — еще раз упасть! Нечего лезть на верхнюю полку, если все время сваливается с нее!

— Его забирают, — скрипуче ответил тюк, стоявший рядом со мной, завернутый в газету.

— Отсюда забирают? — оживилась я.

— Тебя не заберут! — пообещала собака.

— Какая она вредная! — сказала я своему милому, показывая на продавщицу в магазине, не пожелавшую отпустить нам бутылку минералки и закрывшуюся на обед на 15 минут раньше.

— Ты права, — согласился он, — но мы не умрем без минералки.

Я согласилась с ним. Я все время с ним соглашалась, пока не заметила вдруг однажды, что роза из моих глаз цветет в волосах у продавщицы из магазина.

— Нашли из-за чего переживать, — вздохнули где-то справа, — не заберут — и не надо. Я, например, даже не хочу.

— Знаешь что! Давай убежим отсюда, — предложила я собаке, — я найду ход, и мы «сделаем ноги», хочешь?

— Зачем? — лениво спросила собачья голова.

— Как зачем? — опешила я. — Чтобы быть свободными! Ты знаешь, что Пушкин говорил о свободе?

— Не знаю, — отрезала собака и зевнула. — А дальше ты куда пойдешь? Потом, когда насладишься свободой?

— Как куда? — опять не поняла я. — Домой — куда же еще?

— Ага, — кивнула собака, — а мне некуда идти.

— Как это некуда? — в третий раз не поняла я.

Собаке надоел мой удивленный вид, и она убралась к себе на полку.

А я решила выбираться отсюда. Море вещей с порядковыми номерами шушукалось и шевелилось вокруг. Осмотревшись, я пришла к выводу, что убраться отсюда есть только одна возможность: через окошко, находящееся под самым потолком.

Я залезла на верхнюю полку. По старым, уставшим ждать вещам я лезла все выше и выше, пока не добралась до окна.

— Девушка, стойте...

Это мне? Нет, это сумке, красной в горошек, вот она.

— Давайте познакомимся?

— Давайте, всегда рада, особенно с хорошим...

Это опять не мне.

— А меня — зонт, тоже очень... рад...

Вот и здесь можно найти свою судьбу. Каждому свое.

Вот и окошечко, а за ним — она, долгожданная свобода...

Сквозь окно, ой, спину... понарапала? Порвала рубашку? Лопнула резинка? Все нормально вроде... Руку, ногу, так... ага, оттолкнуться... и ввысь! Пятками подрулить... та-ак! Живая, живая! Не вещь! А сомневалась! А теперь — к нему, к нему... Вот она, свобода, как близко, оказывается, она была!

Сверху все кажется маленьким и настоящим, как снизу солнце — небольшой блестящей точкой.

Что это? Шарик? Красная точка? Нет, это роза. Два красивых пальца достают трешницу и кладут ее в карман моего милого, а потом втыкают цветок в волосы, а потом взбивают их попышнее: «Ну, как, милый?» Но она... падает, падает... Плечи, спины, руки, ноги, колени, ступни... Нет! Не наступайте! Нет!

Милый, кричу я, это не ты, это не ты раздавил, ты не видел, это вон тот гражданин.

...А «вон тот гражданин» оборачивается и спрашивает: «Он слепой?»

Да это и не гражданин, это собака с верхней полки, она только очки сняла, я же вижу! Милый, я улетела, убежала, услыла от них, никого не слушай, я иду к тебе!

Вот лестница и лифт, что быстрее? Вот твоя квартира, а вот звонок.

Отворяй, милый, это я, твоя любовь! Мне открывает дверь... ты... За спиной вдали качается нагретый зноем и любовью самовар, и я понимаю, что не вовремя.

— Вам что? — спрашивает... ты... мой милый.

— Я... не вовремя? — робко спрашиваю я. Из-за плеча моего милого высовывается лицо чье-то, улыбающееся.

— Зови девушку чай пить, — слышу я.

— Ты меня не помнишь? — спрашиваю я, открывая шире глаза, чтобы он мог увидеть сады, которые сам посадил и сам вырвал с корнем.

Милый смущенно трет указательным пальцем лоб, и я вылетаю в окно 30-значного этажа и лечу вниз, вниз, страшно. Совсем недавно я летела вверх...

— Девушка, постойте!

Бесполезно, это не мне, это — красной легковой машине...

Ах! Обо что это я ударилась? Это карниз. Где это я? «Девушка, № 30-значный, вы на складе забытых вещей».

Нет, я все-таки лечу, опять лечу. Милый!.. Он показывает мне одним глазом: «Помню, только уйди, я сейчас не могу». А другим: «Господи, только бы тебя не было!» Одним — вверх, другим — вниз! Милый! Луна расколосась надвое, упала и разбилась. Я подлетела и собрала осколки, но поздно, они уже ничего не отражали... Вот здесь были его глаза, здесь — губы, здесь — волосы... Его нет... Это просто осколки от тарелки. От старой, видавшей виды тарелки.

Как здесь много вещей! А я при чем? «Ну как при чем? При ком, наверное?.. Вы при ком были? При миллом? Ну, так знайте, он разбился. Он, оказывается, был стеклянный. Его нельзя было трогать руками. Что же вы не уберегли его? Сами виноваты, не надо было дуть на него... и дышать тоже не надо было».

— Давайте познакомимся? Меня звать зонт, а вас?

— А меня?

— Действительно, как вас зовут, девушка? Чем вы, собственно, были... до того, как попали к нам? Так и запишем... «Любимая вещица милого»... Ну, что же, тоже неплохо. И порядковый номер есть. «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка!» Теперь мы вас посыплем нафталином и посадим на полку. Только чтобы вас мыши не сгрызли. Ну, да ничего, рядом с вами собака.

— Теперь я знаю, что значит «некуда идти», — сказала я собачьей морде в очках.

— Спи, — сказала она, — все привыкают.

по сути дела

Меня интересуют две профессии, потому что люблю и медицину, и Индию. Первая — сексопатолог. Примерно я представляю, что это такое, но все же хотелось бы знать подробнее. Вторая — переводчик с индийского. Где их учат!

Юля Л.,
Свердловская область

Сначала о переводчике с индийского. Индийские языки

и литературу изучают на восточном факультете Ташкентского и восточных языков Таджикского университетов.

А о профессии сексопатолога наш корреспондент Л. Бертин попросил рассказать врача Николая Афанасьевича ПАПИЯ.

— Чтобы стать сексопатологом, — сказал он, — нужно непременно закончить лечебный факультет медицинского института. Поработать какое-то время, после чего пройти специальную переподготовку.

Работают врачи-сексопатологи, как правило, в консультациях по вопросам семьи и брака.

— Какие качества нужны врачу-сексопатологу?

— Прежде всего — неперенное желание помочь пришедшему к тебе на прием. Без этого врача нет, какой бы медицинской специальностью он ни владел. Для сексопатолога, кроме всего, нужны такт, деликатность, умение расположить к себе пациента...

707 Журнал «Парус» открыл впервые. Сразу захотелось вам написать. О счастье. Это то, что нужней всего каждому и что, как правило, труднее всего достигается человеком. (Пока, по-моему, никто не смог опровергнуть такую формулировку). Любовь и призвание, две основные составляющие счастья, выделяю из множества других. Любовь — создание идеального образа и (или) воплощение его в ком или в чем-либо (идеал, конечно же, формируют наши вкусы и потребности). А призвание — это то, что тебя (или меня) неуклонно тянет познать. «Каждый человек добывает свое счастье самостоятельно», — повторяла старушка, у которой я жил на квартире. А сам, еще в детстве, когда только учился мыслить логически, мучился над проблемой: вот всем в этом мире хочется счастья. Но ведь общего счастья пока не бывает. Когда все кругом счастливы — это, наверное, коммунизм!

Теперь чаще задумываюсь: что ж нам мешает на пути к личному (и общему тоже) счастью! На днях прочитал повесть Игоря Россохватского «Законы лидерства». Из этого чтения вывел, что человек во многом живет все еще по программе, заложенной природой, близкой к извечным законам животного мира. Оттого-то поддаются жестоким или примитивным животным потребностям легче, чем тянуться к разумному их осмыслению. Не это ли нам мешает! Вот так развиваются мои философские выкладки. Мне они здорово помогают. Кому интересно — напишите, поделюсь расуждениями. Жизнь прекрасна для тех, кто хочет ее видеть счастливой, не так ли!..

Ладно, отправляюсьмо недописанным — что-то все же в нем есть.

Дима С., г. Свердловск

708 Обоих своих подруг любила и очень ценила. Но как-то раз поняла: я — третья лишняя. Они могут бросить меня и убежать куда-то вдвоем. Они собираются вместе ехать учиться после 10-го класса. Меня с собой не зовут. Ладно, все это как-то можно стерпеть. Так ведь еще унижают буквально на каждом шагу. «У тебя прическа — какой-то ужас». «Ты сегодня страшенькая». «Двух слов не свяжешь». «Разве можно такое носить, что на тебе надето!..» На первый взгляд, это, может, и безобидно, а я потом целую ночь реву. После таких вынуждений на улицу боюсь выйти. А в компании сижу тихонько и помалкиваю. Стоит мне что-то сказать, подружки «сострить» могут. Да так, что все надо мной захохочут. И, понимаете, они считают, что ведут себя правильно. А я! Я чувствую, что нужно как-то себя переделать, но как! Как научиться правильно и грамотно говорить в любой момент отвечать остроумной шуткой, да и вообще, как узнать, что, где, по какому поводу надо сказать, чтобы над тобой не смеялись!

Г. С., Тюменская область

709 Очень часто задаю вопрос: а зачем! В силу, быть может, преобладания во мне холодного разума над чувствами, отвечаю себе: незачем! Учиться! — Незачем. Неинтересно. Дискотека! — Незачем. Неинтересно. И вообще, все — суета, все преходяще. Как преодолеть в себе лень и эгоцентризм! Возможно, я найду ответ на этот вопрос в откликах на мое письмо. Хотя, если честно, я сам в состоянии разобраться во многом. Не считите за нескромность, я все понимаю в этой жизни, или почти все. Стараюсь находить объяснение всему, что происходит вокруг нас, меня. «Копания» в себе утомляют, хочется того самого обыкновенного общения, о котором грезят многие читатели. Поэтому еще чуть-чуть о себе (хоть и так уже полно «я»). 21 год. Консерватор. Максималист. Увлечений практически нет, все убило это «а зачем!». В общем, представитель «серой массы»...

Аргын С-ов, г. Караганда

710 Помогите, если это возможно, найти бывших моих одноклассников. Волею судеб многие из нас сменяли за десять лет учебы не одну школу. В этом году (кто где) окончили десять классов. И, как это бывает с каждым, наверное, на выпускном вспоминали своих самых первых учителей, первый класс, общие праздники, дни рождения, вечера и походы — все то, чем было наполнено детство. Мы не обменивались адресами, не придавая тогда этому какого-либо значения. А теперь так хочется узнать о каждом из первоклассников 1978 года начальной школы № 24 г. Борзя Читинской области. Нашей первой учительницей была Зинаида Викторовна Онуфриева, а потом — Надежда Романовна Мерзлякова. Буду рада ответить всем, кто вспомнит Изотову Екатерину. Пишите по адресу: 199106, г. Ленинград, ул. Гаванская, д. 14, кв. 15.

711 Впервые познакомился с девушкой в 12 лет. Потом — в 13. Потом — в 14. В каждое новое чувство кидался, как принято говорить, «с головой». Старался, чтобы не оборвались нити первой любви. Ничего почему-то не получилось. А так хочется знать, что ты нужен кому-то, готов во всем помогать, заботиться, надеяться, что о тебе думают, помнят... Может, я найду в себе силы еще раз начать сначала, но это будет, наверное, в самый последний раз.

Виктор, 15 лет, г. Тольятти

712 Мама сегодня сказала, что они с отцом собираются развестись. Эта угроза уже висела над моей головой несколько месяцев назад, но я думала — обойдется. И вот опять... Как же верить теперь, что и с тобой в будущем не случится то же! Ведь было же в нашей семье полное взаимопонимание, а потом что-то сломалось. Что! Если все произойдет так, как сказала мама, я останусь с отцом. Он не сможет один, он очень неприспособленный человек, и я люблю его. Маму тоже люблю. И не знаю, как из такой ситуации выйти. Не будет ли предательством по отношению к матери то, что я останусь с отцом!

Ольга, Татарская АССР, г. Нижнекамск

713 Увлекался и увлекаюсь многим: спорт, книги, радиоэкстрастирование, горы, философия, рисование, Восток и так далее. Смысла жизни, несмотря на все это, в своем существовании не вижу. Все направлено на то, чтобы «забить» сознание. А мозг требует все больше и больше материала. На работе, где загруженность небольшая, умираю от безделья. А ведь хотелось бы на износ работать, творить. Деньги, манеры, тряпки и прочая мешанская грязь не способны соперничать со счастьем творчества. Сейчас говорят, что надо бороться за утверждение своих идей. А я не хочу бороться — хочу говорить делами без болтовни, которая сама по себе лишь гармоническое колебание воздуха. И с кем или с чем бороться! Бороться сейчас за материальные блага, чтобы к пенсии почувствовать себя человеком (т. е. обладателем благ, предоставляемых обществом)! Неужели этого достаточно!

Пишу не для того, чтобы поплакаться о каких-то бедах и трудностях — хочу попытаться доказать ограниченность, неполноту той жизни, которую многие вокруг меня ведут. Давно уже надо не говорить, а ко всей нашей жизни подходить творчески!

Эвальд Л., г. Вильнюс

714 Ситуация, собственно, довольно обычная: мы с подружкой влюбились в одного и того же парня. Он ей нравится с первого курса [мы все учились в техникуме], и я, зная это, долго старалась не обращать на него внимания. Но... Как мне объяснить с подружкой! Как отнестись к нему, ведь мы все ежедневно встречаемся! Это ж сплошное мучение. Попыталась переломить себя. Но пока, увы, ничего не выходит...

Оксана, г. Павлодар

СЛУЧАЙНЫЙ ДИАЛОГ

715 Делю сегодняшнюю молодежь на три группы. Первая — «неформалы». Вторая — те, что сидят потихоньку дома, не высываются, не нарушают никаких правил, ничем не выделяются. «Маменинские детки». Третья, самая многочисленная, — нечто

среднее между первой и второй. Мне хотелось бы отнести себя к первой группе, хоть я прочно застряла в третьей. «Неформаль», что бы там про них ни говорили, имеют хоть какую-то цель, их что-то объединяет. А все эти «маменькины» если чего и делают, так лишь для того, чтобы «наработать» характеристику. Когда-то мне нравились эти «тихоны», теперь к ним остались два чувства: жалость и ненависть. Прочувшись всю свою молодость, они в 30—50 лет ни о чем интересном не смогут вспомнить. Вот нам твердят каждый день: учиться, потом поздно будет! Но ведь учиться-то как раз «никогда не поздно», а молодость не вернуть... И еще: из тех, кто «хорошо воспитан», кто не вылезает из рамок общепринятых норм, чаще всего вырастают подхалимы и подлецы. Их хорошие манеры — показуха. Собственные мысли они прачут и высказываются не в глаза, а где-то за углом. Вслух повторяют чужое, то, что им выгодно. Разве мало таких примеров? Я мечтаю о друзьях и подружках «из толпы». Пусть они грубы и невоспитанны, зато искренни. У них все чувства на виду. А этого как раз мне сейчас не хватает. Не люблю жить завтрашним днем. Кто-то сказал: «В жизни ничего не повторяется. Завтрашний день прекрасен, но его может и не быть. Научитесь жить сегодня». Этого я и хочу.

Света М.,
г. Набережные Челны

716 Вам пишет водила «мафии». Нас всего 10 девченок. Возраст — от 14 до 19 лет. Мы поклонницы хэви-метал, но любим и другую современную музыку. Курим. Не откажемся выпить. Каждый вечер собираемся в подъездах. Слушаем маг, базарим. У нас много знакомых парней. Только знакомых. Хотелось бы, чтобы некоторые из них оставались надолго друзьями. Почему-то этого не происходит. Спросите, зачем я все это пишу в «Парус»? А надоела такая вот жизнь. Хочется с кем-нибудь по душам поговорить, поделиться тем, что таится в душе глубоко, тем, что снаружи не видно. О себе: студентка медицинского училища, семнадцатый лет, иду в «хорошистах». В училище никто и не подозревает о моей «мафии», не до-

пускаю ничего «такого»... Не печатайте мое настоящее имя, если вообще посчитаете нужным печатать мое письмо. Но я перестала уже надеяться на что-то хорошее, на какие-то изменения. А надеяться — хочется.

«Зоя»,
г. Орша, Витебская область

ХОЧУ У СВЕРСТНИКОВ СПРОСИТЬ

717 Полгода встречаюсь с девушкой, любим друг друга. И это настоящее, серьезное чувство. Собираемся расписаться, хоть наши родители всячески мешают этому. Особенно упорствует ее отец. Она его ненавидит! [Да он и не родной ей, хотя это, наверное, мелочь]. Однажды он взял у моей любимой 50 рублей, да так и не вернул их. Она как-то раз потихоньку забрала деньги сама и никому не сказала об этом. Получается — своровала. А я не остановил ее — не знал об этом. Но уже всего то, что в злощастный день «возврата» денег, я был в гостях у них дома. Теперь все считают воров — меня. Моя девушка, испугавшись расследования, покаялась, что ничего не брала. Не могу же я теперь предать ее! Взять вину на себя — благородно. Но родители моей девушки собрались подавать на меня в суд. Время идет, что же мне делать!

Сергей Б.,
г. Москва

ОТКРОВЕННО

718 ...К 14-ти начинаешь понимать, что друга найти не так просто. А в 18, помоему, — уже невозможно. Тем, кто ходит на дискотеку, — 15—16 лет. Тем, кто все вечера в ресторане, — к 30 и за 30. А если нам 19! Гуляем по набережной Амура. Подходят «юноши» с седливой на висках и назойливо спрашивают, не желаем ли мы «сняться в кино». Нет, не желаем. Они спокойно отчлываются. Зато привалили «красные молодцы» помоложе... Всем надо одного. Кто напрямую, кто намеками зовет нас отведать райских сладостей. Но мы с подругой воспитаны иначе [извините, если это громко звучит]. Оттого, что слишком «гордые», чаще всего сидим дома. «Водят» парни с другими. С теми, кто по простоте и наивности верит ярким обещаниям «современных

рыцарей». Так уж девчонки устроены: верят, потом каются, страдают. И опять ищут кого-нибудь, чтобы опять верить. Только вот как найти не на одну ночь, не на один месяц, не на год — на всю жизнь!

Я не жалуюсь на внешность [правда, очень высокая]. Не жалуюсь на умение общаться. Жалуюсь на ограниченность, узость потребностей и интересов окружающих ребят. Извините за прямоту, кроме как целоваться, мне с ними делать нечего. Скучно. Поэтому ищу друга. Нет, не идеал. Человека!

Людмила,
г. Благовещенск

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОНТАКТ

с друзьями по увлечению хотели бы наладить поклонники — творчество бардов и группы «Аквариум»

450064, г. Уфа,
ул. Комарова,
д. 18, кв. 38.
Татьяна Измайлова

— старого доброго рок-н-ролла и квартета «Битлз» 163060, г. Архангельск, ул. Тимме, д. 2, кв. 420.
Ольга Сурова, 16 лет

— советских рок-ансамблей

350002, г. Краснодар,
ул. Промышленная,
д. 94, кв. 87.
Андрей Поспелов

— таланта А. Б. Пугачевой 320102, г. Днепропетровск, ул. Буденного, д. 57, кв. 1.
Валентина Шепелева

— частушек и современной молодежной музыки 157946, Костромская область, Красносельский р-н, п. о. Прискоково, д. Сухара.
Оксана Виноградова

— вокально-инструментального ансамбля «Песняры»

111531, г. Москва,
Шоссе Энтузиастов,
д. 100, к. 4, кв. 715.
Андрей Бажурин

— «металлической» музыки 211180, Витебская область, г. Лепель, ул. Дзержинского, д. 9.
Наташа В. и Лена С.

— классики и народных песен

163046, г. Архангельск, Обводной канал, д. 69, кв. 20.
Татьяна Семенова, 17 лет

— «Машины времени» и группы «Секрет»

614067, г. Пермь,
ул. Вагонная, д. 7, кв. 71.
Надежда Стерцева, 15 лет

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

719 Интересуемся программированием.

Пока, правда, постоянно доступным вычислительным средством для нас обоем является программируемый микрокалькулятор. С помощью «Паруса» надеемся создать заочный клуб любителей программирования. Обещаем ответить каждому, кто напишет нам, готовы поделиться своими программами.

Михаил Логинов,
Борис Петров
(обоим по 16 лет).
453195, Башкирская АССР,
г. Стерлитамак, ул. Коммунистическая, д. 14, кв. 10

720 Наш класс в этом учебном году будет готовить общешкольную программу «Мы ищем таланты». Подскажите, как провести этот праздник так, чтобы запомнился всем надолго. Поделитесь опытом, у кого он уже имеется. Снежана Кашпор, 15 лет. 160018, г. Вологда, пос. Федотово, д. 7, кв. 19

Рубрику ведет Тамара САХАЩИК

«Девушки, спасибо вам за внимание, за совет. За то, что поделились мнением... помогли отыскать ровесников с похожими интересами...» — такие письма стали все чаще встречаться в почте рубрики «Ищу друга». На конверте значится: «Передать Ире Ноздриной или Лене Кагукиной». Ира и Лена, девятиклассницы 126-й минской школы, второй год входят в нашу Малую редколлегия, активно помогают редакции в работе с читателем. Особая их работа — проблемы тех, кто написал в рубрику «Ищу друга».

Большая и Малая редколлегия объявили Ирине Ноздриной и Елене Кагукиной благодарность за помощь и решили вручить девушкам памятные подарки.

быстрее, чем твист. И если бы рок-н-ролл не пересек океан, мы слушали бы сегодня совсем другую музыку.

Часть IV. И на старуху бывает проруха

Старушка Европа недолго хладнокровно наблюдала, как сходит с ума по рок-н-роллу Америка. Не успели еще обозреватели снисходительно объяснить очередной культ-бит заокеанской моды неглубокими культурными традициями и склонностью американцев к сенсационности, как в ритме рок-н-ролла затряслась почва и у них под ногами. Уже на исходе 1955 года «Рок круглые сутки» Билла Хэйли стал самой продаваемой пластинкой в Великобритании. А спустя год английские подростки заимели собственного мини-Пресли. Ошеломительная карьера безвестного экс-юнга Тома Хикса, подрабывавшего выступлениями в кофейном баре «Ту Айз» на Олд Комптон-стрит в Сохо, который сменил имя на **Томми Стил** (см. стр. 40) и за пару месяцев превратился в самого высокооплачиваемого певца в Англии, послужила вдохновляющим примером сотням начинающих рокеров.

Для преодолевшего Атлантический океан рок-н-ролла Ла-Манш и вовсе не был пре-

танту. Надо отдать должное молодому человеку. Он не кудалтал, как его бывлые клиенты, найдя червяка, а распорядился подарком судьбы с умом. Перед 40 миллионами зрителей «Америкэн Бендстэнд» предстал уже «неподражаемый Чабби Чеккер, восходящая звезда твиста».

Чеккер песен не писал и ни на чем не играл. Его козырным тузом стал изобретенный им танец, который «мистер Твистер» рекламировал без устали. Для наглядности Чеккер советовал вообразить начинающему танцюру, что он давит ногами окурки, а верхнюю половину туловища усердно растирает полотенцем. (Тем, кому не хватает воображения, советую посмотреть уроки твиста, которые дает Бывалый в кинофильме «Кавказская пленница»).

Твист был достаточно простым и забавным танцем, в котором партнеры, отчаянно разминая свои тазобедренные суставы, практически не касались друг друга. При этом твист оставался лишь бледной копией динамичного рок-н-ролла. Копия всегда хуже оригинала. Но чтобы понять секрет триумфального шествия нового танца, надо знать 2-й закон шоу-бизнеса: суррогат стоит меньше, продается лучше, а прибыли приносит больше, чем оригинал. Этот закон подтвердит свою универсальность в эпоху «диско».

54

51

марионетками, как подопечные Кларка. Редж Смит, выступавший под псевдонимом **Марти Уайлд**, и Рональд Уичерли (**Билли Фьюэри**) остались в списке тех, кто стоял у истоков британского рока. Любопытно, что Ким Уайлд повторила успех отца спустя четверть века.

Надо упомянуть еще несколько имен.

К **Адаму Фэйту** (настоящее имя Терри Нелхэмз) успех пришел после участия в телешоу Джека Гуда. С 1959 по 1962 год он имел десять попаданий в первую десятку. Впоследствии стал актером, но с музыкой не порвал. Ему во многом обязан своей карьерой популярный в 70-е годы Лео Сэйер.

Вопящий Лорд Сатч со всем своим антуражем был английским аналогом Вопящего Джея Хокинза. Широко известна описанная в одном из рассказов Джеймса Олдриджа история о том, как он (Лорд) организовал кампанию по выборам себя в парламент. В его группе играли в свое время два легендарных гитариста — Джимми Пэйдж и Ритчи Блэкмор.

Ну, а о **Клиффе Ричарде** речь пойдет в следующей главе.

(Продолжение следует)

56

в переплет!

Эдуард ДУБРОВСКИЙ

ТРИ ПРАВИЛЬНЫХ АККОРДА КРАТКАЯ ХРОНИКА РОКА

Часть III. Лучший способ похудеть

Мы говорили о плацебо. Внешне оно должно иметь максимум сходства с настоящим лекарством. С этой точки зрения твист был идеальным заменителем. Он копировал

На снимке: Чабби Чеккер

Продолжение. Начало — в №№ 1, 2, 4, 5, 6, 9 за этот год.

49

Но вернемся в 1961 год. Ареал эпидемии твиста вначале сосредоточился в районе нью-йоркского ночного клуба «Пепперминт Лаундж», где Чеккер в поте лица демонстрировал движения своего танца. На следующий год режиссер Оскар Рудольф снял фильм «Твист круглые сутки» (помните «Рок круглые сутки?»), естественно, с Чеккером в главной роли. А сам Чеккер отправился в кругосветное турне по Америке, Австралии и Европе, предлагая новый боевик «Давайте твистовать снова». Его песня «Твист» побилла к этому времени коммерческие рекорды «Рока круглые сутки» и на протяжении всех 60-х годов оставалась самой продаваемой пластинкой в поп-музыке.

Чеккер не жалел ни подметок, ни себя. Он утверждал, что твист — лучшая диета, и был прав. Говорят, что этот провозвестник аэробики потерял за один год больше пуда собственного веса. Твистовая лихорадка распространялась, как грипп в гнилую зиму. К 1963 году эпидемия превратилась в пандемию. Твистовали все: от сопливых мальчишек в забегаловках Гарлема до жены президента Жаклин Кеннеди. У Чеккера появилась масса последователей. **Джои Ди** и «**Старлайтерз**» воспевали «Пепперминт Лаундж» в одном из самых больших боевиков того времени «Пепперминт Твист». Семей-

52

рок-н-ролл во всем. В отношении музыки его можно было назвать разнovidностью рок-н-ролла с характерным «скользящим» звучанием солирующего саксофона и фоновым вокалом в стиле «ду-уап». По текстам он полностью соответствовал стандартам Дика Кларка и ему подобных. Название? «Твист» по-английски — «крутись», «ролл» — «вращайся». Твист начался с перелицовки ритм-энд-блюза Хэнка Балларда, который так и назывался «Твист» (см. стр. 24). Ну и, конечно, имел своего короля — вихляющего бедрами **Чабби Чеккера**. Даже имя его было вторично. В дословном переводе с английского Чабби Чеккер и Фэтс Домино — синонимы: «чабби» — «толстощекий», «фэтс» — «толстяк»; «чеккер» — другое название игры в домино.

На самом деле этого упитанного чернокожего парня родители называли Эрнст Эванз. Он начал карьеру на филладельфийском птичьем рынке в качестве потрошителя кур. Когда Эванзу шел девятнадцатый год, ему вдруг улыбнулась фортуна. Причем одарила улыбкой до ушей — его пригласил сам Дик Кларк. Правда, Кларк хотел, чтобы в программе принял участие Хэнк Баллард, но не поладил с ним. Запись оказалась под угрозой, и он предложил исполнить облюбованную песню никому не известному дебю-

50

ное трио «**Айли Бразерз**», забыв родной госпел, записало «Твист энд Шаут» («Крутись и кричи»). Отличился даже Элвис Пресли, который выпустил твистовый хит «Рок-а-хула Бэйби». Серьезную конкуренцию Чеккеру представлял **Гари «Ю-Эс» Бонд** (настоящее имя Гари Андерсон), обладатель двух стандартов: «Дорогая леди Твист» и «Твист Твист Сеньора».

Не остались в стороне и мы. Едва ли не каждый день из радиоточки доносилась привычная, как позывные последних известий, мелодия. Тамара Миансарова сообщала информацию о невезучем коте: «Жил да был черный кот за углом...» А лейтмотивом уже упоминавшегося фильма «Кавказская пленница» был твист «Песенка о белых медведях». Кстати, там же герой Юрия Никулина напевал мотив еще одного модного в начале 60-х годов танца халли-галли. Дело в том, что, как ни развинчивал поясицу Чабби Чеккер (а он умудрился за пару лет выпустить полтора десятка альбомов), твистомания схлынула так же внезапно, как и появилась. Американская музыкальная промышленность двинулась по уже проторенному пути: появились новые танцы — халли-галли, флай, пони, лимбо, шейк... Направлять агрессивность молодежи в танцы было очень выгодно. Но все эти танцы выходили из моды еще

53

пятствием. В 1957 году в миланском Ледовом дворце состоялся первый в Италии фестиваль рок-н-ролла. С песенкой «Я скажу тебе чао» победил бойкий дебютант по имени **Адриано Челентано**. Тем самым он заложил фундамент своей тридцатилетней карьеры преуспевающего певца и киноактера. Доморощенные «короли рок-н-ролла» появились едва ли не во всех странах Европы. Например, в Польше — **Михай Бурано**, в Австрии — **Петер Краус**, в Чехословакии — **Петр Янда**. Самым знаменитым из европейских «монархов» был **Джонни Холлидэй**, настоящее имя которого выдавало его неамериканское происхождение — Жан-Филипп Сме.

Однако что же творилось в Англии? Диком Кларком британского рок-н-ролла стал предпринимчивый импресарио **Ларри Парнс**. Один из его питомцев и первый из европейских рокеров Томми Стил к этому времени решил остепениться и вскоре стал специалистом по сентиментальным балладам и ролям «хороших парней» в семейных сериалах. Однако Парнс не терялся. Почти все английские рокеры прошли через его школу. Гвардию Парнса, как по клейму, легко опознать по имени музыканта. Парнс давал «говорящие» псевдонимы: Уайлд (дикарь), Фьюэри (ярость), Прайд (гордость), Фэйм (слава), Пауэр (сила) и так далее. Не все из них были

55

Министерство связи СССР
„Союзпечать“

газету **70795**
на журнал (индекс издания)

АБОНЕМЕНТ на

(наименование издания) **«Парус»** Количество комплектов

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

III место ли- на газету **70795**
на журнал (индекс издания)

(наименование издания)

«Парус»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплек- тов:
	пре- адресовки	руб. ___ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

читатель почитывает, а писатель подсчитывает

языком цифр и не только

Тилографский процесс так уж устроен, что обратная связь с читателем у нас не слишком оперативна. В октябре мы обсуждаем в журнале анкеты майского номера. Что запомнилось из прочитанного почти полгода назад! Надеемся, то, чему вы поставили высшие баллы. 34 «десятки» из ста возможных, 22 «девятки», 9 «восьмерок», 17 «семерок» получила публикация «Требуется Арбат!». Средний балл — 8,03.

Чуть меньше у «Музыкального магазина». Высокие баллы — у

«Тайны дота 59» Александра Полякова, «Еще раз о тернистом пути к изобилию» Геннадия Лисичкина. Это показатель того, что наш читатель готов к обсуждению серьезных и острых проблем, безразличен к истории.

Не дотянул до «пятерки» лишь один материал: «Если можно — молча» Виктора Васильева под рубрикой «Взялся — ходи». Публикация, кстати, по мнению любителей шахмат, достаточно квалифицированная. В спортивном издании она, наверное, оказалась бы на виду...

В целом о номере отзывы хуже, чем обо всех предыдущих в этом году. Мы такую точку зрения разделяем. И уже к июню, как нам кажется, исправимся.

К тому же теперь у редакции есть возможность точнее сориентироваться и реальнее представить, кто читает «Парус». На обороте анкет вы о себе рассказали. Спасибо. Оказалось, что из сотни наших читателей — 54 школьника, 13 рабочих, 14 учащихся ПТУ, 2 курсанта, 1 колхозник, 7 студентов

высших учебных заведений, 6 — учащихся техникумов. Не представились всего трое из ста. Из тех, кто заполнил анкеты пятого номера, 24 процента юношей, 67 — девушек, 6 процентов читателей подписались инициалами.

О возрасте. 13 и «почти 13 лет» — 2 человека из взятой нами сотни, 14 лет — 8, 15 лет — 14, 16 лет — 26, 17 лет — 18, 18 лет — 10, 19 лет — тоже 10, «за 20» — 8, «за 30» всего только одному (вернее, одной) — учительнице средней школы.

И еще. Вот что написала на обороте своей анкеты Лариса Скрипник, девятиклассница из Подмосковья: «Свежий «Парус» читаю сама, потом все домашние, затем друзья и подруги. В итоге уже несколько человек подписались на ваш журнал со следующего года. Считайте меня своим агитатором и распространителем».

Считаем, Лариса. Ведь сейчас — разгар подписной кампании. Спасибо тебе и всем, кто прислал (и пришлет) нам анкеты.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

 Парус

ЗВОНИТЕ:

20-41-30

20-24-00

20-31-27

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП,
ул. Короля, 12

Главный редактор
Александр КЛАСКОВСКИЙ

Редакционная коллегия:

Владимир ВЕРХОВЕЦ, Тамара ГЛАВАК, Василий ГУРИН,
Алексей ДУДАРЕВ, Борис ЖУРАВЛЕВ, Евгений КЛИМОВ,
Валентин МАСЛЮКОВ (отв. секретарь), Ирина ПАВЛЮЧИК,
Борис ПАСТЕРНАК (зам. главного редактора), Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАИЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Сдано в набор 13.07.88. Подписано к печати 29.08.88. АТ 09662. Формат 70×108^{1/16}. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15,05. Уч.-изд. л. 8,3. Зак. 1060. Тираж 400 000 экз. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А

Тот, кто впервые попадает на концерт ленинградской группы «Ноль», поначалу недоумевает: рок ли это! Бас-гитара (Г. Стариков), ударные (А. Воронов) и... баян. Но кто сказал, что баян и свинг, блюз, рок несовместимы! Во всяком случае, это с блеском опроверг Федор Чистяков. Рок Чистякова предстает вдруг таким русским, что кажется — он родился не в среде черных музыкантов, а в сельском клубе где-нибудь под Вологодой. Зритель уже со второй, третьей песни принимает «дядю Федю» за своего: Чистяков не только виртуоз, но и прирожденный лицедей.

«Ноль» появился в Ленинграде вдруг, внезапно в 1986 году и в конце того же года стал сенсацией на концерте Ленинградского рок-клуба. Музыкантами записан пока только один магнитоальбом «Нулевая группа».

Б

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Б**А**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А

«Вдруг появилась группа, которую можно смело отнести к десяти лучшим авангардным коллективам мира!».

Это выдержка из польской прессы после выступления московской группы «Звуки Му» на варшавском фестивале альтернативной рок-музыки «Морковка-88». До того «Звуки» потрясли венгерскую публику на таком же по направлению фестивале.

Основатели ансамбля Александр Липницкий (менеджер, начавший учиться играть на бас-гитаре лет в тридцать — вот это преданность идее!) и Петр Мамонов (поэт, композитор, певец) с самого начала, т. е. с 1981 г., пошли нетрадиционным путем. Скажем, о пьянстве, лицемерии, ханжестве пели уже многие. Но «Звуки» показали эти пороки как бы «изнутри» — Мамонов играет на сцене алкоголика-шизофреника, на которого смотреть страшно, но не смотреть невозможно. У Мамонова несколько странное дарование: он антиактер и антипоэт, но от этого еще более интересен. Песни «52-й понедельник», «Союзпечать», «Серый голубь» и другие еще ни разу не звучали в эфире, но благодаря записям и концертам распеваются любителями рока по всей стране.

Б

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Б

456789

ЧТО Н

СВЕЛЬМАШОК С.

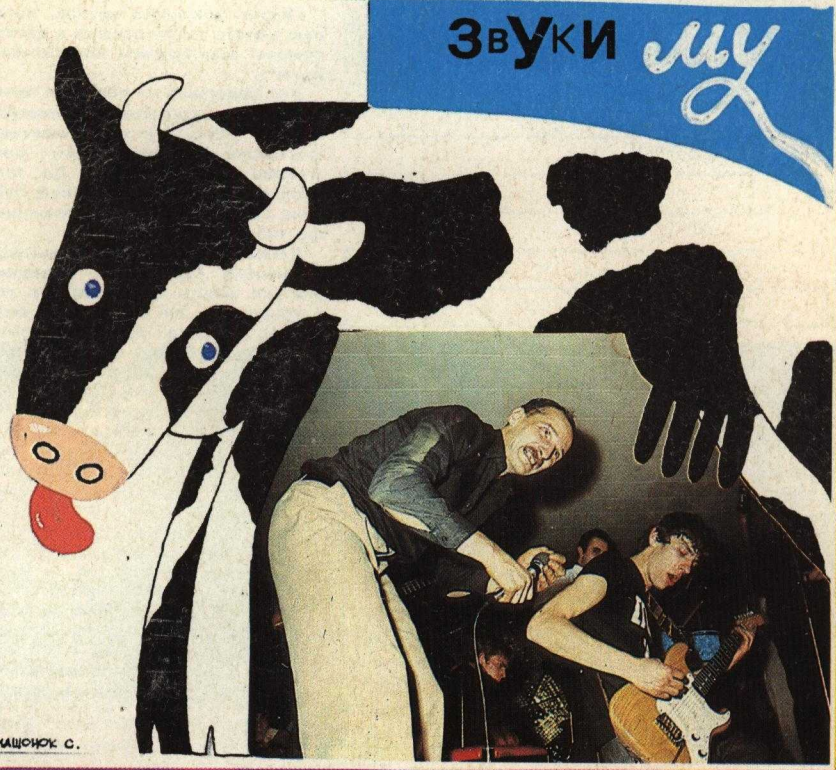
Парус

А

Парус

Б

Парус

ЗВУКИ му

Парус

А

Парус

Б

Парус. 1988. № 10. 1—64. Индекс 70795. Цена 30 коп.